

2025

Экономика и управление: теория и практика

ОТРАСЛЕВЫЕ И РЕГИОНАЛЬНЫЕ ЭКОНОМИЧЕСКИЕ
СИСТЕМЫ

ФИНАНСЫ, ДЕНЕЖНОЕ ОБРАЩЕНИЕ И КРЕДИТ

ИННОВАЦИОННОЕ РАЗВИТИЕ

МАТЕМАТИЧЕСКИЕ И ИНСТРУМЕНТАЛЬНЫЕ МЕТОДЫ В
ЭКОНОМИКЕ

Министерство науки и высшего образования Российской Федерации
Федеральное государственное автономное образовательное
учреждение высшего образования
«Севастопольский государственный университет»

ISSN 2412-8376

2025

Т. 11 № 3

Выходит 4 раза в год

ЭКОНОМИКА И УПРАВЛЕНИЕ: ТЕОРИЯ И ПРАКТИКА

СБОРНИК НАУЧНЫХ ТРУДОВ

Издается с сентября
2015 года

ECONOMY AND MANAGEMENT: THEORY AND PRACTICE

COLLECTION OF SCIENTIFIC PAPERS

Volume 11 • No 3 • 2025

Отраслевые и региональные экономические системы

Финансы, денежное обращение и кредит

Инновационное развитие

*Математические и инструментальные методы управления в
экономике*

Branch and regional economic systems

Finance, money circulation and credit

Innovative development

Mathematical and tool methods of economy

Учредитель и издатель:

ФГАОУ ВО «Севастопольский государственный университет»
Ул. Университетская, 33, Севастополь, 299053, Российская Федерация

Главный редактор

Пискун Е.И., д-р экон. наук, доцент

Ответственный секретарь – Хохлов В.В., канд. техн. наук, доцент.

Редакционный совет:

Суслов В.И., член-корреспондент РАН, д-р экон. наук, профессор (г. Новосибирск);
Антонюк В.С., д-р экон. наук, профессор (г. Челябинск); Банникова Н.В., д-р экон. наук,
профессор (г. Ставрополь); Богачкова Л.Ю., д-р экон. наук, профессор (г. Волгоград);
Бондарев Н.С., д-р экон. наук, профессор (г. Кемерово); Вачков Стефан, д-р экон. наук,
профессор (г. Варна, Болгария); Вечкинзова Е.А., канд. экон. наук, доцент, (г. Москва);
Данилова О.В., д-р экон. наук, профессор (г. Москва); Карп М.В., д-р экон. наук, профессор
(г. Москва); Лавровский Б.Л., д-р экон. наук, профессор (г. Новосибирск); Логунова Н.А.,
д-р экон. наук, доцент (г. Керчь); Митрофанова И.В., д-р экон. наук, профессор
(г. Ростов-на-Дону); Нижегородцев Р.М., д-р экон. наук, профессор (г. Москва);
Санкова Л.В., д-р экон. наук, профессор (г. Саратов); Санько Г.Г., д-р экон. наук,
профессор (г. Минск, Республика Беларусь); Чужмарова С.И. д-р экон. наук, доцент
(г. Сыктывкар); Шаховская Л.С., д-р экон. наук, профессор (г. Волгоград); Шинкевич А.И.,
д-р экон. наук, д-р техн. наук, профессор (г. Казань); Яшина Н.И., д-р экон. наук,
профессор (г. Нижний Новгород).

Свидетельство о регистрации средства массовой информации ПИ № ФС77-64119 от 25.12.2015
г. выдано Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и
массовых коммуникаций (Роскомнадзор)

Издание рассчитано на научных работников, аспирантов, студентов. Сборник выходит 4 раза в
год.

*Сборник включен в «Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть
опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученых
степеней доктора и кандидата наук», рекомендованный Высшей аттестационной
комиссией при Министерстве науки и высшего образования Российской Федерации.*

Сборник включен в базу данных «Российский индекс научного цитирования» (РИНЦ):
http://elibrary.ru/title_about.asp?id=56628.

Подписной индекс 33322. Свободная цена. 12+

ЭКОНОМИКА И УПРАВЛЕНИЕ: ТЕОРИЯ И ПРАКТИКА

Т. 11 • № 3 • 2025

СБОРНИК НАУЧНЫХ ТРУДОВ

СОДЕРЖАНИЕ

Отраслевые и региональные экономические системы

Башкина Н.А., Клым-Еремина Н.В., Шишакова Ю.В. Нейробиология и аромамаркетинг в управлении восприятием бренда.....	5
Бикбов Е.А., Пьянкова С.Г. Способы повышения устойчивости региональных экономических систем: современный опыт и философский подход	18
Богачкова Л.Ю., Сысоев И.А. Бедность и неравенство в регионах РФ в контексте политики устойчивого развития: компаративный анализ данных	27
Ветрова Н.М., Гайсарова А.А. Особенности процесса совершенствования региональной инновационно-инвестиционной инфраструктуры	37
Гармашова Е.П., Пунга Д.В. Экономика города Севастополя в условиях санкционных ограничений	46
Глезман Л.В., Федосеева С.С. Оценка эколого-экономического развития агропромышленных регионов Российской Федерации	53
Гундорова М.А., Фраймович А.Д. Индикаторы, факты и перспективы достижения технологического суверенитета в регионах РФ	60
Исаев С.Ю., Мухин М.А., Урасова А.А. Межрегиональное взаимодействие как эффективная практика развития городских агломераций	68
Кирильчук С.П., Ярош И.В. Эволюция приоритетов инновационного развития компаний в условиях экономической трансформации	76
Фраймович Д. Ю., Ильина А.А. Анализ темпов и закономерностей обновления основного капитала в регионах	84
Щекин А.С. Интеграция системного, коммуникационного и поведенческого подходов к управлению организационной культурой	92
Щербакова С.А., Швец Е.А. Параллельный импорт как эффективный инструмент таможенной политики Российской Федерации в условиях санкций	101

Сведения об авторах..... 119

ECONOMY AND MANAGEMENT: THEORY AND PRACTICE

T. 11 • № 3 • 2025

COLLECTION OF SCIENTIFIC PAPERS

CONTENTS

Branch and regional economic systems

Bashkina N.A., Klym-Eremina N.V., Shishakova Yu.V. Neuroscience and Scent Marketing in Brand Perception Management	5
Bikbov E.A., P'yankova S.G. Methods for Increasing the Sustainability of Regional Economic Systems: Modern Experience and Philosophical Approach	18
Bogachkova L.Yu., Sysoev I.A. Poverty and Inequality in the Regions of the Russian Federation in the Context of Sustainable Development Policy: Comparative Data Analysis	27
Vetrova N.M., Gaysarova A.A. Features of the process of improving the regional innovation and investment infrastructure	37
Garmashova E.P., Punga D.V. The Sevastopol City Economy in the Context of Sanctions Restrictions	46
Glezman L.V., Fedoseeva S.S. Assessment of Ecological and Economic Development of Agro-Industrial Regions of the Russian Federation	53
Gundorova M.A., Fraymovich A. D. Indicators, Facts, and Prospects for Achieving Technological Sovereignty in the Russian Federation's Regions	60
Isaev S. Yu., Mukhin M. A., Urasova A. A. Interregional Interaction as an Effective Practice for Developing Urban Agglomerations	68
Kirilchuk S.P., Yarosh I.V. The Evolution of the Priorities of Innovative Development of Companies in the Context of Economic Transformation	76
Fraymovich D.Yu., Ilina A. A. Analysis of the Pace and Patterns of Renewal of Fixed Assets in the Regions	84
Shchekin A.S. Integration of System, Communication and Behavioral Approaches to Organizational Culture Management	92
Shcherbakova S.A., Shvets E.A. Parallel Import as an Effective Instrument of the Customs Policy of the Russian Federation in the Context of Sanctions	101

Information about authors 119

УДК: 331.101.36:339.138

Нейробиология и аромамаркетинг в управлении восприятием бренда

Н.А. Башкина¹, Н.В. Клым-Еремина², Ю.В. Шишакова³^{1,2,3}Государственный университет управления, г. Москва, 109542, Россия¹na_bashkina@guu.ru, ²natali_k-e@mail.ru, ³u.shishakova@mail.ru

Статья поступила 06.11.2025

Аннотация

В условиях большой конкуренции компаниям всё сложнее привлекать клиентов. Нейробиология поведения потребителя обладает растущим потенциалом в сфере управления восприятием бренда и влиянием на решение о выборе продукта, поскольку позволяет выявить внутренние предпочтения потребителей с помощью инновационных методов и инструментов. В статье показана роль нейробиологии в решении вопроса восприятия бренда, раскрыты особенности и преимущества применения аромамаркетинга. В целях изучения поведения потребителей и способов привлечения новых клиентов в статье представлен обзор актуальных методов нейробиологии через примеры их применения в разных сферах бизнеса. Проведен анализ результатов исследований, посвященных изучению природы воздействия ароматов на подсознание клиентов с целью правильного восприятия бренда и, как следствие, совершения покупок. Кроме того, в данной статье раскрывается суть современных технологий, используемых для изучения восприятия человеком запахов в процессе ароматизации бизнес-пространств для целенаправленного влияния на клиентов и получения выгоды.

Ключевые слова: потребительская нейробиология, инструменты нейромаркетинга, аромалогия, ароматический маркетинг, человеческое восприятие, бренд, услуги, поведение потребителей

JEL codes: J53, J81, M31

Neuroscience and Scent Marketing in Brand Perception Management

N.A. Bashkina¹, N.V. Klym-Eremina², Yu.V. Shishakova³^{1,2,3} State University of Management, Moscow, 109542, Russian Federation¹na_bashkina@guu.ru, ²natali_k-e@mail.ru, ³u.shishakova@mail.ru

Received 06.11.2025

Abstract

In a highly competitive environment, it is increasingly difficult for companies to attract customers. The neurobiology of consumer behavior has a growing potential to manage brand perception and influence product selection decisions, as it allows you to identify internal consumer preferences through innovative methods and tools. The article shows the role of neurobiology in solving the issue of brand perception, reveals the features and advantages of using scent marketing. In order to study consumer behavior and ways to attract new customers, the article provides an overview of current methods of neurobiology through examples of their application in various business areas. The analysis of the results of studies devoted to the study of the impact of smells on the subconscious of customers in order to correctly perceive the brand and, as a result, make purchases, is carried out. In addition, this article reveals the essence of modern technologies used to study human perception of smells in the process of scenting business spaces for targeted influence on customers and obtaining benefits.

Keywords: consumer neurobiology, neuromarketing tools, aromalogy, aroma marketing, human perception, brand, services, consumer behavior

Введение

В сфере маркетинга, как и других смежных с ним направлениях, потребители постоянно отмечают увеличение визуальной и информационной нагрузки, особенно со стороны производителей рекламы. Агрессивное информационное воздействие приводит к тому, что целевые аудитории становятся слабо восприимчивыми по отношению к традиционным маркетинговым инструментам, что приводит их к состоянию перцептивной слепоты, выступающей в качестве защитного механизма от рекламного давления [1]. Подведение потенциальных покупателей к финальному этапу клиентского пути к точкам продаж и удержание их внимания на предложениях компаний усложняется, а значит становится труднее оказать влияние на принятие решения о покупке. Другой значимой проблемой вследствие понижения роли рекламных и маркетинговых инструментов становится недостаточное понимание бренда и неполное или искаженное его восприятие. В связи с названными сложностями в продвижении продуктов и компаний возрос интерес к одновременному воздействию на несколько органов чувств для изменения покупательского поведения. Одним из решений данной проблемы может стать использование инструментов сенсорного воздействия, которое имеет значительный потенциал для влияния на восприятие брендов потребителями.

Традиционные методы исследования, такие как опросы, часто не предоставляют полной и объективной информации о предпочтениях потребителей и привычные методы получения обратной связи от целевых аудиторий становятся менее эффективными для выявления покупательских реакций [2]. Сложившаяся ситуация объясняется ускорением темпа жизни, многозадачностью и увеличением стрессовой нагрузки среднестатистического покупателя. Участники опросов зачастую не имеют времени, чтобы внимательно изучить и обдумать предлагаемые вопросы, не понимают их или не хотят отвечать честно, их ответы часто адаптированы под

общественные стандарты. Перечисленные обстоятельства способствовали развитию нейромаркетинга, который использует современные методы диагностики для выявления эмоций потребителей, вызываемых различными стимулами [3]. В отличие от традиционных методов, таких как анкетирование и интервью, нейромаркетинг и исследования в области нейробиологии предоставляют более точные данные о восприятии рекламных и маркетинговых стимулов. Было установлено, что нейробиологические методы позволяют получить более полное представление о предпочтениях потребителей, и раскрывают изменение таких значимых переменных в восприятии брендов как эмоции, внимание и память [4]. Нейробиология поведения потребителя представляет собой междисциплинарную область, которая объединяет знания из различных научных направлений и исследует как человеческий мозг реагирует на внешние маркетинговые стимулы. Кроме того, нейроподход может помочь выявить потенциальные проблемы в бизнесе, которые ранее оставались незамеченными или игнорировались из-за ограниченных возможностей выявления изменений покупательского поведения с помощью традиционных методов [5].

С помощью нейромаркетинга появляется возможность выявить наиболее значимые критерии, влияющие на понимание бренда, через восприятие упаковки, эмоции покупателей на предлагаемую рекламу и новые товарные предложения. Следующим положительным эффектом нейромаркетинга является возможность оказывать влияние на принятие решений о покупке.

Изучение роли и влияния ароматов на поведение потребителей послужило предпосылкой появления аромамаркетинга, который в свою очередь заимствует разработки из разных областей знаний: аромалогии, психологии, нейробиологии, социологии и маркетинга. Аромалогия с помощью парфюмерных технологий позволяет изучить чувства и эмоции,

возникающие при вдыхании ароматов, оказывающих целенаправленное воздействие на обонятельные рецепторы. [6]. Цели аромамаркетинга заключаются в формировании покупательского настроения релевантного типу бизнеса и архетипу бренда, продвижения товаров и позиционирования бренда. Главная задача ароматического маркетинга заключается в создании комфортной атмосферы, побуждающей покупателей задерживаться в магазинах дольше, что, в свою очередь, способствует увеличению объема покупок и росту лояльного отношения целевой аудитории. [7].

Исследования в области нейромаркетинга, касающиеся влияния на потребителей, в основном развиваются в сегменте оказания услуг. Создание приятной атмосферы для посетителей сервисных компаний, на рабочем месте в офисе или в общественных местах может существенно повлиять на общее восприятие продукта, бренда или организации, в продвижении которых заинтересован инициатор нейровоздействия. Если в качестве инструмента влияния используется правильно подобранный аромат, то результат ароматического воздействия в конечном итоге положительно скажется на экономических показателях продавца. Однако стоит учитывать, что результаты восприятия аромата зачастую остаются неосознанными. Один из подходов к решению этой задачи — применение биометрических инструментов и нейровизуализации, позволяющих глубже исследовать эмоции человека под воздействием определенных ароматов. Применение современных инструментов нейромаркетинга поможет выбрать аромат, который благоприятно повлияет на восприятие окружающей среды и бренда продукта или компании как клиентами, так и сотрудниками.

Неоспоримо то, что нейробиология в изучении реакций клиента привлекла внимание как исследователей, так и практиков. Поскольку аромамаркетинг это сравнительно новая тема современного

маркетинга, в настоящее время опубликовано ограниченное количество исследований в данной сфере, но в ближайшем будущем ожидается значительное увеличение интереса к решению прикладных задач с помощью знаний приемов нейробиологии применяемых в продвижении брендов. В данной статье проанализированы и представлены результаты исследований по внедрению аромамаркетинга, для лучшего понимания способов реализации техник сенсорного воздействия и их потенциальных последствий.

Цель данной статьи заключается в исследовании использования приемов нейробиологии на потребителей в аромамаркетинге и сфере услуг. Настоящее исследование направлено на выявление новых возможностей нейробиологии через анализ результатов мониторинга специфического влияния ароматов на эмоции покупателей. Таким образом, установив корреляционные связи между применяемым ароматом и поведением потребителей, можно сделать наиболее обоснованный выбор аромакомпозиций для различных помещений и аудиторий, минимизируя риск неправильного восприятия окружающей среды и продукта.

Потенциал нейробиологии в стратегиях аромамаркетинга

Нейробиология потребителя сочетает в себе знания из областей неврологии, психологии, экономики и информационных технологий, используя современные инструменты для исследования эмоций, которые оказывают влияние на поведение потребителей [8]. Нейромаркетинг исследует умственные процессы и реакции мозговой активности потребителя, позволяя выявить покупательские предпочтения и отношение к определенной компании, рекламе или продукту. Таким образом, нейромаркетинг и нейробиология поведения потребителя могут рассматриваться как подраздел нейроэкономики, который решает маркетинговые задачи с использованием методов и идей, основанных на

исследованиях мозга. Применение современных методов неврологии в нейробиологии потребителей позволяет получить более глубокое понимание содержимого «черного ящика» покупателя [9]. Однако, нейробиологию потребителей не стоит воспринимать как замену традиционным исследованиям. Напротив, она служит полезным дополнением для более глубокого анализа поведения потребителей при принятии решений.

Таким образом, инструменты и методы нейромаркетинга можно классифицировать на две основные категории: биометрические измерения (измерение реакций организма) и измерения активности мозга (измерение реакций мозга) в ответ на ароматические или маркетинговые стимулы [10]. Указанные подходы позволяют получить сигналы покупательского поведения определённого типа и каждый из них имеет ряд преимуществ и недостатков в зависимости от используемой методики измерения.

По всему миру проводятся исследования, в которых применяются методы нейровизуализации и биометрии для изучения влияния ароматов на активность головного мозга покупателей. Эти исследования позволяют проанализировать реакции человека с помощью электроэнцефалографии (ЭЭГ) и позволяют понять, как запахи влияют на эмоции, изменяя настроение и физиологические реакции [11]. В целом, нейробиология потребителей предоставила новые знания о потребительских предпочтениях через анализ воздействия различных ароматов на аффективные и когнитивные процессы. Более детальная информация о том, как ароматы влияют на мозговые процессы была получена в ходе исследования с использованием функциональной магнитно-резонансной томографии (фМРТ). Важно отметить, что восприятие аромакомпозиций проявляется преимущественно на бессознательном уровне. Это утверждение подтверждается исследованиями, которые подчеркивают, что почти семьдесят пять процентов эмоций, испытываемых в течение дня, регулируются запахами.

Предположение о влиянии ароматов на поведение и эмоции человека было проверено в исследовании, в рамках которого оценивались различные цветочные, травяные и фруктовые ароматы и их воздействие на эмоции. Результаты показали, какие наиболее приятные ароматы в той или иной ситуации были оценены как самые популярные. Существует ряд исследований, в которых использовались нейромаркетинговые инструменты для демонстрации воздействия определённых ароматов на потребительские решения.

В нейробиологии существует ряд исследований, посвящённых изучению процессов обоняния и их непосредственной связи с лимбической системой (ряд структур головного мозга, отвечающих за эмоции и поведенческие реакции) и центрами памяти в мозге. Ярким примером является феномен «памяти Пруста». Этот феномен лежит в основе гипотезы о том, что воспоминания, вызванные запахами, обладают большей эмоциональной окраской, чем воспоминания, вызванные другими стимулами. В настоящее время это предположение подтверждается результатами полевых и лабораторных исследований. Оценка сохранившейся в памяти респондентов информации показала, что воспоминания, вызванные ароматами насыщены эмоционально, что подтверждается как ответами участников в ходе опросов и интервью, так и повышением частоты сердечных сокращений. Кроме того, ряд кросс-модальных лабораторных экспериментов (изучающих различные сенсорные модальности, такие как звук, запах, изображение и др.) продемонстрировал, что воспоминания, связанные с запахами более эмоциональны по сравнению с воспоминаниями вызванными сигналами воспринимаемыми другими органами чувств (такими как зрение, осязание и слух). Согласно выводам Европейского общества опросов общественного мнения и маркетинговых исследований (ESOMAR), которое анализировало деятельность исследовательских агентств, большинство

исследовательских кампаний, использующих нейромаркетинг имеют потребность в значительно меньших выборках респондентов по сравнению с агентствами, проводящими традиционные маркетинговые исследования, при этом для получения качественных результатов достаточно 15–30 участников. Таким образом, получение достоверных данных о поведении потребителей с помощью нейробиологии становится более доступным с точки зрения количественного подхода в подборе респондентов.

Применение нейробиологии направлено не только на изучение влияния конкретного запаха на активность человеческого мозга, но и на выбор подходящего аромата для определённых условий. Маркетологи всё чаще используют запахи в качестве стратегического инструмента для выделения среди конкурентов, привлечения внимания клиентов, стимулирования продаж, влияния на настроение потребителей и создания приятной и запоминающейся атмосферы в местах продаж.

Для улучшения взаимодействия с брендом в аромамаркетинге используется несколько стратегий. Перечислим самые востребованные: а) создание уникального аромата, как обонятельного логотипа бренда; б) применение аромакомпозиций для управления настроением; в) предложение ароматов в соответствии с сезоном; г) создание аромакомпозиций для активной созидательной деятельности; д) влияние на поведение покупателей через повышающие аппетит ароматы; е) применение ароматов для создания запоминающихся впечатлений о бренде; ж) применение ароматического воздействия совместно с другими маркетинговыми стимулами; з) ароматические тестирования с целью выявления наиболее привлекательных ароматов для целевой аудитории.

Перечисленные стратегии выбираются в соответствии со спецификой бизнеса и целевой аудиторией. Назначение указанных стратегий состоит в создании положительного и запоминающегося опыта

для клиентов на основе применяемых ароматов.

Важность ароматического маркетинга в различных сегментах услуг

В современной экономике отмечается усиление конкуренции между различными бизнес-средами и организациями. Привлечение и удержание клиентов становятся всё более сложными задачами, особенно в сфере услуг. В связи с этим в данной маркетинговой области появляются новые стратегии и подходы, направленные на использование различных инновационных технологий для изучения поведения потребителей и управления им. Таким образом, в сфере услуг важную роль играют инструменты маркетинговых коммуникаций, направленные на органы чувств, особенно на обоняние (в контексте нейробиологии потребителя), поскольку с их помощью возможно декодировать процессы принятия решений, происходящие в подсознании клиентов. Неосозаемая природа услуг значительно усложняет для потребителей оценку предложенных услуг до фактического их потребления. Как отмечают исследователи [11], ароматический маркетинг с использованием аромакомпозиций и других инновационных технологий является эффективным инструментом для повышения осязаемости услуг. Изучение поведения клиентов с помощью нейробиологии становится всё более важной и актуальной целью исследований во всех сферах бизнеса связанных с обслуживанием клиентов. Значительное внимание уделяется привлекательности помещений, в которых находятся клиенты, а также услугам, предоставляемым потребителям. Поэтому многие исследования сосредоточены на применении аромамаркетинга в таких сервисных организациях, как кафе и рестораны, отели, туристические агентства, транспортные компании, медицинские учреждения, финансовые организации и многие другие, а также выявлении влияния ароматизации на поведение клиентов. Рассмотрим подробнее особенности

применения аромамаркетинга в наиболее популярных и востребованных секторах сферы услуг.

1. Аромамаркетинг в гастрономическом секторе

Наиболее удобной площадкой для изучения воздействия аромамаркетинга в гастрономическом секторе являются сети ресторанов и кафе. В данной сфере услуг достаточно большое количество вариантов и ситуаций для применения разнообразных ароматов в пространствах для посетителей. Чаще всего применение аромамаркетинга в гастрономической среде коррелирует с главной предлагаемой линейкой блюд. При входе в зоны обслуживания (независимо от типа заведения) крайне важно произвести положительное первое впечатление, которое позволит клиентам чувствовать себя комфортно. Это, в свою очередь, может сказаться на их расходах и решении вернуться. Многочисленные исследования различных методов ароматизации пространств показывают, что для гастрономических заведений выгодно использовать ароматы в своих помещениях, так как это влияет на клиентов и способствует увеличению их трат. Разные запахи, такие как аромат шоколада, свежее испеченного хлеба или запеченных мясных блюд, усиливают реакции организма и, как следствие, пробуждают аппетит [12].

Большое значение в ароматическом маркетинге для гастрономического сектора имеет нейтрализация неприятных запахов. Согласно результатам проведенных исследований положительный эффект ароматизации пространств выражается в повышении лояльности посетителей к компании, ее предложениям и, как следствие, росту экономических показателей. Ученый-практик К. Эрраджаа с коллегами [13] исходя из проведенных исследований применения инструментов аромамаркетинга утверждают, что применение ароматов релевантных имиджу бренда делает реакцию посетителей более благоприятной. Важен не только применяемый аромат, но и его соответствие окружающей атмосфере. Для правильного

формирования восприятия бренда запах должен отождествляться клиентами с его имиджем. Это способствует повышению удовлетворенности гостей, формирует желание вернуться и улучшает общее восприятие продукта и услуг. Эти выводы подчеркивают значимость применения аромамаркетинга в сфере услуг для создания положительного впечатления у посетителей.

2. Аромамаркетинг в продвижении туристических агентств и транспортных компаний.

В транспортном секторе успешное применение приемов нейробиологии способствует поиску новых способов повышения удовлетворенности и комфорта пассажиров, с пониманием дальнейшей трансформации лояльности пассажиров и клиентов в увеличении прибыли компаний. Одной из стратегий, которая все чаще находит подтверждение своему применению, является ароматический маркетинг. Независимо от типа задач компании (нацеленность на повышение лояльности клиентов или повышение узнаваемости бренда) ароматизация пространства продемонстрировала свою эффективность. С помощью правильного подбора ароматов транспортные компании могут создавать у пассажиров приятные ощущения во время поездки, а также атмосферу роскоши или релакса.

Туристические агентства также относятся к сфере услуг, в которой усиливается роль ароматического маркетинга. До недавнего времени агентства использовали только печатную продукцию (POS-материалы) для привлечения клиентов и техники стимулирование продаж. Однако в настоящее время организации деятельности которых связана с привлечением туристов всё чаще используют потенциал ароматов, чтобы создать у клиентов ощущение праздника, как только они входят в офис. Исследования показали, что специально разработанные экзотические ароматы напрямую формируют у потенциальных клиентов туристического агентства нужную атмосферу отдыха, влияют на

продолжительность времени, которое они проводят в офисе, а также на их желание забронировать дополнительные туры или экскурсии и потратить больше денег, чем планировалось изначально. [14]. Для создания располагающей атмосферы общения с клиентом чаще всего используется запах кокоса, который вызывает ощущения экзотического отдыха, или запах апельсина, напоминающий об отдыхе на Средиземноморье, также популярным является запах морского бриза, вызывающий предвкушение морских круизов.

Для привлечения и удержания клиентов широко используются техники воздействия на обоняние во время передвижения туристов на различных видах транспорта. Например, в Финляндии были проведены исследования на автобусных и на паромных рейсах. Изучалось, можно ли при воздействии на органы чувств, (в основном на обоняние), увеличить количество проданных билетов. В частности, в автобусах с помощью ароматизатора распыляли сосновую смолу. За период проведения эксперимента продажи выросли на пятьдесят один процент. Было проведено множество исследований по изучению оказания воздействия на органы чувств, в результате которых установлено, что применение ароматов наиболее сильно влияет на рост продаж.

Общественный транспорт также все чаще становится площадкой для применения аромамаркетинга отдельными компаниями, чтобы привлечь больше пассажиров и увеличить пассажиропоток. Довольно крупные полевые эксперименты в этой области были проведены в поездах ближнего и дальнего следования [15], чтобы изучить влияние аромата на потребителей. Исследователи изучили результаты краткосрочного и долгосрочного воздействия применяемых ароматов. Ряд экспериментов проводился в сотрудничестве с крупной немецкой железнодорожной компанией, в ходе которых потребители подвергались воздействию приятного аромата. Результаты продемонстрировали

эффективность использования запаха в конкретном сервисном контексте поездок на поезде и проявились в виде увеличения числа положительных отзывов и рекомендаций услуг компании перевозчика. Ко второму эксперименту продолжительностью четыре месяца были привлечены пассажиры пригородных поездов. В ходе исследования пассажиры положительно отреагировали на ароматизацию вагонов повышением лояльности к сервису компании. Проведенное повторное исследование показало сохранение положительного отношения пассажиров к компании-перевозчику даже при отсутствии применения техник аромамаркетинга. Таким образом полученные результаты не только подтвердили целесообразность использования аромамаркетинга для улучшения восприятия бренда, но и раскрыли его пролонгированный эффект.

В качестве дополнительного примера приведем исследования в парижском метрополитене одном из старейших в Европе, в котором в 1959 году начали использовать гвоздику для ароматизации пространства. Однако в течение следующих десятилетий парижское метро снова столкнулось с проблемой неприятного запаха, закрепившего за парижским метрополитеном дурную славу по всему миру. Поэтому в 1998 году была запущена активная маркетинговая кампания по ароматизации метро. Проблема с неприятными запахами была решена и сегодня ее воспринимают как миф. По примеру французского метрополитена в Мадридском метрополитене также провели несколько маркетинговых кампаний, направленных на применение устранения нежелательных запахов и улучшение ароматизации в вагонах. Успех проведенных мероприятий не заставил себя долго ждать и проявился в повышении пассажиропотока и лояльности пассажиров [16].

Использование ароматов в сфере услуг направлено на создание уникальных композиционных решений, которые напрямую связывают клиентов с услугами и

брендами. Главная целевой вектор аромамаркетинга направлен на увеличение товарооборота и прибыли компаний. Задача аромамаркетолога состоит в применении знаний из области нейробиологии при подборе подходящего аромата и его интенсивности для оказания положительного влияния на настроение клиента. Правильно подобранный аромат поможет вызвать нужные эмоции у посетителей во время общения, успокоить или оказать расслабляющий эффект при длительном ожидании в очереди, повысить доверие к бренду и его узнаваемость, будет стимулировать осведомлённость о новых продуктах или услугах, что, в свою очередь, облегчит клиентам запоминание и идентификацию бренда [17]. В связи с этим ароматизация пространств становится все более распространенной и нужной стратегией в сегменте оказания услуг.

3. Аромамаркетинг в телекоммуникационных компаниях и IT-индустрии

Новым сектором, в котором также важно применение ароматического маркетинга, является сфера информационных услуг и технологий, о которой написал в своем исследовании Мохит Госаин — генеральный менеджер по продажам в компании Greytip Software (крупнейший поставщик облачных программных решений для управления персоналом и расчета заработной платы в Индии). Были рассмотрены различные аспекты применения запахов в IT-индустрии. Например, были проведены тестирования ароматов для лиц, проводящих значительное время в работе за компьютерами. Дополнительно проводились исследования с добавлением ароматов в работе с виртуальной реальностью. По мнению ученых сфера информационных технологий является недооценённой областью в применении аромамаркетинга, имеющая большой потенциал. Исследователи также рассматривают возможность использования ароматов в обучающих программах и модулях для подготовки пожарных и спасателей,

поскольку в данных профессиях обоняние даёт ценную и жизненно важную информацию.

Заинтересованность в применении аромамаркетинга прослеживается и в телекоммуникационной отрасли. Особенно уделяется внимание оценке эффективности работы сенсорного канала между человеком и мобильным устройством. Первые мобильные телефоны с функцией ароматизации были представлены на рынке в 2008 году. Модель Sony Ericsson SO701i была ароматизирована эфирным маслом для ароматерапии, чтобы создать спокойный настрой во время телефонного общения. Позже немецкие изобретатели запатентовали мобильный телефон с чипом для ароматизации, который позволяет отправлять и получать сообщения с соответствующим ароматом [18]. Запахи также были интегрированы в телевизионные экраны, которые издают ароматы из точки на дисплее, когда появляются те или иные объекты, что способствует наиболее полному погружению зрителя в предложенный контент.

4. Аромамаркетинг в медицинских учреждениях

Ароматизация помещений также широко используется в медицинских учреждениях различного типа, от больниц до поликлиник и иных пунктов оказания медицинской помощи, включая санатории, дома отдыха, пансионаты различной направленности. В целях переключения внимания пациентов от переживаний, связанных со здоровьем, снижения стресса перед процедурами и создания комфортной атмосферы рекомендуется нейтрализовать запах средств для стерилизации инструментов и помещений, лекарств, медицинских препаратов, характерный для таких учреждений и сделать доминантными более приятные ароматы. Подтверждением полезности данных предложений стали исследования профессора Йохана Лернера и его коллегами [19], проведённые в сотнях стоматологических клиник Германии, результаты которых показали, что у пациентов, вдыхавших аромат (апельсина

или лаванды), уровень тревожности был ниже, они были в лучшем настроении пациентов без применения техник аромамаркетинга и в целом спокойнее. С методологической точки зрения для оценки эмоциональных состояний использовалась только классическая обратная связь в виде анкетного опроса с оцениванием по шкале Лайкерта.

5. Аромамаркетинг в учреждениях культуры и сферы развлечений

Кинотеатры, театры, музеи, галереи, выставочные центры или любые другие помещения, предназначенные для культурных, развлекательных или досуговых мероприятий, также можно отнести к пространствам, где использование ароматов является обязательным. В зависимости от масштаба проводимых мероприятий и направленности деятельности цели ароматического маркетинга могут быть разными, это может быть: устранение нежелательных запахов, повышения комфорта пребывания в помещении, улучшение впечатлений, увеличения продаж сопутствующих товаров, продление времени пребывания в конкретном помещении и повышение вероятности возвращения. На данное время количество научных исследований в этой области все еще относительно невелико. В качестве примера можно привести исследование [20], проведенное в реальных условиях музея Гонсалеса Сантаны на выборке из 234 посетителей, где использовались три разных аромата: запах чистой одежды, яблочного пирога и лосьона после бритья. С методологической точки зрения отзывы посетителей собирались только на сознательном уровне с помощью анкет по пятибалльной шкале Лайкерта. Результаты исследования показали, что запах оказывает значительное влияние на восприятие, оценку и желание повторно посетить музей. Значительным преимуществом проведенного исследования является то, что оно проходило в естественных условиях музейных мероприятий и впоследствии полученные результаты дали возможность

руководителям других художественных учреждений дифференцировать свои предложения и дополнить формирование имиджа организаций и проводимых мероприятий.

Аналогичное исследование было проведено в галерее, хотя это была всего лишь виртуальная выставка в условиях ограниченного эксперимента. В исследовании изучалось влияние аромата окружающей среды на восприятие, возбуждение и запоминание произведений искусства. В общей сложности 86 участников оценивали серию картин двух художников находясь в помещении с ароматами цитруса и талька. Исследование подтвердило, что приятный аромат может существенно повлиять на оценку и запоминание произведений искусства.

6. Аромамаркетинг в гостиничном бизнесе

Поскольку гостиничный бизнес является высококонкурентной средой, компаниям необходимо применять новые инструменты позиционирования на рынке. Одной из актуальных стратегий для отстройки от конкурентов и успешного позиционирования гостиничных услуг является аромамаркетинг. Благодаря добавлению аромата возможно создать атмосферу комфорта, нейтрализовать неприятные запахи, расположить гостей эмоционально при встрече на входе в зону прибытия. Сотрудники отелей ответственные за продвижение сервисных предложений руководствуются рекомендациями маркетологов при использовании ароматов. Так, при подборе аромата учитываются такие критерии как: местонахождение отеля, формат обслуживания, имиджевый статус заведения. К примеру, в отелях с высоким количеством звезд как правило используются ароматы, создающие атмосферу престижности и лоска, в отелях ориентированных на массовый сегмент применяют универсальные цветочные аромакомпозиции. В современных исследованиях основное внимание уделено изучению общественных зон, но

практически нет разработок по созданию комфортных условий с применением ароматов в номерах клиентов.

Подтверждением актуальности аромамаркетинга в гостиничной среде стало исследование преподавателя Барселонской школы туризма, гостеприимства и гастрономии Ориола Ангуэра-Торрелла, проведенное в Барселоне на примере четырехзвездочного отеля. С помощью анкетных опросов и системы распознавания мимики FaceReader было доказано, что клиенты, находившиеся в зонах с добавлением ароматов, ощущали больше положительных эмоций и более высокую лояльность к сервисным предложениям чем те клиенты, в отношении которых техники аромамаркетинга не применялись.

7. Ароматизация в сфере финансовых услуг

Аромамаркетинг имеет особое значение и для финансовых учреждений. Банки, страховые компании, лизинговые компании или другие поставщики финансовых услуг могут использовать приятный аромат, например, для создания эффекта приветствия на входе, или чтобы сделать период ожидания клиентов более комфортным, создать атмосферу доверия и безопасности. Финансовые организации стали объектом исследований, в рамках которых выявляется влияние применения разных видов ароматов и музыки на действия сотрудников и клиентов. Правильно выбранные мелодии, как и применяемые ароматы способны создать более приятную и непринужденную атмосферу в офисе. Согласно научным разработкам в области аромамаркетинга представленным в специализированной литературе и авторских статьях ученых-исследователей, в результате многочисленных тестирований авторы пришли к выводу, что для привлечения и удержания клиентов лучше всего подходит быстрая современная музыка, а также аромат лаванды в сочетании с полынью и мускатным орехом, как наиболее известные антистрессовые темы в нейробиологии. Полученные выводы были составлены на

основе анализа шестьсот семи отзывов участников эксперимента в рамках анкетного опроса, который проводился в клиентских центрах в часы пик. Исследование подтвердило, что долгое ожидание получения услуги вызывало у клиентов негативные эмоции и впоследствии отражалось на негативной оценке как услуг, так и финансовых организаций. Поэтому включенная музыка оказала желаемое положительное влияние на реакцию клиентов и по их оценкам воспринималась лучше, чем применяемый аромат. Главным преимуществом применяемого аромата было то, что он не вызывал негативных эмоций. Исходя из полученных результатов авторы исследования предложили впоследствии тестировать использование различных музыкальных стилей и интенсивность применяемых ароматов. Проведенное исследование доказывает, что в учреждениях, посещение которых связано с беспокойством и некоторым дискомфортом в сервисном обслуживании можно создать более приятную атмосферу с помощью правильного использования инструментов маркетинговых коммуникаций.

Техники аромамаркетинга можно успешно применять и в других местах общественного пользования. Это могут быть компании по предоставлению коммунальных услуг, центры для пожилых людей, развлекательные центры, фитнес-центры, автомастерские, модные бутики, административные центры и т. д. Создать желаемую атмосферу и повлиять на поведение потребителей можно практически в любом месте, поэтому дальнейшее изучение применения знаний нейробиологии в стратегиях аромамаркетинга остается актуальным.

Подводя итог, можно сказать, что использование аромамаркетинга именно в сфере услуг приобрело большое значение в последние годы и стало предметом научных исследований. Огромное количество сервисных компаний с помощью техник аромамаркетинга сможет подчеркнуть индивидуальность своего и продвигаемых брендов.

В статье представлены результаты современных исследований в сфере аромамаркетинга и показан ряд техник его реализации в наиболее востребованных сферах услуг. В проведенных исследованиях подтверждено положительное влияние аромамаркетинга на такие переменные, как: удовлетворённость клиентов, оценка услуги, внимание, опыт, намерение вернуться и эмоциональные состояния, характеризующие восприятие бренда. В ряде исследований удалось доказать непосредственное влияние на рост экономических показателей сервисных компаний применяющих аромамаркетинг.

Заключение

Несмотря на то, что относительная важность обоняния среди человеческих чувств составляет всего три с половиной процента, оно имеет большое значение в маркетинге. Отрасль маркетинга, как и другие отрасли, всё чаще сталкивается с проблемой визуальной и информационной перегрузки целевых аудиторий. В этих условиях потребители становятся мало восприимчивы к традиционному маркетингу и привлечь покупателя в точки продаж становится все сложнее. Использование аромамаркетинга дает брендам конкурентное преимущество в борьбе за клиента поскольку помогает сформировать нужное восприятие бренда у покупателя.

Преимуществом аромамаркетинга является то, что обоняние напрямую связано с центрами мозга, отвечающими за эмоции и память, в то время как все остальные сенсорные системы представляют собой длинный путь передачи информации в мозг, включая передачу и обработку сигналов. Обоняние обладает наибольшей информационной проводимостью в человеческом организме. Как и в ситуациях изменения восприятия продукта через вкусовые ощущения, обоняние использует хеморецепторы для обнаружения раздражителя, через реакцию на который оценивается окружающая среда. То есть через хеморецепторы происходит непосредственное восприятие аромата

(химических соединений) и дальнейшее их преобразование в нервные сигналы в виде эмоций и действий.

Существует лишь ограниченное количество исследований в области сервисных компаний, в которых использовались нейробиологические методы для изучения влияния ароматов на эмоции человека. Методологические процедуры в каждом исследовании сильно различались, что затрудняло их сравнение и экстраполяцию. Чаще всего использовались формы получения обратной связи с помощью анкеты или подробного интервью. В проведении лабораторных исследований были задействованы такие устройства как ольфактомер (измеряющий остроту обоняния) и ольфактометр (выявляющий обонятельные сигналы в головном мозге) для оценивания восприятия применяемых ароматов. В связи с тем, что ароматические соединения и запахи оказывают в основном воздействие на подсознание, необходимо расширить методологический аппарат для проведения исследований с использованием инструментов нейробиологии потребителя.

В данном контексте измерения восприятия на уровне подсознания могут проводиться с помощью устройства, отслеживающего электрическую активность мозга, например, электроэнцефалографа, похожего на тот, что используется в медицине, но в мобильном варианте. Измерения также могут быть дополнены биометрическим методом измерения кожно-гальванической реакции (КГР). Для анализа поведенческой реакции клиентов оправдано применение менее сложного устройства – FaceReader предназначенного для наблюдения за выражением лица и расширением зрачков респондентов. В дальнейшем записанное видео с эмоциями испытуемого анализируется специальным программным обеспечением.

Кроме того, появляются новые технологии получения естественной обратной связи, которые могут отслеживать эмоциональный индекс в определенном пространстве с помощью специальных камер. Устройство фиксирует эмоции людей

при входе и выходе из определённого пространства, таким образом, позволяя записывать изменения в чувствах покупателей или клиентов. Одновременно оно может определять, произошло ли это изменение в положительном, нейтральном или отрицательном направлении. Развитие эмоционального индекса можно отслеживать с течением времени, например, с почасовой, ежедневной и ежемесячной периодичностью.

Учитывая полученные результаты исследований, прослеживается очевидная потребность в дальнейших экспериментах в области аромалоги в сфере услуг, причём не только с использованием инструментов нейробиологии потребителей в лабораторных условиях, но и с применением их в реальных условиях.

Список литературы

1. Berčík, J.; Mravcová, A.; Gálová, J.; Mikláš, M. The use of consumer neuroscience in aroma marketing of a service company. *Potravin. Slovak J. Food Sci.* 2020, 14, 1200–1210
2. Bridger, D.; Noble, T. Introduction Business Section. *Neuro-Thinking*. In *Neuromarketing Year Book*; NMSBA: Utrecht, The Netherlands, 2020.
3. DeGuzman, P.; Jain, A.; Tabert, M.H.; Parra, L.C. Olfaction Modulates Inter-Subject Correlation of Neural Responses. *Front. Neurosci.* 2020, 14, 702.
4. Schiffman, L.G.; Wisenblit, J. *Consumer Behavior*, 12th ed.; Pearson: London, UK, 2019; 512p.
5. Moya, I.; García-Madariaga, J.; Blasco, M.-F. What Can Neuromarketing Tell Us about Food Packaging? *Foods* 2020, 9, 1856.
6. Domracheva, M.; Kulikova, S. EEG correlates of perceived food product similarity in a cross-modal taste-visual task. *Food Qual. Prefer.* 2020, 85, 103980.
7. Berčík, J.; Gálová, J.; Neomániová, K.; Mravcová, A.; Vietoris, V. Metodika Skúmania Vplyvu Aromatizácie v Obchode a Službách s Využitím Inovatívnych Nástrojov na Získavanie Spätnej Väzby; Slovenská Poľnohospodárska Univerzita: Nitra, Slovakia, 2020; 71p.
8. Errajaa, K.; Legohérel, P.; Dacé, B.; Bilgihan, A. Scent marketing: Linking the scent congruence with brand image. *Int. J. Contemp. Hosp. Manag.* 2021, 33, 402–427.
9. Guéguen, N.; Petr, C. Odors and consumer behavior in a restaurant. *Int. J. Hosp. Manag.* 2005, 25, 335–339.
10. Camilleri, R.; Mizzi, M. The Effects of Scent on Consumer Behaviour in Maltese Mid-Range

- Restaurants. *MCAST J. Appl. Res. Pract.* 2020, 4, 107–119.
11. Hussain, S. Brand Image and Customer Loyalty Through Sensory Marketing Strategies—A Study on International Fast Food Chain Restaurants. *Int. J. Manag. Stud.* 2018, 5, 32–39.
12. Hussain, S.; Abdul Azeem, M. Sensory Triggers to Drive Sales- Creating Competitive Advantage Through Multisensory Consumption Experience in Restaurants. *Restaur. Bus.* 2019, 118, 167–178.
13. Proceedings of the 5th International Symposium on Management (INSYMA 2018), Chonburi, Thailand, 1 March 2018.
14. Vega-Gómez, F.I.; Miranda-Gonzalez, F.J.; Mayo, J.P.; González-López, Ó.R.; Pascual-Nebreda, L. The scent of art. perception, evaluation, and behaviour in amuseum in response to olfactorymarketing. *Sustainability* 2020, 12, 1384.
15. Spence, C. Scent and the Cinema. *Iperception* 2020, 11, 1–26.
16. Spence, C. Scent in the Context of Live Performance. *Iperception* 2021, 12, 1–28.
17. Ali, M.E.-H.; Ahmed, O.M. Sensory Marketing and its Effect on Hotel Market-Share: Perception of Hotel Customers. *J. Tour. Hosp. Manag.* 2019, 7, 116–126.
18. Anguera-Torrell, O.; León, I.Á.; Cappai, A.; Antolin, G.S. Do ambient scents in hotel guest rooms affect customers' emotions? *Eur. J. Tour. Res.* 2021, 27, 1–16.
19. Denizci Guillet, B.; Kozak, M.; Kucukusta, D. It's in the air: Aroma marketing and affective response in the hotel world. *Int. J. Hosp. Tour. Adm.* 2019, 20, 1.
20. Yao, X.; Song, Y.; Vink, P. Effect of scent on comfort of aircraft passengers. *Work* 2021, 68, S273–S280.

References

1. Berčík, J.; Mravcová, A.; Gálová, J.; Mikláš, M. (2020). The use of consumer neuroscience in aroma marketing of a service company. *Potravin. Slovak J. Food Sci.* 14, 1200–1210
2. Bridger, D.; Noble, T. (2020). *Introduction Business Section. Neuro-Thinking*. In *Neuromarketing Year Book*; NMSBA: Utrecht, The Netherlands.
3. DeGuzman, P.; Jain, A.; Tabert, M.H.; Parra, L.C. (2020). Olfaction Modulates Inter-Subject Correlation of Neural Responses. *Front. Neurosci.* 14, 702.
4. Schiffman, L.G. (2019). Wisenblit, J. *Consumer Behavior*, 12th ed.; Pearson: London, UK, 512p.
5. Moya, I.; García-Madariaga, J.; Blasco, M.-F. (2020). What Can Neuromarketing Tell Us about Food Packaging? *Foods*, 9, 1856.
6. Domracheva, M.; Kulikova, S. (2020). EEG correlates of perceived food product similarity in a cross-modal taste-visual task. *Food Qual. Prefer.* 85, 103980.
7. Berčík, J.; Gálová, J.; Neomániová, K.; Mravcová, A.; Vietoris, V. Metodika Skúmania Vplyvu Aromatizácie v Obchode a Službách s Využitím

- Inovatívnych Nástrojov na Získavanie Spätnej Vážby*. Slovenská Poľnohospodárska Univerzita: Nitra, Slovakia, 71p.
8. Errajaa, K.; Legohérel, P.; Daucé, B.; Bilgihan, A. (2020). Scent marketing: Linking the scent congruence with brand image. *Int. J. Contemp. Hosp. Manag.* 2021, 33, 402–427.
 9. Guéguen, N.; Petr, C. (2005). Odors and consumer behavior in a restaurant. *Int. J. Hosp. Manag.* 25, 335–339.
 10. Camilleri, R.; Mizzi, M. (2020). The Effects of Scent on Consumer Behaviour in Maltese Mid-Range Restaurants. *MCAST J. Appl. Res. Pract.* 4, 107–119.
 11. Hussain, S. (2018). Brand Image and Customer Loyalty Through Sensory Marketing Strategies—A Study on International Fast Food Chain Restaurants. *Int. J. Manag. Stud.* 5, 32–39.
 12. Hussain, S.; Abdul Azeem, M. (2019). Sensory Triggers to Drive Sales- Creating Competitive Advantage Through Multisensory Consumption Experience in Restaurants. *Restaur. Bus.* 118, 167–178.
 13. *Proceedings of the 5th International Symposium on Management (INSYMA 2018)*, Chonburi, Thailand, 1 March 2018.
 14. Vega-Gómez, F.I.; Miranda-Gonzalez, F.J.; Mayo, J.P.; González-López, Ó.R.; Pascual-Nebreda, L. (2020). *The scent of art. perception, evaluation, and behaviour in amuseum in response to olfactorymarketing*. *Sustainability*, 12, 1384.
 15. Spence, C. (2020). Scent and the Cinema. *Iperception*, 11, 1–26.
 16. Spence, C. (2021). Scent in the Context of Live Performance. *Iperceptio*, 12, 1–28.
 17. Ali, M.E.-H.; Ahmed, O.M. (2019). Sensory Marketing and its Effect on Hotel Market-Share: Perception of Hotel Customers. *J. Tour. Hosp. Manag.* 7, 116–126.
 18. Anguera-Torrell, O.; León, I.Á.; Cappai, A.; Antolín, G.S. (2021). Do ambient scents in hotel guest rooms affect customers' emotions? *Eur. J. Tour. Res.*, 27, 1–16.
 19. Denizci Guillet, B.; Kozak, M.; Kucukusta, D. (2019). It's in the air: Aroma marketing and affective response in the hotel world. *Int. J. Hosp. Tour. Adm.*, 20, 1.
 20. Yao, X.; Song, Y.; Vink, P. (2021). Effect of scent on comfort of aircraft passengers. *Work*, 68, S273–S280.

УДК: 338.436.33

Способы повышения устойчивости региональных экономических систем: современный опыт и философский подход

Е.А. Бикбов¹, С.Г. Пьянкова²^{1,2} Уральский государственный экономический университет, г. Екатеринбург, 620144, Российская Федерация¹bikbovea@mail.ru, ²silen_06@list.ruСтатья поступила 06.10.2025

Аннотация

Актуальность повышения устойчивости региональных экономических систем трудно переоценить в настоящее время. Ввиду наличия обширных международных санкций против России учёные ищут способы и источники развития внутри страны. Применение философского подхода с опорой на современный опыт позволит исследовать области повышения устойчивости региональных экономических систем и даст возможность найти новые способы её повышения. Сложности противостояния вызовам извне диктуют новые вызовы для региональных экономических систем и данные вызовы затрагивают устойчивость. Современные сложности, например, внедрение искусственного интеллекта во все сферы жизни, приводят к новым угрозам, в том числе экономического плана. Современные подходы, рассмотренные в статье, позволят взглянуть на принятые концепции с другой, философской точки зрения. Данный обзор может способствовать изменению догм, принятых в устоявшихся нормах оценки и анализа.

Ключевые слова: региональные экономические системы, устойчивость системы, системный анализ, регион, подходы к повышению устойчивости.

JEL codes: G28, Q14

Methods for Increasing the Sustainability of Regional Economic Systems: Modern Experience and Philosophical Approach

E.A. Bikbov¹, S.G. P'yankova²^{1,2}Ural State University of Economics, Ekaterinburg, 620144, Russian Federation¹bikbovea@mail.ru, ²silen_06@list.ruReceived 06.10.2025

Abstract

The relevance of increasing the sustainability of regional economic systems is difficult to overestimate at the present time. Due to the presence of extensive international sanctions against Russia, scientists are looking for ways and sources of development within the country. The use of a philosophical approach based on modern experience will allow us to explore areas of increasing the sustainability of regional economic systems and will provide an opportunity to find new ways to improve it. The difficulties of confronting external challenges dictate new challenges for regional economic systems and these challenges affect sustainability. Modern difficulties, for example, the introduction of artificial intelligence in all spheres of life, lead to new threats, including economic ones. The modern approaches discussed in the article will allow us to look at the accepted concepts from a different, philosophical point of view. This review can contribute to changing the dogmas adopted in the established norms of assessment and analysis.

Keywords: regional economic systems, system sustainability, system analysis, region, approaches to improving sustainability.

Введение

Повышение устойчивости региональных систем заключается в увеличении возможностей противостоять вызовам извне, сохраняя равновесие, но, при этом, развиваться. Из этого следует вывод, что система обязана не только ставить себе задачу исключительного выживания, а должна развиваться независимо от протекающих мимо неё условий.

Объект исследования - региональные экономические системы.

Предмет исследования - подходы к повышению устойчивости региональных экономических систем.

Цель данного исследования - проведение анализа способов повышения устойчивости региональных экономических систем.

Задачи, которые следуют из данного исследования:

- Провести анализ современных оснований устойчивости социальных систем;
- Рассмотреть эволюцию представлений об устойчивости в социальных системах в современных реалиях;
- Изучить современный научный подход к исследованию устойчивости региональных экономических систем.

Данные и методы

Методы исследования включают в себя: изучение литературы, индукция, дедукция, анализ, синтез, аналогия. Данные были получены из источников литературы и анализа публикаций.

Теория

Концепции устойчивого развития в современной философии рассматривают взаимодействие между экономический развитием, социальным равенством и экологической устойчивостью. Урлих Бек, немецкий социолог, в своей работе разработал концепцию “рискового общества”. В данной теории рассматривается, как современное общество сталкивается с новыми видами угроз, ввиду

технологического прогресса и экосистемных изменений.

Бек утверждает, что технологические изменения и инновации приводят к становлению современного общества, но вместе с тем и к созданию новых рисков. К данным рискам относятся биотехнологические угрозы, экологические катастрофы, ядерные инциденты и т.п., риски подобного рода часто глобальны, труднопредсказуемы, сложны для управления и борьбы с ними. Важно отметить, что подобного рода риски становятся мировыми, а не национальными, ввиду того, что они могут иметь международные последствия, что требует глобального и общего подхода к их оценке и управлению. Таким образом, борьба с подобными рисками становится коллективной задачей всего человечества [1]. Применительно к устойчивости региональных экономических систем данный вопрос обретает особую важность ввиду того, что риски для экономических систем так же, с развитием мировых технологий обретают большую значимость. А тот фактор, что риски являются общемировыми, а не региональными накладывает отдельный аспект на поддержание и повышение устойчивости систем. В данном случае устойчивость будет так же зависеть от возможных рисков соседних регионов и даже дальних.

Рассматривая неравенство, так же выделим, что Бек подчёркивает, что разные социальные группы по-разному воспринимают риски. Так и региональные экономические системы имеют индивидуальную чувствительность к рискам. Наиболее уязвимые и менее развитые региональные экономические системы будут в первую очередь опасаться определённого рода опасности, ведь обладают меньшими возможностями для защиты.

Говоря об управлении неоднородностью, которое предложил Бек стоит выделить то, что общество разнообразно, что должно учитываться при управлении им. Эффективное управление

неоднородностью требует вовлечения различных заинтересованных лиц (стейкхолдеров) в процесс принятия решений. Необходимо подчеркнуть, что Бек утверждает, что высока важность диалога между государственными институтами, бизнесом и гражданским обществом для принятия приемлемых и целесообразных решений. Как и общество региональные экономические системы неоднородны, а для управления ими требуется поддержание устойчивости.

Неоднородность региональных экономических систем так же, как и общества заключается в том, что они включают в себя различные культурные, социальные, промышленные и иные контексты, которые должны учитываться при управлении рисками.

Таким образом, теория риска и управление неоднородностью, как предложено Урлихом Беком, представляют собой ключевые концепции для понимания современных вызовов устойчивого развития. Они требуют комплексного и многоуровневого подхода к управлению рисками, который учитывает разнообразие и сложность общества, а также вовлекает различных участников процесса. Это позволяет разработать более эффективные и справедливые стратегии для сохранения как окружающей среды, так и социальной стабильности, которые будут иметь влияние на поддержание устойчивости экономических систем, в т.ч. региональных.

Далее требуется рассмотреть теорию коммуникации и социальной философии Юргена Хабермаса. Хабермас - немецкий философ, автор теории коммуникации и социальной философии, ключевым положением которой является идея коммуникативной рациональности, которая важна для понимания социальной стабильности и демократического общества.

Рассмотрим несколько аспектов, которые показывают, как коммуникативная реальность может поддерживать стабильность в обществе. Во-первых, коммуникативная рациональность создаёт понимание людям в области общих и важных вопросов, что помогает избежать

конфликтов и создаёт почву для коллективных действий. Во-вторых, Хабермас считает, что через рациональное обсуждение и дебаты можно достигнуть консенсуса, который будет выгоден всем сторонам, это важно для социальной стабильности, т.к. уменьшает напряжённость. В-третьих, теория подразумевает, что участники дискурса подвергаются критической рефлексии, пересматривая свои позиции и догмы, что позволяет адаптироваться обществу к изменениям [2].

Коммуникативная рациональность заключается в том, что люди, посредством коммуникаций должны достигать взаимопонимания и находить общие решения. Коммуникативная реальность важна для повышения устойчивости региональных экономических систем, ввиду того, что системы включают в себя огромное количество взаимодействующих элементов, которые посредством коммуникаций могут достигать соглашений в важных вопросах, укрепляя устойчивость системы. Данная теория способствует снижению конфликтов, т.к. стороны получают платформу для обсуждения проблем, высказывания противоречий.

Рассмотрим экологический подход к устойчивому развитию. Данный подход акцентирует внимание на гармоничном взаимодействии экономики, общества и природы. Его основная цель - обеспечение баланса между экономическим ростом, социальной справедливостью и сохранением окружающей среды. Важный вопрос, который находится на грани философии и экологии — это противопоставление антропоцентризма и экоцентризма, и что имеет большее значение в современном мире. Экоцентризм играет важнейшую роль в сохранении баланса и природы на Земле, антропоцентризм следует за развитием человечества.

Экономический аспект устойчивого развития заключается в использовании ресурсов таким образом, чтобы сохранить природный потенциал. И он в себя включает: переход на возобновляемые

источники энергии, сокращение потребления невозобновляемых; развитие переработки отходов, экотуризма и сельского хозяйства; инвестиции в инновации, которые способствуют экономическому росту и минимизируют ущерб экологии.

Социальный аспект заключается в том, что доступ к ресурсам и возможностям должен быть равным для всех слоёв населения и требуется поддержка уязвимых групп населения. Так же требуется информирование граждан о необходимости защиты окружающей среды, повышение личной ответственности каждого гражданина. Должно поощряться участие граждан в экологические инициативы.

Природный аспект устойчивого развития фокусируется на: защите экосистем и различных видов животных и растений; рациональном управлении и распределении ресурсов с предотвращением их загрязнения и истощения; сохранении экосистемных функций, таких как очистка воздуха и воды, получение продовольствия. Экологический подход к устойчивому развитию требует интеграции во всех сферах общественной жизни. Данный подход дает возможность не только качественно существовать настоящим поколениям, но и защищать интересы будущих поколений, сохраняя для них среду естественного обитания.

Модель

В дальнейшем в исследовании рассмотрим системный анализ, для изучения региональной устойчивости. Системный анализ - методологический подход, который позволяет изучать сложные системы, разбивая их на составляющие элементы для исследования взаимодействий элементов между собой. Применение системного анализа в изучении региональной устойчивости включает в себя несколько особенностей (рис. 1). В центре общего подхода к системам находится идея о том, что системы следует рассматривать как целостные образования, которые состоят из взаимосвязанных компонентов. Это

означает, что для понимания системы необходимо изучать не только отдельные элементы, но и их взаимосвязи. Данная идея была предложена Людвигом фон Берталанфи в середине 20 века в рамках общей теории систем и имеет место в рассматриваемом историко - философском анализе, ввиду того, что согласно принципу организации, теория делает акцент на том, что системы имеют свои внутренние структуры и закономерности, что позволяет им сохранять устойчивость и адаптироваться к изменениям.

Рис. 1 Особенности применения системного анализа в изучении региональной устойчивости

Применение системного метода в изучении региональной устойчивости включает несколько важных этапов. Первый этап - оценка и мониторинг устойчивости. Именно на первом этапе выявляются ключевые факторы, влияющие на устойчивость региона, среди данных факторов: экономические, экологические и социальные.

Второй этап - сценарное моделирование, которое заключается в том, что создание различных сценариев позволяет понять, как различные факторы могут влиять на устойчивость региона и предсказать возможные варианты развития событий.

Третий этап - анализ рисков. На данном этапе системный анализ может использоваться для оценки рисков, связанных с экономическими кризисами, природными катастрофами и другими угрозами.

Последний этап заключается в разработке стратегий управления, которые производят с помощью результатов системного анализа. Данные стратегии

можно использовать как рекомендации для повышения устойчивости региона, учитывая возможности и ограничения. Также необходимо участие заинтересованных сторон в процессе системного анализа для его объективизации и учета мнений и потребностей различных участников для принятия наиболее эффективных решений [3].

Устойчивость региональных экономических систем напрямую зависит от экономических, социальных и экологических факторов и их влияния на системы. Эта взаимосвязь может быть рассмотрена с помощью концепции устойчивого развития, которая предполагает гармоничное сосуществование и развитие экономики, общества и окружающей среды.

Рассматривая экономические факторы и их взаимосвязь с вышеперечисленными факторами, требуется отметить, что экономический рост и развитие являются основой для повышения жизненного уровня населения и улучшения социальной структуры; развитие технологий и внедрение инноваций могут привести к более эффективному использованию ресурсов и снижению негативного воздействия на окружающую среду.

Социальные факторы и их взаимосвязь с другими факторами можно отобразить через тот факт, что социальная структура и уровень образования, доступ к социальным услугам влияют на качество жизни населения и его экономическую активность; социальная справедливость и равенство возможностей играют ключевую роль в снижении социальных напряжений и конфликтов, которые препятствуют экономическому развитию.

Так же стоит рассмотреть экологические факторы и их взаимосвязь с социальными и экономическими факторами. Устойчивое управление природными богатствами и охрана окружающей среды создают базу для долговременного экономического роста и социальной стабильности; экологические инициативы не только сохраняют природу, но и создают базу для внедрения новых, перспективных бизнес идей.

Системный подход к оценке устойчивости региональных экономических систем включает в себя использование различных моделей и методов, которые анализируют взаимосвязи между элементами региональной экономики. Следующие модели могут быть использованы для вышеописанной цели.

Рассмотрим модель входов - выходов. Эта модель позволяет оценить, как различные сектора экономики взаимосвязаны через потоки товаров и услуг. То, как множество связей в экономике детерминированы и логичны. Данная модель помогает определить, как изменения в одном секторе экономики могут влиять на другие сектора и общую устойчивость региона.

Далее рассмотрим сетевые модели. Эти модели представляют экономику региона как сеть взаимосвязанных агентов (предприятий, домохозяйств, государственных структур и т.д.). Сетевые модели могут использоваться для анализа устойчивости региона к внешним шокам и изменениям в среде региона.

Следующий пункт - модели устойчивого развития. Данные модели заключаются в интеграции социальных, экономических и экологических аспектов, что позволяет оценивать устойчивость региона. Эти модели учитывают такие факторы, как ресурсоэффективность, социальная справедливость, экологическая безопасность.

И последними будут рассмотрены модели анализа рисков. Модели анализа рисков проводят оценку устойчивости через риск - менеджмент, где анализируют потенциальные риски и уязвимости региональной экономики. Это может включать оценку различных факторов, от экономических и экологических до социальных и политических.

Полученные результаты

Каждая из описанных моделей имеет свои преимущества и может быть использована в зависимости от ситуации как в комплексе с другими моделями, так и отдельно. Важно учитывать то, как будут

добыты и определены показатели для данных моделей и насколько трудозатратными будут исследования.

Далее необходимо рассмотреть такие важные методы, как экономико - математические методы и статистические методы анализа устойчивости региональных экономических систем. Данные методы позволяют находить взаимосвязи и исследовать их для предсказания последствий тех или иных явлений. В контексте с эпистемологией можно включить вопросы: “Каковы методы допустимые в экономике и статистике?”, “Как устанавливается достоверность экономических теорий и моделей”. Эпистемология так же поднимает вопросы, связанные с ограничением моделей и статистических методов, например, как упрощения могут искажать реальность. Таким образом, исследование экономико - математических и статистических методов в сочетании с эпистемологией позволяет создавать эффективные инструменты анализа и глубже понимать их содержание, возможности и ограничения.

Рассмотрим основные компоненты экономико - математических моделей. Первая модель - это модели общего равновесия. Данные модели применяются взаимосвязей между различными секторами экономики. Они позволяют определить взаимозависимости и то, как данные взаимосвязимости влияют на определённые сектора экономики.

Вторая модель - модели спроса и предложения. Эти модели разрабатываются для различных товаров рынка для оценки устойчивости товара при изменении спроса и предложения. Также и в региональной экономике данная модель может быть использована при сравнении сфер деятельности, при повышении спроса на товар или услугу определённого сектора экономики.

Следующая модель - модели оптимизации. Используются для нахождения наиболее эффективных стратегий распределения ресурсов, что

позволяет повысить эффективность региональной экономики.

И последняя модель данного перечня - модели временных рядов. Модели временных рядов применяются для прогнозирования на основе исторических данных. Методы ARIMA, сезонная декомпозиция и другие позволяют оценить тенденции и сезонные колебания.

Так же требуется рассмотреть статистические методы анализа. Первый метод - корреляционный анализ. Он позволяет определить взаимосвязи между экономическими переменными, например, между уровнем безработицы и валовым региональным продуктом.

Следующий метод - регрессионный анализ. Данный вид анализа используется для оценки различных факторов на экономические показатели, что помогает выработать рекомендации по повышению устойчивости региональных экономических систем.

Далее рассмотрим методы кластерного анализа. Данные методы применяются для группировки регионов по схожим признакам и характеристикам, что позволяет разработать стратегию развития. Например, в УФО много регионов с тяжёлой промышленностью, что позволяет сравнивать и группировать их между собой.

Последним в данном перечне рассмотрим модели пространственного анализа, которые эффективны для исследования влияния географического происхождения. Данный метод позволяет сравнивать регионы, находить закономерности развития и особенности, ввиду различного местоположения. Прогнозирование кризисов и разработка антикризисных стратегий для региональных экономических систем являются важными элементами для обеспечения устойчивости и развития региона. Ввиду этого можно выделить несколько методов и инструментов.

К инструментам прогнозирования кризисов относится анализ макроэкономических индикаторов, который использует данные о ВВП, уровне

безработицы, инфляции и другие макроэкономические показатели для оценки состояния экономики. Так же необходимо рассмотреть SWOT - анализ, который позволяет с помощью оценки сильных и слабых сторон, возможностей и угроз выявить риски и потенциальные кризисные ситуации. И последним инструментом, описанным мной будет сценарный анализ, который даёт возможность для построения различных сценариев развития событий на основе существующих тенденций и рисков, что даёт возможность подготовиться к различным исходам [4].

Так же необходимо описать антикризисные стратегии устойчивости, ориентация на которые в трудные времена позволит упрочнить и удержать устойчивость региональных экономических систем (рис. 3).

Диверсификация экономики

Рис. 2. Антикризисные стратегии устойчивости региональных экономических систем

Вышеперечисленные стратегии актуальны и в стабильные времена, но с приходом кризиса данные вопросы набирают актуальность.

Анализ сценариев и моделирование рисков устойчивости региональных экономических систем - это важные инструменты для изучения динамики и развития систем в условиях неопределённости. Рассмотрим основные составляющие данного процесса.

Анализ сценариев предполагает разработку множества возможных будущих состояний экономической системы на основе действующих тенденций, факторов и воздействий.

Для поддержания устойчивого развития региональных экономических систем требуется работа со многими компонентами данных систем. Разработка инновационных стратегий управления устойчивостью региона с акцентом на кластерные стратегии и инновационные центры - важное направление для достижения социально экономического развития и повышения конкурентоспособности региона. Однако, следует учитывать, что в соответствии с постмодернистической концепцией знаний стоит учитывать, что доминирующие теории и нарративы, которые претендуют на универсальность больше не могут считаться истинными, а знание всегда многозначительно и противоречиво. Постмодернистические идеи акцентируют внимание на плюрализме мнений и релятивизме истин, это означает, что знание не абсолютно, а зависит от индивидуальных обстоятельств [5].

Для разработки кластерных стратегий, прежде всего, необходимо определить приоритетные кластеры. Для определения приоритетных кластеров используется кластерный анализ и проводятся консультации с заинтересованными сторонами (бизнес, наука, власть). Далее проводится разработка кластерных стратегий.

Разработка кластерных стратегий включает в себя следующие этапы (рис. 3).

Рис. 3. Этапы разработки кластерных стратегий

Рассматривая этапы разработки кластерных стратегий можно отметить, что требуется выполнение всех элементов, ввиду того, что упущение любого из них резко скажется на устойчивости данной стратегии. Сложность и трудоёмкость проведения кластерного анализа компенсируется прибыльностью проекта при ответственном подходе.

Далее в исследовании необходимо выделить институциональные механизмы регулирования и поддержки устойчивости региональных экономических систем, а именно:

- регулирование государственными органами;
- финансовая поддержка фондами и финансовыми институтами;
- партнёрство и сотрудничество;
- поддержка и развитие инноваций и технологий;
- образование и повышение квалификации;
- экологические механизмы.

Данные механизмы имеют ключевую роль в обеспечении их стабильного и сбалансированного развития [6]. В различных странах и регионах могут использоваться различные подходы и инструменты, но можно выделить несколько основных механизмов, направленных на улучшение устойчивости экономик на региональном уровне.

Заключение

Институциональные механизмы регулирования должны быть гибкими и адаптируемыми к изменениям в экономической, социальной и экологической среде. Их эффективность во многом зависит от взаимодействия всех заинтересованных элементов и сторон, и способности адаптироваться к новым вызовам и возможностям.

Внедрение цифровых технологий и "умных" решений для повышения эффективности управления стало важным для всех организаций и компаний. Стоит выделить несколько аспектов, которые нужно учитывать в данном вопросе:

использование автоматизации позволяет сократить время, затраченное на рутинные задачи и снизить человеческий фактор; применение аналитических инструментов позволяет выявить тенденции, спрогнозировать спрос и оптимизировать ресурсы; использование ИИ для предсказательной аналитики, чат - ботов для обслуживания клиентов и оптимизации бизнес процессов позволит повысить эффективность управления; внедрение новых технологий требует изменений в организационной культуре, обучения и адаптации сотрудников; возрастает риск кибератак, требуется повышение кибербезопасности. В результате внедрения цифровых технологий компании могут значительно повысить свою конкурентоспособность, улучшить качество обслуживания клиентов и оптимизировать внутренние процессы. Однако важно понимать, что успешная реализация данных проектов требует чёткого планирования, вовлечения команды и гибкого подхода.

Применение ИИ в и цифровых технологий вызывает философские вопросы этики. В рамках ответственности можно выделить вопросы: "Кто несет ответственность за действия ИИ?", "Обеспечивает ли ИИ более рациональные решения или угрожает свободе выбора?". Эти и другие вопросы возникают в рамках этики. Множественность выбора подчёркивает сложность и многослойность взаимодействия между человеком и ИИ. Обсуждение этих вопросов необходимо для более этичного и гармоничного существования в мире, в котором учитываются благополучие и интересы отдельных индивидов.

Список литературы

1. Бек У. Общество риска. На пути к другому модерну. / Пер. с нем. В. Седельника и Н. Фёдоровой; Посл. А. Филиппова. М.: Прогресс-Традиция, 2000. – 384 с.
2. Хабермас Ю. Моральное сознание и коммуникативное действие. Перевод с нем. Д. В. Складнева. - М. МАИК-Наука, 2000. 379 с.

3. Коломиец Т. С., Князева О.О. Анализ сценариев проектов и метод имитационного моделирования как методы определения проектных рисков // Синергия знаний: современные тренды : Сборник научных трудов. Том Выпуск 2. – Омск : Общество с ограниченной ответственностью «Издательский центр КАН», 2019. – С. 50-63. EDN NOFZYF.
4. Федосеев В.В., Орлова И.В., Гармаш А.Н. Экономико-математические методы и прикладные модели : Учебник 4-е изд., пер. и доп. – Москва : Издательство Юрайт, 2019. – 328 с. – (Бакалавр и магистр. Академический курс). ISBN 978-5-9916-3698-8. EDN QSAWLF.
5. Агафонов, В.А. Стратегия инновационного развития региона // Региональная экономика: теория и практика. – 2019. – Т. 17, № 9(468). – С. 1768-1787. DOI 10.24891/re.17.9.1768. EDN QHPZPJ.
6. Антонюк Н.А. Антикризисные стратегии и инструментарий управления национальной экономикой в условиях децентрализации // Научный вестник Одесского национального экономического университета. – 2018. – № 4(256). – С. 13-32. EDN YURDLV.

References

1. Beck U. (2000). *Risk Society. Towards Another Modernity*. Moscow, Progress-Tradition, 384. (In Russ.)
2. Habermas J. (2000). *Moral consciousness and communicative action*. Moscow, MAIK-Nauka, 379. (In Russ.)
3. Kolomiets T.S, Knyazeva O.O. (2019). Analysis of project scenarios and the method of simulation modeling as methods for determining project risks. *Synergy of knowledge: modern trends: Collection of scientific papers*. Volume Issue 2. - Omsk: Limited Liability Company "Publishing Center of the KAS», 50-63. EDN NOFZYF. (In Russ.)
4. Fedoseyev V.V, Orlova I.V, Garmash A.N. (2019). *Economic and mathematical methods and applied models: Textbook 4th ed., trans. and add*. Moscow: Yurait Publishing House. 328 p. (Bachelor and Master. Academic course). ISBN 978-5-9916-3698-8. EDN QSAWLF. (In Russ.)
5. Agafonov V. A. (2019). Strategy for Innovative Development of the Region. *Regional Economy: Theory and Practice*, 9 (468), 1768-1787. DOI 10.24891 / re.17.9.1768. EDN QHPZPJ. (In Russ.)
6. Antonyuk N. A. (2018). Anti-crisis strategies and tools for managing the national economy in the context of decentralization. *Scientific Bulletin of the Odessa National University of Economics*, 4 (256), 13-32. EDN YURDLV. (In Russ.)

УДК: 330.59:339.23:332.1

Бедность и неравенство в регионах РФ в контексте политики устойчивого развития: компаративный анализ данных

Л.Ю. Богачкова¹, И.А. Сысоев²^{1,2}Волгоградский государственный университет, г. Волгоград, 400062, Российская Федерация¹bogachkova@volsu.ru, ²ilya.sysoev.1303@mail.ru

Статья поступила 20.05.2025

Аннотация

Цель исследования – оценка результативности политики ликвидации нищеты и неравенства в регионах РФ в среднесрочной ретроспективе в контексте глобальной повестки и национальной политики устойчивого развития на основе статистического анализа официальных данных. Предложена и реализована методика, включающая два этапа. На первом этапе выполнен сравнительный анализ степени достижения регионами РФ глобального целевого ориентира на пути к ЦУР-1 по показателю «доля населения с доходами ниже уровня бедности» за 2015–2024 годы. На втором этапе построен интегральный рейтинг регионов на основе расчета композитного темпа изменений пяти релевантных относительных (по сравнению со среднероссийским уровнем) показателей за 2013–2024 гг. Используются общенаучные методы анализа и синтеза, дескриптивной статистики, графической и табличной визуализации данных, авторский подход к построению композитного индекса результативности политики ликвидации нищеты в регионах РФ на основе показателей доходов населения, неравномерности их распределения, а также безработицы, продуцируемых Росстатом. Результаты работы представляют собой вклад его авторов в мониторинг результативности принимаемых мер, нацеленных на ликвидацию нищеты в регионах РФ для выявления и масштабирования лучших практик, а также для своевременного обнаружения и решения проблем в регионах-аутсайдерах.

Ключевые слова: политика ликвидации нищеты, устойчивое развитие, бедность и неравенство, результативность политики, межрегиональные сравнения, композитный темп улучшений в сфере борьбы с бедностью

JEL codes: D63, Q01

Poverty and Inequality in the Regions of the Russian Federation in the Context of Sustainable Development Policy: Comparative Data Analysis

L.Yu. Bogachkova¹, I.A. Sysoev²^{1,2}Volgograd State University, Volgograd, 400062, Russian Federation¹bogachkova@volsu.ru, ²ilya.sysoev.1303@mail.ru

Received 20.05.2025

Abstract

The purpose of the study is to assess the effectiveness of the policy of eliminating poverty and inequality in the regions of the Russian Federation in the medium term retrospective in the context of the global agenda and national sustainable development policy based on statistical analysis of official data. A two-step methodology has been proposed and implemented. At the first stage, a comparative analysis was made of the degree to which the regions of the Russian Federation achieved the global target on the way to SDG-1 in terms of the "share of the population with incomes below the poverty level" for 2015–2024. At the second stage, an integral rating of regions was built based on the calculation of the composite rate of change of five relevant relative (compared to the average Russian level) of indicators for 2013–2024. General scientific methods of analysis and synthesis, descriptive statistics, graphic and tabular visualization of data, the

author's approach to building a composite index of the effectiveness of poverty eradication policy in the regions of the Russian Federation based on indicators of incomes of the population, the unevenness of their distribution, as well as unemployment produced by Rosstat. The results of the work represent the contribution of its authors to monitoring the effectiveness of measures taken to eliminate poverty in the regions of the Russian Federation in order to identify and scale best practices, as well as to timely detect and solve problems in outsider regions.

Keywords: poverty eradication policy, sustainable development, poverty and inequality, policy performance, interregional comparisons, composite rate of improvement in poverty alleviation.

Введение

Ликвидация нищеты находится на первом месте в комплексе из 17 глобальных целевых ориентиров, сформированных под эгидой ООН в 2015 году и известных как Цели устойчивого развития (ЦУР). Эти ориентиры легли в основу стратегического документа – «Повестки дня до 2030 года», определившей основные направления развития в области экономической, социальной и экологической политики на планетарном уровне. К настоящему времени к этой стратегии присоединились 193 страны, в число которых вошла и Российская Федерация [1; 2].

По оценкам ООН к началу третьего десятилетия XXI века доля населения, живущего в крайней нищете во всем мире, составляла 10%, или более 700 миллионов человек. В наихудшем положении были и остаются страны с нестабильной политической обстановкой, слаборазвитыми институтами и недостаточно эффективным государственным управлением [3; 4]. Для достижения ЦУР-1 планируется к 2030 году сократить не менее чем вдвое долю населения, живущего в нищете во всех странах (задача 1.2 для достижения ЦУР-1) [5]. Успеху будут способствовать сочетание адресных, цифровых и институциональных решений, усиление глобальной координации и адаптации лучших мировых практик к национальным условиям [6].

В российской реальности проблема бедности обуславливается действием нескольких взаимосвязанных факторов, к которым относятся: низкий уровень доходов населения, высокая степень неравенства в распределении доходов, безработица, достигающая в ряде регионов высокого уровня и другие [7].

Правительством России разрабатывается и реализуется широкий

круг мер, направленных на поддержку наиболее уязвимых слоёв населения. Среди них – программы социальной помощи, стимулирование развития малого и среднего бизнеса, повышение доступности образовательных и медицинских услуг. Первая масштабная попытка систематизировать подобные меры в новейшей истории нашей страны была закреплена в распоряжении Правительства РФ № 910-р от 10 июля 2001 года, которое заложило фундамент для последующих инициатив [8].

Важную роль в обеспечении прогресса в рассматриваемой сфере сыграл майский указ Президента РФ от 2018 года № 204, который закрепил в качестве одной из главных национальных целей обеспечение к 2024 году снижение уровня бедности в два раза по сравнению с базовым 2017 годом [9]. Так как согласно данным Росстата в 2017 году уровень бедности составлял 13,3% [10], это означало, что к 2024 году планировалось его снизить до 6,6%. Заметим, что это национальное целеполагание означало гораздо более высокий темп ликвидации нищеты по сравнению с глобальной ЦУР-1, а именно: понижения уровня бедности вдвое не к 2030, а к 2024 году. В дальнейшем с учетом складывающейся ситуации в стране и на мировой арене данное требование было смягчено. Уже в 2020 году цель сокращения уровня бедности на 50% по срокам была гармонизирована с глобальной ЦУР-1 (достижение не к 2024, а к 2030 году) [11]. Затем, в ныне действующем майском указе Президента РФ 2024 года были установлены новые целевые показатели: достижение уровня бедности ниже 7% к 2030 году и ниже 5% к 2036 году, а также уменьшение коэффициента Джини до 0,37 к 2030 году и до 0,33 к 2036 году [12].

Подытоживая сведения об императивах, отметим, что несмотря на гибкость

национальных целевых ориентиров, Россия взяла на себя добровольное обязательство следовать Повестке дня до 2030 года. Цели и задачи этой общемировой политики не изменялись с 2015 года. Поэтому в настоящем исследовании в качестве ориентира используется глобальная задача 1.2, решить которую необходимо для достижения ЦУР-1. Задача заключается в сокращении к 2030 году уровня бедности на 50% от уровня 2015 года.

Для достижения целей устойчивого развития большое значение имеет мониторинг результативности принимаемых мер, а в российских реалиях – компаративный анализ показателей, характеризующих бедность и неравенство, ликвидацию нищеты в регионах РФ для выявления и масштабирования лучших практик, а также для своевременного обнаружения и решения проблем в регионах-аутсайдерах. Поэтому тема настоящего исследования представляется весьма актуальной.

Концептуальные и методические подходы, актуальные исследования и публикации

С 1992 года по ноябрь 2021 года в РФ в качестве показателя бедности использовался «прожиточный минимум» [13], который определялся на основе стоимости потребительской корзины – минимального набора продуктов, товаров и услуг, необходимого для жизнедеятельности человека. Затем в качестве показателя бедности в РФ стали использовать «границу бедности» [14]. Начальное значение границы бедности было установлено на уровне прожиточного минимума за IV квартал 2020 года. С тех пор граница бедности ежеквартально индексируется с учетом инфляции. Прожиточный минимум в России также продолжает использоваться, но в другом качестве: на его основе рассчитывают размер детских пособий, пенсий, минимального размера оплаты труда и других выплат. С 1 января 2021 года прожиточный минимум устанавливается на уровне 44,2% от медианного дохода

граждан РФ за прошлый год, с учётом коэффициента дифференциации по каждому региону [15]. Изменения в учете показателей бедности вызвали дискуссию и критические замечания [16], что свидетельствует о существовании проблем совершенствования учета и анализа показателей бедности в РФ.

На основе установленных границ бедности рассчитывают широко используемый показатель борьбы с бедностью – доля населения страны с доходами ниже границы бедности [17, 18].

Другим распространенным показателем является коэффициент Джини, характеризующий неравенство распределения доходов населения и принимающий значения от 0 до 1 [19].

Существует также ряд других традиционных показателей доходов населения и неравномерности их распределения. Вместе с тем, для более глубокого изучения социального неравенства в дополнение к ним появляются новые числовые характеристики. Так, например, большой интерес представляет показатель социальной мобильности. Все члены общества должны иметь возможность перехода между социальными слоями, в зависимости от эффективности их труда, таланта, образования и навыков. Однако, в реальных условиях мобильность часто оказывается затруднённой, особенно для тех, кто стартует с низких позиций [20].

Помимо количественных методов, в последние годы всё больше внимания уделяется качественным оценкам. Социологические опросы и экспертные заключения помогают понять, как сами люди оценивают своё положение, безопасность, перспективы. В ряде зарубежных рейтингов, включая US News & World Report, эти показатели играют ключевую роль, но широкое применение в российских реалиях пока ограничено из-за трудоёмкости и затратности подобных исследований [21].

В современных условиях внимание смещается к более сложным показателям, таким как индекс человеческого развития (ИЧР) [22] и индикатор подлинного

прогресса (GPI) [23], при расчете которых учитывается широкий круг показателей, характеризующих не только материальные составляющие, но и продолжительность жизни, уровень образования, благополучие населения в целом.

Однако сложные индексы и основанные на них рейтинги не всегда удается использовать для межрегиональных сравнений внутри страны в связи с ограниченностью официальных статистических данных и разнородностью региональной информации [24].

На современном этапе развития общества и цифровизации большое значение приобретают методы, основанные на использовании больших данных, геоинформационных систем, а также нейросетевых моделей прогнозирования [25]. Однако их внедрение все еще требует значительных ресурсов, высокого уровня цифровой зрелости регионов и нормативного регулирования обработки персональных данных. Вместе с тем, с учетом императива и приоритетности политики борьбы с бедностью, реализуемой в РФ на всех уровнях управления, интерес представляет анализ эффектов предпринимаемых мер в регионах РФ, включая оценки результативности этой политики независимыми исследователями.

Целью данной работы явилась оценка результативности политики ликвидации нищеты и неравенства в регионах РФ в среднесрочной ретроспективе в контексте глобальной повестки и национальной политики устойчивого развития на основе статистического анализа релевантных данных Росстата.

Данные и методика

Источниками исходных данных послужили: перечень национальных показателей достижения целей в области устойчивого развития [26] и продуцируемые Росстатом показатели уровней и распределения доходов населения, неравенства и безработицы [10].

Методика включает в себя два этапа.

Этап 1. Сравнительный анализ степени достижения регионами РФ за

2015-2024 годы глобального целевого ориентира на пути к ЦУР-1 по показателю «доля населения с доходами ниже уровня бедности»

Для достижения ЦУР 1 – «Повсеместная ликвидация нищеты во всех ее формах» – глобальная Повестка дня в области устойчивого развития предполагает решение задачи 1.2, состоящей в необходимости сократить к 2030 году долю населения, живущего в нищете не менее чем на 50% от уровня 2015 года [5]. Российский Перечень национальных показателей достижения целей в области устойчивого развития содержит переменную величину «численность населения с денежными доходами ниже границы бедности, %», которая может использоваться для мониторинга результативности решения задачи 1.2 в территориальном разрезе [26].

Пусть y – доля населения, живущего за чертой бедности. Для решения задачи 1.2 – сократить с 2015 до 2030 года на 50% относительную численность населения, живущего за чертой бедности, необходимо, чтобы в течение 15 лет доля крайне бедного населения ежегодно сокращалась в среднем на величину

$$\bar{\Delta} = \frac{y_{2015}}{2} \cdot \frac{1}{15} \quad (1)$$

С учетом (1) за 9 лет с 2015 до 2024 года рассматриваемый показатель должен был понизиться на величину

$$\Delta_{2015-2024}^{\text{план}} = \frac{y_{2015}}{2} \cdot \frac{1}{15} \cdot 9 = 0,3y_{2015}. \quad (2)$$

Из формулы (2) вытекает, что к 2024 году плановое ориентировочное значение доли населения, живущего ниже уровня бедности, должно быть не выше, чем 70% от уровня 2015 года:

$$y_{2024}^{\text{план}} = 0,7y_{2015}. \quad (3)$$

Расчет отклонения фактического уровня показателя от его планового значения (3) для всех субъектов РФ позволяет сделать выводы о результативности политики ликвидации нищеты в российских регионах с 2015 по 2024 годы:

$$\Delta = y_{2024}^{\text{план}} - y_{2024}^{\text{факт}} = 0,7y_{2015} - y_{2024}^{\text{факт}} \quad (4)$$

Положительные значения отклонения Δ , рассчитанные по формуле (4), говорят о том, что фактический уровень бедности оказался ниже, чем плановый, и план перевыполнен. Отрицательные значения – напротив: свидетельствуют о том, что целевой ориентир сокращения уровня бедности не был достигнут.

Диверсификация регионов РФ по отклонению фактического значения доли населения, живущего за чертой бедности, от планового значения проанализированы методом дескриптивной статистики с помощью гистограмм вариационных рядов.

Этап 2. Интегральный рейтинг регионов РФ по результативности политики ликвидации нищеты на основе релевантных показателей бедности и неравенства за 2013-2024 гг

Федеральная служба государственной статистики (Росстат) продуцирует широкий спектр показателей уровня жизни, бедности и неравенства в разрезе регионов РФ. На втором этапе компаративного анализа результативности политики ликвидации нищеты были отобраны следующие релевантные показатели за период с 2013 по 2024 гг. [10]:

x_1 – среднедушевые доходы в регионе в % от регионального прожиточного минимума;

x_2 – коэффициент Джини, характеризующий уровень неравенства доходов в регионе;

x_3 – численность населения с денежными доходами ниже границы бедности в процентах от общей численности населения;

x_4 – дефицит денежного дохода – сумма денежных средств, необходимая для дополнения доходов населения с денежными доходами ниже границы бедности до границы бедности (в процентах от общего объема денежных доходов населения);

x_5 – уровень безработицы в % от численности населения в возрасте 15-75 лет.

Ниже в качестве индексов используются следующие обозначения: i –

номер показателя, j – идентификатор региона.

Предлагается следующий алгоритм формирования интегрального рейтинга регионов по результативности борьбы с бедностью за период с 2013 по 2024 гг.

1) Расчет вспомогательных относительных переменных, соизмеряющих уровни показателей в регионах со среднероссийскими уровнями этих показателей в базисном (2013 г) и отчетном (2024 г) периодах:

$$\frac{x_{ij}}{x_{i(PФ)}}, i = 1; \quad \frac{x_{i(PФ)}}{x_{ij}}, i = 2, 3, 4, 5. \quad (5)$$

Содержательная интерпретация показателей (5) такова. Если $x_{ij} > 1$, то это значит, что ситуация в j -том регионе по i -тому показателю с точки зрения ликвидации нищеты оценивается выше, чем в среднем по России, и чем больше отклонение регионального значения от единицы в сторону превышения, тем лучше. И наоборот: если $x_{ij} < 1$, то это значит, что ситуация в j -том регионе по i -тому показателю с точки зрения ликвидации нищеты оценивается ниже, чем в среднем по России, и чем больше отклонение регионального значения от единицы в сторону уменьшения, тем хуже.

2) Вычисление темпов изменения относительных показателей (5) за 2013-2024 гг. Темпы обозначаются t_{ij} – темп изменения i -го показателя в j -м регионе за 2013-2024 гг. Дадим и этим показателям содержательную интерпретацию. С учетом комментариев, данных на предыдущем шаге алгоритма, легко видеть, что в динамике увеличение каждой из переменных (5) означает улучшение ситуации в регионе по сравнению со среднероссийской ситуацией по этой переменной. Если, к примеру, $t_{ij} = 1,1$ то это значит, что за рассматриваемый период ситуация в j -том регионе по i -той переменной по сравнению со среднероссийским уровнем улучшилась на 10%. И наоборот: при $t_{ij} = 0,95$ мы видим, что за рассматриваемый период ситуация в j -том регионе по i -той переменной по сравнению со среднероссийским уровнем ухудшилась на 10%.

3) Расчет интегрального темпа изменения уровня бедности и неравенства в регионах по сравнению со среднероссийским уровнем:

$$T_j = \sqrt[5]{\prod_{i=1}^5 t_{ij}} \quad (6)$$

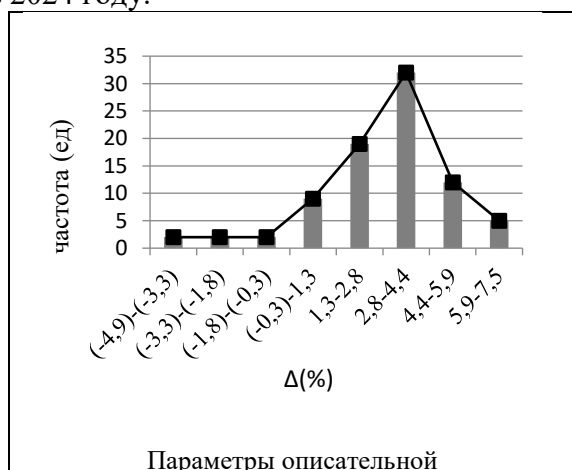
Если интегральный показатель T_j (6) меньше единицы, это означает, что к 2024 году относительный (по сравнению со среднероссийским) уровень бедности в регионе j , оцененный по пяти рассматриваемым показателям (5), понизился. Если, например, $T_j = 0,95$, то он понизился на 5% по сравнению с уровнем 2013 года. Если же, напротив: $T_j > 1$, то в регионе j уровень бедности по отношению к среднероссийскому уровню повысился.

4) Ранжирование регионов по возрастанию интегрального показателя T_j . Регионы с наименьшими значениями T_j оказываются в начале списка, то есть на вершине рейтинга результативности борьбы с бедностью.

5) Разбиение совокупности регионов на квинтили (группы численностью около 20% от общего числа регионов) по значениям показателя T_j и определение групп регионов с результативностью различных уровней: высоким, выше среднего, средним, ниже среднего и низким.

Результаты исследования

Результаты этапа 1 представлены на рис. 1, где проиллюстрированы вариационный ряд и параметры распределения регионов РФ по отклонению фактического уровня бедности от планового в 2024 году.

статистики (%)	
Среднее	1,55
Медиана	3,20
Мода	3,43
Максимум	7,50
Минимум	-4,9
Коэффициент вариации	165,60

Рис. 1. Распределение регионов РФ по величине отклонения фактического значения доли населения с доходами ниже границы бедности от планового значения этого показателя в 2024 году.

По рис. 1 видно, что в 2024 году среднее по совокупности российских регионов фактическое значение уровня бедности оказалось ниже, чем его плановое значение на 1,55 процентных пункта (п.п.). Всего рассмотрено 82 региона и дополнительный элемент совокупности территорий – РФ (в целом как территории). У половины регионов план оказался перевыполненным на 3,2 и более процентных пункта. Наиболее частое значение перевыполнения плана по сокращению уровня бедности составило 3,43 процентных пункта. Однако распределение рассматриваемого показателя по всей совокупности субъектов РФ оказалось крайне неоднородным (коэффициент вариации равен 165,6%), и позитивный, в целом, результат не является однозначно положительным при рассмотрении конкретных регионов. Отрицательные значения показателя, свидетельствующие о невыполнении плана, оказались у 12 регионов, из них наихудшие показатели продемонстрировали Республики Ингушетия (-4,9 п.п.), Дагестан (-4,1 п.п.) и Чечня (-4,0 п.п.). Лучшие позитивные оказались у Республик Калмыкия (+7,9 п.п.), Тыва (5,4 п.п.) и Крым (4,8 п.п.). Волгоградская область в 2024 году достигла уровня бедности на 2,3 п.п. более низкого, чем плановое значение, что совпадает с результатом по России в целом (как территории).

Результат этапа 2 – это интегральный рейтинг регионов по композитному темпу результативности политики ликвидации нищеты (по сравнению со среднероссийским уровнем) на основе пяти релевантных показателей за 2013-2024 гг.

Он представлен в таблице 1, которая иллюстрирует также группировку регионов по темпам достигнутых улучшений в рассматриваемой сфере. Как видно по таблице 1, шестнадцать регионов с высоким уровнем результативности борьбы с бедностью показали улучшение своего состояния по сравнению со среднероссийским уровнем с темпами из диапазона [1,11; 1,42]. При этом наилучший результат, как и на первом этапе исследования, оказался у Республики Калмыкия (1,46), которая улучшила свое положение в сфере ликвидации нищеты по сравнению со среднероссийским уровнем на 46%.

Таблица 1. Интегральный рейтинг регионов РФ по результативности политики ликвидации нищеты за 2013-2024 гг

Уро- вень	№	Регион	T_j
Высокий -	1	Р. Калмыкия	1.42
	2	Амурская обл.	1.29
	3	Приморский кр.	1.29
	4	Р. Тыва	1.21
	5	Сахалинская обл.	1.19
	6	Удмуртская Р.	1.15
	7	Орловская обл.	1.14
	8	Камчатский кр.	1.14
	9	Смоленская обл.	1.14
	10	Псковская обл.	1.12
	11	Мурманская обл.	1.11
	12	Р. Мордовия	1.11
	13	Ростовская обл.	1.11
	14	Хабаровский кр.	1.11
	15	Вологодская обл.	1.11
Выше среднего	16	Костромская обл.	1.10
	17	Волгоградская обл.	1.10
	18	Архангельская обл.	1.10
	19	Еврейская автономная обл.	1.10
	20	Нижегородская обл.	1.09
	21	Владимирская обл.	1.09
	22	Ивановская обл.	1.09
	23	Красноярский кр.	1.09
	24	Калужская обл.	1.08
	25	Кемеровская обл.	1.08
	26	Р. Крым	1.08
	27	Краснодарский кр.	1.08
	28	Новосибирская обл.	1.08
	29	Чувашская Р.	1.08
	30	Магаданская обл.	1.07
	31	г. Москва	1.06
Средний	32	г. Санкт-Петербург	1.05
	33	Р. Адыгея	1.05
	34	г. Севастополь	1.05
	35	Кировская обл.	1.05
	36	Иркутская обл.	1.04
	37	Р. Хакасия	1.04
	38	Курганская обл.	1.04
	39	Пензенская обл.	1.04

Уро- вень	№	Регион	T_j
	40	Новгородская обл.	1.04
	41	Тверская обл.	1.04
	42	Курская обл.	1.03
	43	Р. Марий Эл	1.03
	44	Челябинская обл.	1.03
	45	Алтайский кр.	1.02
	46	Ульяновская обл.	1.02
	47	Саратовская обл.	1.02
	48	Пермский кр.	1.01
	49	Свердловская обл.	1.01
Ниже среднего	50	Р. Татарстан	1.01
	51	Ленинградская обл.	1.00
	52	Воронежская обл.	1.00
	53	Р. Карелия	0.99
	54	Оренбургская обл.	0.99
	55	Тюменская обл.	0.99
	56	Чукотский авт.округ	0.99
	57	Кабардино-Балкарская Р.	0.98
	58	Калининградская обл.	0.97
	59	Брянская обл.	0.97
	60	Белгородская обл.	0.96
	61	Р. Алтай	0.96
	62	Омская обл.	0.95
	63	Р. Башкортостан	0.95
	64	Томская обл.	0.94
	65	Чеченская Р.	0.93
	66	Тульская обл.	0.93
	67	Московская обл.	0.92
	68	Рязанская обл.	0.92
Низкий	69	Самарская обл.	0.91
	70	Ярославская обл.	0.91
	71	Забайкальский кр.	0.90
	72	Р. Коми	0.89
	73	Р. Саха (Якутия)	0.88
	74	Ставропольский кр.	0.86
	75	Липецкая обл.	0.85
	76	Астраханская обл.	0.84
	77	Р. Бурятия	0.81
	78	Карачаево-Черкесская Р.	0.79
	79	Тамбовская обл.	0.78
	80	Р. Северная Осетия	0.74
	81	Р. Ингушетия	0.65
	82	Р. Дагестан	0.63

В группу с уровнем результативности «выше среднего» также попали 16 регионов, отличающиеся значениями интегрального темпа улучшений от 1,06 (+6%) до 1,1 (+10%). Среди них оказалась Волгоградская область с результатом 1,10 (+10%), а также Москва с улучшением на 6%.

В группу со структурными средними (медианными) значениями результативности включены 19 регионов с интегральными темпами улучшения их состояний от 1,1 (+1%) до 1,05 (+5%). Среди их лучший результат у Санкт-Петербурга (+5%), а

замыкает список группы Республика Татарстан с результатом 1,01 (+1%).

Результат «ниже среднего» с интегральным темпом от 0,92 до 1,0 показали 19 регионов.

Низкий уровень результативности с интегральным темпом от 0,63 до 0,91 оказался у 14 регионов. Наиболее отстающими являются Республики Ингушетия и Дагестан, где ситуация в сфере бедности и неравенства по отношению к среднероссийскому уровню ухудшилась на 35% и 37% соответственно.

Заключение

Результативность политики борьбы с бедностью в регионах РФ за 2015-2024 гг по критерию сокращения показателя «доля населения с доходами ниже уровня бедности» можно считать положительной в соответствии с глобальными ЦУР-1 и задачей 1.2, хотя 12 из 82 регионов не достигли плановых значений. В среднем по совокупности регионов план по сокращению этого показателя перевыполнен на 1,55 процентных пункта (п.п.). Наиболее частое значение перевыполнения плана составило 3,43 п.п.

Для уточнения полученных результатов построен интегральный рейтинг регионов на основе расчета композитного темпа изменений пяти релевантных относительных (по сравнению со среднероссийским уровнем) показателей за 2013-2024 гг. Более высокий, чем в среднем по РФ, уровень результативности борьбы с бедностью показали 50 из 82 регионов, а более низкий – 30 субъектов РФ.

Судя по результатам, в целом по всем регионам РФ результативность политики ликвидации нищеты соответствует мировым и национальным ориентирам устойчивого развития и даже превышает плановые показатели. Наиболее высокие результаты демонстрируют Москва, Санкт-Петербург и, судя по официальной статистике, Калмыкия. Волгоградская область по рассмотренным показателям имеет уровень результативности, близкий к среднему по всей территории РФ и/или

близкий к наиболее частому (модальному) уровню.

Республики Северного Кавказа, судя по официальным данным, значительно отстают от других российских регионов как в оценке текущего состояния с точки зрения преодоления бедности и сглаживания неравенства, так и по темпам его улучшения. Эта проблема заслуживает дальнейшего разностороннего детального рассмотрения, включая вопросы качества учета и анализа официальных статистических данных.

Список литературы

1. Содействие устойчивому развитию. [Электронный ресурс] URL: <https://www.un.org/ru/our-work/support-sustainable-development-and-climate-action> (дата обращения: 12.05.2025).
2. Цели в области устойчивого развития. [Электронный ресурс] URL: <https://www.un.org/sustainabledevelopment/ru/sustainable-development-goals/> (дата обращения: 12.05.2025).
3. Poverty, Prosperity, and Planet Report 2024: Pathways Out of the Polycrisis. [Electronic source] URL: <https://openknowledge.worldbank.org/entities/publication/e789cf0e-816c-41ef-ad3a-471948f374ce> (дата обращения: 13.05.2025).
4. Повсеместная ликвидация нищеты во всех её формах. [Электронный ресурс] URL: <https://www.un.org/sustainabledevelopment/ru/poverty/> (дата обращения 10.05.2025).
5. Система глобальных показателей достижения ЦУР. [Электронный ресурс] URL: https://unstats.un.org/sdgs/indicators/Global%20Indicator%20Framework_A.RES.71.313%20Annex.Russian.pdf (дата обращения: 11.05.2025).
6. *Естурлиева А.И., Танатова С.* Эффективные стратегии борьбы с бедностью на региональном и глобальном уровнях // Вестник науки. – 2024. – Т. 2. – № 2(71). – С. 42-47. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.вестник-науки.рф/article/12834> (дата обращения: 12.05.2025).
7. *Разумов А.А., Селиванова О.В.* Бедность в России: региональные особенности и перспективные инструменты снижения её уровня // Социально-трудовые исследования. – 2021. – № 4 (45). – С. 75-88. doi: 10.34022/2658-3712-2021-45-4-75-88.
8. Распоряжение Правительства РФ от 10.07.2001 № 910-р (ред. от 06.06.2002) «О программе социально-экономического развития Российской Федерации на среднесрочную перспективу (2002-2004 годы)». [Электронный ресурс]. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_32708/ (дата обращения: 11.05.2025).

9. Указ Президента РФ от 07.05.2018 № 204 "О национальных целях и стратегических задачах развития Российской Федерации на период до 2024 года" (с изменениями и дополнениями от 19.07.2018, 21.07.2020). [Электронный ресурс] URL: <https://base.garant.ru/71937200/> (дата обращения: 11.05.2025).
10. Уровень жизни. Росстат. [Электронный ресурс] URL: <https://rosstat.gov.ru/folder/13397> (дата обращения: 11.05.2025).
11. Указ Президента РФ от 21.07.2020 № 474 "О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года" (документ не действует). [Электронный ресурс] URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/45726> (дата обращения: 10.05.2025).
12. Указ Президента РФ 07.05.2024 № 309 "О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года и на перспективу до 2036 года". [Электронный ресурс] URL: <https://base.garant.ru/408992634/> (дата обращения: 12.05.2025).
13. Федеральный закон Российской Федерации от 24.10.1997 № 134-ФЗ «О прожиточном минимуме в Российской Федерации». [Электронный ресурс] URL: <https://rosstat.gov.ru/folder/13397> (дата обращения: 13.05.2025).
14. Постановление Правительства Российской Федерации от 26.11.2021 № 2049 "Об утверждении Правил определения границ бедности в целом по Российской Федерации и по субъектам Российской Федерации, используемых в оценках показателя "Уровень бедности" в целом по Российской Федерации и по субъектам Российской Федерации, и о внесении изменений в Федеральный план статистических работ". [Электронный ресурс] URL: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202111270008> / (дата обращения 10.05.2025).
15. Постановление Правительства РФ от 26.06.2021 № 1022 «Об утверждении правил установления величины прожиточного минимума на душу населения и по основным социально-демографическим группам населения в субъектах российской федерации на очередной год». [Электронный ресурс] URL: <https://rosstat.gov.ru/folder/13397> (дата обращения 11.05.2025).
16. Башкатова А. Прожиточный минимум оказался чересчур минимальным: В России будут уживаться две официальные бедности и множество неофициальных // Независимая газета. – 2021. – 21 дек. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.voennopravo.ru/node/2149> URL: https://www.ng.ru/economics/2021-12-21/1_8332_poverty.html (дата обращения: 19.05.2025).
17. Батракова Л.Г. Основные концепции оценки бедности населения // Ярославский педагогический вестник. – 2011. – Т.1 (Гуманитарные науки). – № 3. – С. 117-121.
18. Слободенюк Е.Д., Аникин В.А. Где пролегает «черта бедности» в России? // Вопросы экономики. – 2018. – № 1. – С. 104-127. doi: 10.32609/0042-8736-2018-1-104-127
19. Петров Ф.В. Коэффициент Джини в оценке социального неравенства как угрозы экономической безопасности // Журнал У. Экономика. Управление. Финансы. – 2020. – № 1 (19). – С. 14-19.
20. Розенберг Н.В., Карпова М.К. Социальная мобильность в условиях современного российского общества // Известия вузов Поволжья. Общественные науки. 2020. № 4 (56). С. 99-108.
21. US News & World Report. 2021. [Electronic source] URL: <https://www.usnews.com/news/best-countries/overall-rankings/> (дата обращения: 13.05.2025).
22. Human Development Index (HDI). [Electronic source] URL: <https://hdr.undp.org/data-center/human-development-index#/indicies/HDI/>. (дата обращения: 13.05.2025).
23. Бобкова В.Н., Локтюхина Н.В., Шамаева Е.Ф. Уровень и качество жизни населения России: от реальности к проектированию будущего. – М. : ФНИСЦ РАН, 2022. – 274 с.
24. Лебедева А.А., Леонтьев Д.А. Современные подходы к изучению качества жизни: от объективных контекстов к субъективным // Социальная психология и общество. – 2022. – Т. 13. – № 4. – С. 142–162. doi: 10.17759/sps.2022130409.
25. Мальцев А.И., Журавлев В.А. Применение больших данных в мониторинге бедности: перспективы и вызовы // Экономика региона. – 2021. – № 17(3). – С. 902–915.
26. Национальный набор показателей ЦУР // Росстат. [Электронный ресурс] URL: <https://rosstat.gov.ru/sdg/national> (дата обращения: 10.05.2025).

References

1. Promoting Sustainable Development. [Electronic source] URL: <https://www.un.org/ru/our-work/support-sustainable-development-and-climate-action/>. (Date of access: 12.05.2025).
2. Sustainable Development Goals. [Electronic source] URL: <https://www.un.org/sustainabledevelopment/ru/sustainable-development-goals/>. (Date of access: 12.05.2025).
3. Poverty, Prosperity, and Planet Report 2024: Pathways Out of the Polycrisis. [Electronic source] URL: <https://openknowledge.worldbank.org/entities/publication/e789cf0e-816c-41ef-ad3a-471948f374ce> (Date of access: 13.05.2025).
4. End poverty in all its forms everywhere. [Electronic source] URL: <https://www.un.org/sustainabledevelopment/ru/poverty/>. (Date of access: 10.05.2025). (In Russ.).

5. Global SDG System. [Electronic source] URL: https://unstats.un.org/sdgs/indicators/Global%20Indicator%20Framework_A.RES.71.313%20Annex.Russian.pdf/. (Date of access: 11.05.2025).
6. Esturlieva A. I., Tanatova S. (2024) Effective strategies for combating poverty at the regional and global levels. *Science Bulletin*, 2(71), 42-47. [Electronic source] URL: <https://www.вестник-науки.рф/article/12834>. / (Date of access: 12.05.2025). (In Russ.)
7. Razumov A.A., Selivanova O.V. (2021) Poverty in Russia: Regional Features and Promising Instruments for Reducing Its Level. *Social and Labor Research*, 4 (45), 75-88. DOI: 10.34022/2658-3712-2021-45-4-75-88. (In Russ.)
8. *Resolution of the Government of the Russian Federation* dated 10.07.2001 no. 910-p (ed. from 06.06.2002) «On the program of socio-economic development of the Russian Federation for the medium term perspective (2002-2004)». [Electronic source] URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_32708/. (Date of access: 11.05.2025).
9. Decree of the President of the Russian Federation of May 7, 2018, no. 204 "On National Goals and Strategic Objectives for the Development of the Russian Federation through 2024" (as amended on July 19, 2018, and July 21, 2020). [Electronic source] URL: <https://base.garant.ru/71937200/>. (Date of access: 11.05.2025).
10. Standard of Living. *Rosstat*. [Electronic source]. URL: <https://rosstat.gov.ru/folder/13397>. (Date of access: 11.05.2025).
11. *Decree of the President of the Russian Federation* of July 21, 2020, no. 474 "On the National Development Goals of the Russian Federation through 2030" (document no longer in effect). [Electronic source] URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/45726/>. (Date of access: 10.05.2025).
12. *Decree of the President of the Russian Federation* of May 7, 2024, no. 309 "On the national development goals of the Russian Federation for the period up to 2030 and for the future up to 2036." [Electronic source]. URL: <https://base.garant.ru/408992634/>. (Date of access: 11.05.2025).
13. *Federal Law of the Russian Federation* of October 24, 1997, No. 134-FZ "On the Subsistence Minimum in the Russian Federation." [Electronic source] URL: <https://rosstat.gov.ru/folder/13397/>. (Date of access: 13.05.2025).
14. *Resolution of the Government of the Russian Federation* dated 26.11.2021 no. 2049 "On the approval of the Rules for the determination of poverty limits as a whole for the Russian Federation and for the entities of the Russian Federation used in the estimates of the indicator "Poverty level" for the Russian Federation as a whole and for the constituent entities of the Russian Federation, and on amendments to the Federal Statistical Plan". [Electronic source] URL: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202111270008> / (Date of access: 10.05.2025).
15. *Resolution of the Government of the Russian Federation* dated 26.06.2021 no 1022 «On the approval of the rules for establishing the size of the subsistence minimum per capita and according to the main socio-demographic groups of the population in the entities of the Russian Federation for the next year». URL: <https://rosstat.gov.ru/folder/13397/> (Date of access: 11.05.2025).
16. Bashkatova A. (2021). The cost of living turned out to be too minimal: Russia will see two official poverty levels and many unofficial ones coexist // *Independent newspaper*, Dec. 21. [Электронный ресурс]. URL: https://www.ng.ru/economics/2021-12-21/1_8332_poverty.html/ (Date of access: 10.05.2025). (In Russ.)
17. Batrakova L.G. (2011). Basic concepts of assessing poverty of the population. *Yaroslavskij pedagogicheskij vestnik*, I (Humanities) (3), 117-121. (In Russ.)
18. Slobodenyuk E.D., Anikin V.A. (2018) Where is the "poverty line" in Russia? *Economic issues* 1, 104-127. doi: 10.32609/0042-8736-2018-1-104-127 (In Russ.)
19. Petrov F.V. (2020) Gini coefficient in assessing social inequality as a threat to economic security. *Journal U of Economics. Management. Finance*, 1 (19), 14-19. (In Russ.)
20. Rosenberg N.V., Karpova M.K. (2020) Social mobility in the context of modern Russian society. *News of the Volga Region Universities. Social Sciences*, 4(56), 99-108. (In Russ.)
21. US News & World Report. 2021. [Electronic source] URL: <https://www.usnews.com/news/best-countries/overall-rankings/>. (Date of access: 13.05.2025).
22. Human Development Index (HDI). [Electronic source] URL: <https://hdr.undp.org/data-center/human-developmentindex#/indicies/HDI/>. (Date of access: 13.05.2025).
23. Bobkova V.N., Loktyukhina N.V., Shamaeva E.F. (2022) *The standard and quality of life of the population of Russia: from reality to designing the future*. Moscow: Federal Scientific Center of the Russian Academy of Sciences, 274. (In Russ.)
24. Lebedeva A.A., Leontiev D.A. (2022) Modern approaches to the study of quality of life: from objective contexts to subjective ones. *Social Psychology and Society*, 13(4), 142-162. doi: 10.17759/sps.2022130409
25. Maltsev A.I., Zhuravlev V.A. (2021) Application of big data in poverty monitoring: prospects and challenges. *Economy of the region*, 3(17), 902-915. (In Russ.)
26. National set of SDG indicators. *Rosstat*. [Electronic source] URL: <https://rosstat.gov.ru/sdg/national/> / (Date of access: 10.05.2025). (In Russ.)

УДК 330.332.16

Особенности процесса совершенствования региональной инновационно-инвестиционной инфраструктуры

Н.М. Ветрова¹, А.А. Гайсарова²^{1,2}ФГАОУ ВО «КФУ им. В.И. Вернадского», г. Симферополь, 295007, Россия¹haoc.vetrova.03@mail.ru, ²vip.gaysarova@mail.ru

Статья поступила 29.08.2025

Аннотация

В современных экономических условиях развитие инновационного потенциала каждого региона, как и страны в целом рассматривается как важный резерв обеспечения устойчивого суверенитета, повышения эффективности ведения бизнеса. В статье представлены результаты анализа сущности, состояния инновационно-инвестиционных процессов. Рассмотрены подходы к совершенствованию региональных инновационно-инвестиционных инфраструктур региона (ИИИР) для реализации задач регионального развития. Инвестиционная составляющая проявляется через специализированные и венчурные фонды, средства бюджетов, финансово-кредитные организации. Регуляторные меры выступают в двух формах – организационной (технополисы, индустриальные парки, бизнес-инкубаторы, территории опережающего развития, кластеры) и правовой (законодательно-правовые акты, справочная информация, базы данных, патентные данные). Обоснован подход к совершенствованию ИИИР на основе анализа проблем действующей инфраструктуры инновационной деятельности для определения направлений реформирования или корректировки с учетом принятой концепции социально-экономического развития региона. Представлены результаты анализа инновационно-инвестиционной инфраструктуры Республики Крым после 2014 года.

Ключевые слова: инновационно-инвестиционная инфраструктура, регион, совершенствование, механизм

JELcode: R11

Features of the process of improving the regional innovation and investment infrastructure

N.M. Vetrova¹, A.A. Gaysarova²^{1,2}V.I. Vernadsky Crimean Federal University, Simferopol, 295007, Russia¹haoc.vetrova.03@mail.ru, ²vip.gaysarova@mail.ru

Received 29.04.2025

Abstract

In modern economic conditions, the development of the innovative potential of each region, as well as the country as a whole, is considered as an important reserve for ensuring sustainable sovereignty and increasing the efficiency of doing business. The article presents the results of an analysis of the essence and state of innovation and investment processes. The approaches to improving the regional innovation and investment infrastructures of the region (IIR) for the implementation of regional development objectives are considered. The investment component is manifested through specialized and venture capital funds, budget funds to support innovation activities, and financial and credit organizations. Regulatory measures take two forms – organizational (technopolises, industrial parks, business incubators, territories of advanced development of the region, clusters) and legal (legislative acts, background information, databases, patent data). The approach to improving the IIR is substantiated based on an analysis of the problems of the existing infrastructure of innovation activities in order to determine the directions of reform or adjustment, taking into

account the adopted concept of socio-economic development of the region. The results of the analysis of the innovation and investment infrastructure of the Republic of Crimea after 2014 are presented.

Keywords: innovation and investment infrastructure, region, improvement, mechanism

Введение

Реализация региональной политики социально-экономического развития требует совершенствования системы государственного регулирования, направленной на стимулирование инновационно-инвестиционного развития реального сектора регионов страны. Государство должно развивать используемые механизмы, когда имеющиеся и потенциальные преимущества отечественной экономики пока не могут быть реализованы. Со стороны государства нужна защита высокотехнологичного потенциала и инвестиционного комплекса ее регионов. Необходимо активное взаимодействие региональных властей с частным сектором экономики с целью ускорения формирования и утверждения инновационно-инвестиционных структур как элемента социально-экономического развития.

Приоритетность инноваций определяет преимущества городов и регионов – наличие высококвалифицированных кадров; поддерживающих и смежных видов деятельности (экспертное консультирование, использование венчурного капитала или финансовых ресурсов крупных корпораций), культурной и политической ориентации на новаторство, первоклассной инфраструктуры. Такие преимущества имеют важное значение либо для поддержки уже проведенной исследовательской и инновационной деятельности и удержания высококвалифицированных трудовых ресурсов, либо для создания надлежащей среды, позволяющей сформировать новые инновационные центры, которые позволят привлекать квалифицированный персонал и капиталовложения. Региональные преимущества могут и не давать эффекта, если национальная среда неблагоприятна для инноваций, именно поэтому реформирование

инновационно-инвестиционной инфраструктуры требует особого внимания и совершенствования.

В организационном плане формирование региональной инновационно-активной системы, в первом приближении предполагает создание специальных структур, нацеленных на продвижение инноваций и распространение их в социальной среде. Следовательно, формирование инфраструктуры, способствующей внедрению инноваций на региональном уровне, требует разработки комплекса мер и инструментов.

Анализ последних исследований и публикаций

На текущем этапе широкое внедрение инноваций во всех секторах экономики, остается одной из главных тем для дискуссий зарубежных и отечественных исследователей.

Так, Дробышева Е.С. и Лапина М.А. исследовали понятия и категории по проблемам инноваций [1], хотя вопросы создания системы управления инновациями в регионе авторами не рассматривались.

Ершова И.Г. и Михайлов О.В. [2] в своей работе приходят к выводу о необходимости систематизации по их определениям «поколений инновационных процессов». При этом выделяется «...V поколение инновационных процессов (настоящее время – будущее) – «модели стратегических сетей» [2, с. 383].

В научной статье Суховой А. Ф., Головой И. М. [3] рассматриваются различные инновационные стратегии, направленные на решения социально-экономических проблем региона, однако не уделено внимание инвестиционным аспектам.

Исследование Никитской Е. Ф. и Валишвили М. А. посвящено анализу влияния инноваций на инвестиционный

потенциал региона [4], но не рассмотрены система инструментов стимулирования инноваций.

Уточнением подходов к управлению инновационно-инвестиционной привлекательностью как фактором предпринимательской деятельностью региона занимались Е.Ю. Якимова, И.Г. Ершова, А.И. Девятилова [5]. Авторы акцентируют внимание на необходимости разработки мер государственного реагирования по результатам выполненного серьезного анализа результатов деятельности экономик регионов России при сложившейся инновационной инфраструктуре.

Ряд ученых обосновывали подходы к разработке и варианты модели развития региональной инновационной инфраструктуры на основе развития инфраструктуры и систематизации инновационной деятельности [6, 7, 8]. В том числе делался вывод о необходимости формирования «...информационного пространства, в том числе базы данных инновационных разработок и продуктов; создание полноценной стабильной нормативно-правовой базы, регулирующей инновационную деятельность в регионе; создание региональных инжиниринговых и научных центров, оснащение их новейшим оборудованием, что требует значительных финансовых вложений; формирование благоприятного инвестиционного климата в регионе; стимулирование спроса на инновации и совершенствование процесса коммерциализации разработок» [8, с. 28].

Данные и методы

Цель данного исследования: проанализировать сущность, состояние инновационно-инвестиционных процессов и рассмотреть подходы к совершенствованию региональных инновационно-инвестиционных инфраструктур для реализации задач регионального развития с учетом складывающейся ситуации.

Методологическую основу работы составили труды отечественных ученых в

области исследования инновационной инфраструктуры и инвестиционной деятельности. В ходе исследования были использованы как общенаучные методы и приемы (анализ и синтез, табличное представление материалов, методы системного подхода к исследованию проблемы), так и специальные.

Результаты исследования

Учитывая сущность инновационно-инвестиционной инфраструктуры региона (ИИИР), целью которой является реализация совокупности инновационных процессов при инвестиционном сопровождении, включая коммерческую реализацию полученных новшеств (технологий, продуктов, знаний), совершенствование этого компонента социально-экономической системы региона требует особого внимания как со стороны органов управления, так и научного сообщества.

Инновационно-инвестиционная инфраструктура региона как комплекс объединяет различные формы инвестиций (финансов) и регуляторные меры (мероприятия), поддерживающие инновационную деятельность в системе экономики региона в приоритетных направлениях достижения национальных целей и интересов региона. Инвестиционная составляющая инновационно-инвестиционной инфраструктуры проявляется через специализированные и венчурные фонды, средства бюджетов для поддержки инновационной деятельности, финансово-кредитные организации. Регуляторные меры выступают в двух формах – организационной (технополисы, индустриальные парки, бизнес-инкубаторы, территории опережающего развития региона, кластеры) и правовой (законодательно-правовые акты, справочная информация по инновациям, базы данных, патентные данные). Особое место в инфраструктуре региона занимают организации подготовки кадров для разработки инноваций и внедрения их в производство.

Функционирование инновационно-инвестиционной инфраструктуры региона имеет цель повышение инновационного потенциала территориальной системы экономики для обеспечения целей развития. Поэтому выполняется отслеживание протекающих процессов как разработки, так и внедрения инноваций в приоритетные отрасли и предприятия региона – оценка инновационного потенциала территории на соответствие целям концепции развития на основании достижения социально-экономических показателей региона.

Полученные результаты оценки инновационного потенциала анализируются с позиций структуры инновационно-инвестиционных институтов, формирующих инфраструктуру региона с учетом нормативно-правовой базы и критериев реформирования. На данном этапе управления появляется возможность выявить болевые точки действующей инфраструктуры инновационной деятельности и определить направления реформирования или корректировки элементов инновационно-инвестиционной инфраструктуры региона с учетом принятой концепции социально-экономического развития региона (рис. 1).

В качестве направлений совершенствования могут выступать меры по расширению одной из форм организации инновационной деятельности в пределах региона (города) - технопарки [9]. Они могут играть роль дублирующих промышленных баз, что в принципе повышает устойчивость экономических механизмов в целом. В градостроительном отношении они составляют отдельную часть городской территории, которая имеет необходимые элементы (формы), где сконцентрированы научные учреждения, организации, предприятия наукоемких и высокотехнологических производств, учреждения, связанные с подготовкой и переподготовкой кадров. При этом территориальные параметры технопарков, создаваемые соотношением между исследовательской и производственной функциями, объемом и сферой кооперации

могут различаться в зависимости от конкретной экономической ситуации в регионе.

Рис. 1. Схема механизма совершенствования инновационно-инвестиционной инфраструктуры региона

При всем разнообразии сочетания функций технопарков их специфической чертой является создание стартовых условий для развития научно-технического предпринимательства, которое ориентируется не на крупные научно-исследовательские институты и лаборатории, а на малые и средние, включая рискованные, инновационные предприятия [10, 11]. С этой целью на территории технопарков могут создаваться так называемые инкубаторы.

Благоприятные условия для создания промышленных (индустриальных) парков, технопарков и технополисов имеют значительные городские агломерации, их отличает:

- мощный научно-технический потенциал, представленный ведущими научно-производственными объединениями, академическими и отраслевыми научно-исследовательскими учреждениями, высшими учебными

заведениями, имеющими высокий уровень научных разработок и опыт научно-технического сотрудничества с зарубежными странами;

- значительная доля предприятий наукоемких отраслей промышленности, которые заинтересованы в совершенствовании технологических процессов;

- высокий уровень квалификации трудовых ресурсов и возможность их подготовки на основе овладения передового опыта в управлении и маркетинге;

- концентрация банков и инвестиционных фондов, готовых участвовать в создании венчурных инновационных фирм;

- опережающий, сравнительно с страной в целом, развитие новых форм хозяйствования, в том числе и научно-технического предпринимательства;

- обширное городское хозяйство и сфера обслуживания, включая внешний транспорт и связь.

Стоит отметить, что многие государства рассматривают создание научного парка как важное стратегическое средство для развития современной конкурентоспособной промышленности, стимулирования роста экономики и социально-экономического развития общества.

Крупные города имеют все необходимые предпосылки для обеспечения связи между сферой исследований и разработок и сферой их внедрения, интенсивного обмена информацией и развития предпринимательской активности. Также промышленно развитые регионы имеют научный задел по разработке целого ряда прогрессивных технологий производства наукоемких продуктов, а также промышленный потенциал, способный брать выпуск в выпуске конкурентоспособной продукции. В то же время, следует отметить, что научно-технический потенциал крупных городов страны все еще характеризуется

отставанием его материально-технических составляющей. Многие научно-технические учреждения размещены во взятых в аренду и непригодных для исследований помещениях. Именно поэтому, создание технопарковых зон, промышленных парков следует рассматривать не как самоцель, а как средство создания необходимых условий выхода страны на уровень прорывных новейших технологий.

Основная задача заключается в создании открытых структур научно-производственной интеграции за счет отечественных и зарубежных инвестиций, которые должны строиться на основе свободного обмена информацией, конкуренции и коммерциализации достижений научно-технического прогресса. Объединенные технопарки создают технополис, который приобретает признаки научно-производственного комплекса, осуществляющего всю технологическую цепочку от фундаментальных исследований до продажи новой продукции. Считаем, что целесообразно предусмотреть следующие основные этапы их создания и функционирования в регионах (табл. 1).

Организация технополисов, как и промышленных парков, требует большой подготовительной работы, предусматривающей согласование действий властных структур разного уровня, начиная с правительственного и заканчивая региональным и городским, а также всех заинтересованных организаций: научно-исследовательских, предпринимательских, финансовых и тому подобное.

Таблица 1. Основные этапы создания технополисов в регионах

Этапы создания	Содержание
Формирование основных направлений деятельности на министерском уровне	1. Определение регионов (территорий), которые могут быть использованы для развития наукоемких производств. 2. формирование целой и задач развития этих производств.

Этапы создания	Содержание
управления	3. Выбор коммерческих проектов, способствующих развитию технополисов.
Подготовка программы развития технополиса на региональном уровне управления	1. Определение регионов (площадок) для технополиса. 2. Формирование целей и задач индустриального развития, основанного на новейших технологиях. 3. Планировка, сооружение и поддержка (поиск средств) промышленной зоны, дорог и т.д. 4. Разработка юридических положений (постановлений), способствующих созданию условий для финансирования коммерческих предприятий и других служб, необходимых для развития технополиса.
Утверждение программы (для министерств)	1. Определение, подходит ли для размещения технополиса предложенный регион. 2. Оценка соответствия программы основным направлениям развития региона. 3. Определение возможностей для обеспечения реализации программы технополиса уровнем экономического развития территории (города), где будут они создаваться.
Государственное содействие	1. Льготная налоговая система. 3. Помощь в создании необходимой инфраструктуры. 4. Финансовая помощь коммерческим предприятиям. 5. Создание стимулов для привлечения в технополисы коммерческих предприятий. 6. Оказание помощи коммерческим фирмам, способствующим развитию высокотехнологичных отраслей.

Эти действия должны быть направлены на:

- выяснение важнейших потребностей конкретных регионов и территорий в высокотехнологичных отраслях производства и видах наукоемкой продукции;

- определение приоритетных направлений социально-экономического развития этих регионов и территорий с

учетом возможностей, открывающихся перед ними в случае создания на их базе технополисов и технопарков;

- всесторонний анализ наличия объективных предпосылок для создания того или иного научного технополиса;

- уточнение целей задач и перспектив развития предполагаемых технополисов.

Среди финансовых стимулов технополисов можно выделить:

- гранты под конкретные исследовательские программы;

- инновационные стипендии, оказывающие поддержку новых наукоемких предприятий;

- стипендии для поощрения исследователей или приобретения ими оборудования и материалов.

Гранты под определенные научные программы чаще всего выделяются правительством или местными органами власти, а разного рода поощрительные стипендии – учредителями технополиса.

Анализ инновационно-инвестиционной инфраструктуры Республики Крым выявил ряд особенностей, сложившихся после 2014 года [12].

За прошедший период разработаны и реализованы проекты индустриальных парков (ИП): «Еникале» (г. Керчь), «Джанкой» (г. Джанкой), «Феодосия» (г. Феодосия), «Профистрой» (г. Симферополь). Каждый ИП имеет особенности направлений хозяйствования и инновационной деятельности.

«Еникале» образован в 2019 году на базе судоремонтного завода советского периода, это единственный индустриальный парк в России у моря. Созданы дополнительно 200 новых рабочих мест на территории, рост выручки - в 10 раз, рост штата – в 5 раз, сданы все цеха в аренду, приступили к строительству нового по системе Built-to-suit (цех для строительства буксиров и яхт размером до 30 метров).

Индустриальный парк «Джанкой», площадью 25,9 га, создан в 2021 году. Свободная территория под перспективную застройку составляет 9,7 га. Целью создания индустриального парка

«Джанкой» на базе имущественного комплекса общества с ограниченной ответственностью «Джанкойский машиностроительный завод» является размещение предприятий малого и среднего бизнеса различных сфер деятельности, создание условий для их эффективной работы по организации новых высокотехнологичных производств, создание условий для стимулирования инвестиционной деятельности для устойчивого долговременного социально-экономического развития территории, увеличения налоговых поступлений в бюджет региона.

Индустриальный парк «Феодосия» - промышленная площадка, включающая в себя комплекс объектов недвижимости, размещенных на площади 122,37 га. Резидентами на территории индустриального парка предусмотрено размещение предприятий производственного и складского назначения, а именно опто-розничный и логистический комплекс, завод по производству изделий из полимеров, завод по производству упаковки, комплекс по переработке и хранению фруктов, транспортно-логистический центр для хранения овощей и фруктов, машиностроительный завод, комплекс по переработке фруктовых и овощных соков, участок для приготовления бетона.

Индустриальный парк «Профистрой» - первая современная промышленная площадка в г. Симферополе – столице и географическом центре Крыма, обладающая уникальными инфраструктурными и логистическими возможностями для размещения производства. Миссией парка является активное участие в промышленном развитии региона.

Особое место среди форм организации инновационно-инвестиционной инфраструктуры региона занимает специальные экономические зоны, организация которых в том числе решает задачи технико-технологического развития региона [13, 14]. В соответствии с

Федеральным законом от 29 ноября 2014 года № 377-ФЗ «О развитии Республики Крым и города федерального значения Севастополя и свободной экономической зоне на территориях Республики Крым и города федерального значения Севастополя» с 1 января 2015 года на территориях Республики Крым и города федерального значения Севастополя создана свободная экономическая зона (Крымская СЭЗ). По состоянию на 1 января 2025 года на территории Республики Крым зарегистрировано 1167 участников свободной экономической зоны СЭЗ, которыми реализуется 1276 инвестпроектов. Объем осуществленных капитальных инвестиций в СЭЗ с начала ее функционирования составил 250 млрд. руб. Создано порядка 95 тыс. рабочих мест, в том числе в 2024 году - 6,1 тыс. рабочих мест. В 2024 году статус участника СЭЗ получили 102 субъекта хозяйствования, заключено 128 договоров с объемом капитальных инвестиций более 30 млрд. руб.

Заключение

Создание инфраструктурных объектов, способствующих инновационному процессу в регионе требует значительных финансовых вложений. Сумма средств, необходимых для этого, зависит от целого комплекса обстоятельств, в том числе от главных направлений деятельности; размеров отведенной под такие объекты площади; объема запланированных строительных работ, количества и качества строительных объектов; удаленности инновационной площадки от города и состояния транспортных и других коммуникаций; предполагаемого количества фирм, а также их специализации, требующей соответствующего оснащения.

Главным инвестором по финансовому обеспечению объектов чаще всего являются: правительство, местные органы власти, мощные предприятия, компании, банки, научно исследовательские институты. В каждом конкретном случае

модель финансирования будет зависит от уровня экономического развития страны и региона, социально-экономической политики правительства. Следует заметить, что внешние инвестиции часто не способствуют развитию инфраструктуры объектов инновационной направленности, ведут к ее однобокости.

Кроме финансирования, реорганизация инновационно-инвестиционной инфраструктуры региона требует подготовки кадров нужной специализации и квалификационного уровня, что определяет связи ИИИР с образовательными организациями.

В целом процессы совершенствования инфраструктуры научно-технического развития территорий остаются объектами исследований науки и планирования в том числе и региональными органами управления.

Список литературы

1. Дробышева Е.С., Лапина М.А. Определение понятия инноваций и основания классификации инноваций // Проблемы современной науки и образования. -2019. - №12(145). - С. 69-72.
2. Ершова И.Г., Михайлов О.В. Управление инновационной деятельностью и моделирование бизнес-процессов транспортной системы региона // Фундаментальные исследования. -2016. - № 6-2. - С. 381-385.
3. Суховой А. Ф., Голова И. М. Дифференциация стратегий инновационного развития регионов как условие повышения эффективности социально-экономической политики в РФ // Экономика региона.- 2020. - Т. 16. №. 4. - С. 1302-1317.
4. Никитская Е. Ф., Валишвили М.А. Взаимообусловленность инновационного и инвестиционного потенциалов регионов // Путеводитель предпринимателя. - 2016.- № 32. - С. 157-167.
5. Якимова Е.Ю., Ершова И.Г., Деятелилова А.И. Управление инновационно-инвестиционной привлекательностью как фактор предпринимательской деятельности региона //Вестник Академии знаний. -2020. -№ 41 (6).- С. 315-321.
6. Заверза Е.В. Модель развития региональной инновационной инфраструктуры на основе развития инфраструктуры и систематизации инновационной деятельности // Аллея науки. - 2019. - Т. 2. № 1 (28). - С. 549 - 555.
7. Малкова Т.Б., Малкова Д.А. Вопросы повышения инновационной активности и создания

инновационной инфраструктуры региона // Финансовая экономика. - 2018. - № 7. - С. 695-699.

8. Боровских Н. В., Чижикова Т. А. Инновационная инфраструктура региона: состояние и перспективы развития // Вестник Сибирского института бизнеса и информационных технологий.- 2022. - Том 11, № 1. - С. 24- 30.
9. Завьялова Н.Б., Сагинов Ю.Л. Методологические аспекты управления развитием технопарков //Экономика, предпринимательство и право. - 2020. - Т. 10. № 2.- С. 225-240.
10. Хобта А.А., Радыгина С.В. Технопарк как элемент инновационной промышленной экосистемы региона //Менеджмент: теория и практика. - 2024. - № 1-2. - С. 43-50.
11. Присекин А.А. Технопарки как элемент инновационной политики: модели и технологии (на материалах "ТЕХНОПАРКА-МОРДОВИЯ" и "МОРИОН ДИДЖИТАЛ //Вопросы национальных и федеративных отношений. - 2023. - Т. 13. № 5 (98). - С. 2333-2342.
12. Отчет о работе Министерства экономического развития Республики Крым за 2024 год и планы и приоритеты на 2025 год [Электронный ресурс] URL: https://minek.rk.gov.ru/uploads/minek/container/2025/02/28/2025-02-28-11-52-07_BE.pdf
13. Бахарева К.И. Развитие государственных мер поддержки особых экономических зон для обеспечения перехода к опережающему развитию Российской Федерации //Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: Экономика. Социология. Менеджмент. - 2023. - №13(5). - С. 275-287.
14. Ткачева Т.Ю., Бахарева К.И. Актуальные направления развития особых экономических зон и технопарков на региональном уровне: инновационный аспект //Естественно-гуманитарные исследования. -2024. -№ 3 (53). - С. 354-359.

References

1. Drobysheva E.S., Lapina M.A. (2019). Definition of the concept of innovation and the basis for the classification of innovation). *Problems of modern science and education*, 12(145), 69-72.
2. Yershova I.G., Mikhailov O.V. (2016). Management of innovation activities and modeling of business processes of the transport system of the region, *Fundamental research*, 6-2, 381-385.
3. Sukhovey A. F., Golova I. M. (2020). Differentiation of strategies for innovative development of regions as a condition for increasing the effectiveness of socio-economic policy in the Russian Federation, *The economy of the region*, 16(4), 1302-1317.
4. Nikitskaya E. F., Valishvili M.A. (2016). Interrelationship of innovation and investment

- potentials of regions, *Entrepreneur's Guide*, 32, 157-167.
5. Yakimova E.Yu., Yershova I.G., Devyatilova A.I. (2020). Management of innovation and investment attractiveness as a factor of entrepreneurial activity in the region. *Bulletin of the Academy of Knowledge*, 41 (6), 315-321.
 6. Zaverza E.V. (2019). A model for the development of regional innovation infrastructure based on infrastructure development and systematization of innovation activities. *Alley of Science*, 2, 1 (28), 549-555.
 7. Malkova T.B., Malkova D.A. (2018). Issues of increasing innovation activity and creating innovative infrastructure in the region. *Financial Economics*, 7, 695-699.
 8. Borovskikh N.V., Chizhikova T.A. (2022). Innovative infrastructure of the region: state and prospects of development. *Bulletin of the Siberian Institute of Business and Information Technologies*, 11(1), 24-30.
 9. Zavalova N.B., Saginov Yu.L. (2020). Methodological aspects of managing the development of technoparks. *Economics, entrepreneurship and law*, 10(2), 225-240.
 10. Hobta A.A., Radygina S.V. (2024). Technopark as an element of the innovative industrial ecosystem of the region. *Management: theory and practice*, 1-2, 43-50.
 11. Prisekin A.A. (2023). Technoparks as an element of innovation policy: models and technologies (based on the materials of TECHNOPARK-MORDOVIA and MORION DIGITAL. *Issues of national and federal relations*, 13, 5 (98), 2333-2342.
 12. Report on the work of the Ministry of Economic Development of the Republic of Crimea for 2024 and plans and priorities for 2025 [Electronic resource] URL: https://minek.rk.gov.ru/uploads/minek/container/2025/02/28/2025-02-28-11-52-07_BE.pdf
 13. Bakharev K.I. (2023). Development of state support measures for special economic zones to ensure the transition to advanced development of the Russian Federation. *Proceedings of the Southwestern State University. Series: Economics. Sociology. Management*, 13(5), 275-287.
 14. Tkacheva T.Yu., Bakharev K.I. (2024). Current trends in the development of special economic zones and technoparks at the regional level: an innovative aspect. *Natural sciences and humanities research*,

УДК 332.01

Экономика города Севастополя в условиях санкционных ограничений

Е.П. Гармашова¹, Д.В. Пунга²

^{1,2}Севастопольский государственный университет, г. Севастополь, 299053, Россия

¹epgarmashova@mail.sevsu.ru, ²dvpunga@mail.sevsu.ru

Статья поступила 03.09.2025

Аннотация

Севастополь в 2014 году столкнулся с вызовами, обусловленными введением международных санкций. Международные ограничения затронули такие сферы как сельское хозяйство, туризм, транспортная отрасль и деятельность морских портов, судоремонт, а также энергетическую, телекоммуникационную и банковскую сферы. Целью статьи является исследование экономического развития города Севастополя после введения санкций. Для достижения поставленной цели в работе была изучена динамика валового регионального продукта города Севастополя с 2010 по 2021 год. Также была проанализирована динамика и структура инвестиций в основной капитал в городе Севастополе. Кроме того, была оценена деловая активность в регионе на основании анализа количества зарегистрированных предприятий в городе Севастополя в 2010-2021 годах, а также исследована динамика импорта и экспорта товаров в городе Севастополе. Санкционные ограничения повлияли преимущественно на внешнеторговые отношения Севастополя с зарубежными производителями и потребителями, что нашло отражение в сокращении объемов импорта и экспорта после 2014 года. Кроме вышеуказанного, введение санкций резко снизило поток капиталовложений со стороны иностранных инвесторов. При этом возрос поток инвестиций, направляемых из внутренних источников для реализации целевых программ и развития в Республике Крым и городе Севастополь.

Ключевые слова: город Севастополь, санкции, инфраструктура, международные ограничения, новейшая экономическая история, реинтеграция.

JELcodes: F51, N74, N94

The Sevastopol City Economy in the Context of Sanctions Restrictions

E.P. Garmashova¹, D.V. Punga⁴

^{1,2,3,4}Sevastopol State University, Sevastopol, 299053, Russian Federation

¹epgarmashova@mail.sevsu.ru, ²dvpunga@mail.sevsu.ru

Received 03.09.2025

Abstract

In 2014, Sevastopol faced challenges caused by the introduction of international sanctions. International restrictions affected such areas as agriculture, tourism, transport industry and seaport activities, ship repair, as well as energy, telecommunications and banking sectors. The purpose of the article is to study the economic development of Sevastopol city after the introduction of sanctions. To achieve this goal, the work studied the dynamics of the gross regional product of Sevastopol city from 2010 to 2021. The dynamics and structure of investments in fixed assets in the city of Sevastopol were also analyzed. In addition, business activity in the region was assessed based on the analysis of the number of registered enterprises in Sevastopol city in 2010-2021, and the dynamics of import and export of goods in the city of Sevastopol were studied. The sanctions restrictions affected mainly the foreign trade relations of Sevastopol with foreign producers and consumers, which was reflected in the reduction of import and export volumes after 2014. In addition to the above, the introduction of sanctions sharply reduced the flow of capital investment from foreign investors. At the same

time, the flow of investments directed from domestic sources for the implementation of target programs and development in the Republic of Crimea and Sevastopol city increased.

Keywords: city of Sevastopol, sanctions, infrastructure, international restrictions, recent economic history, reintegration.

Введение

Новые институциональные условия, которые начали действовать с 18 марта 2014 года, предполагали реинтеграцию территорий Республики Крым и города Севастополя в Российскую Федерацию. Севастополь, являясь военно-стратегическим центром юга России, столкнулся с вызовами, обусловленными введением международных санкций. Международные ограничения затронули такие сферы как сельское хозяйство, туризм, транспортная отрасль и деятельность морских портов, судоремонт, а также энергетическую, телекоммуникационную и банковскую сферы. Санкционные ограничения повлияли преимущественно на внешнеторговые отношения Севастополя с зарубежными производителями и потребителями, что нашло отражение в сокращении объемов импорта и экспорта после 2014 года. Кроме вышеуказанного, введение санкций резко снизило поток капиталовложений со стороны иностранных инвесторов. При этом возрос поток инвестиций, направляемых из внутренних источников для реализации целевых программ и развития в Республике Крым и городе Севастополь.

Анализ последних исследований и публикаций

Интерес научного сообщества к одному из ключевых исторических событий начала XXI века – присоединению Крыма к Российской Федерации не ослабевает. Оценкой экономического влияния санкций занимаются различные ученые.

Санкционное давление на экономику Севастополя и пути снижения влияния санкций рассматриваются в работах современных исследователей региона, в том числе в работах Гармашовой Е.П., Малова А.В., Кравцовой Я.А. [1],

Байербах А.Г., Шулаковой Е.А. [2], Потаниной М.В., Фатеевой Н.А. [3]. Вопросам экспортно-импортных отношений Севастополя со странами ближнего и дальнего зарубежья посвящены работа Пискун Е.И., Узуновой Н.В. [4]. Кроме того, актуальным остается вопрос привлечения инвестиций в регион, рассматриваемый в работах таких авторов как Дадашев Б.А., Гладких А.А. [5].

Данные и методы

Целью статьи является исследование экономического развития города Севастополя после введения санкций.

Для достижения поставленной цели необходимо решить следующие задачи:

1. Изучить динамику валового регионального продукта (ВРП) города Севастополя с 2010 по 2021 год.
2. Проанализировать динамику и структуру инвестиции в основной капитал в городе Севастополе.
3. Оценить деловую активность в регионе на основании анализа количества зарегистрированных предприятий в городе Севастополя в 2010-2021 годах.
4. Исследовать динамику импорта и экспорта товаров в городе Севастополе.

Научная новизна исследования состоит в систематизации опыта хозяйственной деятельности города Севастополя после введения санкций.

Методы исследования. Для достижения поставленной цели в работе были применены различные методы исследования, такие как историко-сравнительный, статистический, и абстрактно-логический. Историко-сравнительный метод позволил сопоставить факты и выявить особенности региональных процессов в различных исторических условиях. Статистический метод позволил оценить динамику социально-

экономических процессов и определить тенденции развития экономики города до введения и в условиях санкций. Абстрактно-логический метод применялся для обобщения, синтеза и интеграции результатов исследования.

Результаты исследования

Реинтеграция Крыма в состав России послужила поводом для введения международных санкций принуждения в отношении города Севастополь, Республики Крым и Российской Федерации в целом. Классификация основных видов санкций и изучение первого пакета экономических

санкций, введенного в 2014 году, было выполнено в работах авторов [1; 6]. Воздействие данных санкционных ограничений на экономику города Севастополь можно проанализировать на основании статистических данных за период с 2010 по 2021 гг.

В табл. 1 представлены данные о динамике ВРП города Севастополя. Для проведения сравнительного анализа данные о ВРП города Севастополя за 2010-2013 гг. были переведены в рубли по среднегодовому курсу гривны, который в 2010 году составлял 3,82 руб., в 2011 – 3,68 руб., 2012 – 3,84 руб., в 2013 – 3,91 руб.

Таблица 1. Динамика ВРП города Севастополя в 2010-2021 гг.

Год	Исходные данные по ВРП	ВРП, млн руб.	Темп роста, %
2010	7 785 млн грн.	29 738,70	-
2011	9 359 млн грн.	34 441,12	115,81
2012	9 891,0 млн грн.	38 080,40	110,57
2013	11 066,0 млн грн.	43 268,10	113,62
2014	30 148,6 млн руб.	30 148,60	69,68
2015	48 663,3 млн руб.	48 663,30	161,41
2016	89 303,8 млн руб.	89 303,80	183,51
2017	101 280,9 млн руб.	101 280,90	113,41
2018	121 666,0 млн руб.	121 666,00	120,13
2019	137 919,4 млн руб.	137 919,40	113,36
2020	142 985,6 млн руб.	142 985,60	103,67
2021	168 573,5 млн руб.	168 573,50	117,90

Систематизировано и рассчитано авторами на основе: [7; 8]

Статистические данные о динамике ВРП региона не отражают влияния санкций на экономику города Севастополя, в отличие от пандемии COVID-19, в период которой в 2020 году темп роста ВРП составлял 103,67% и, не считая переходного периода 2014 года, был самым низким за весь анализируемый период. При этом, индекс физического объема ВРП города Севастополя в 2020 году также был самым низким после воссоединения Крыма с

Россией и составлял 97,5%. В другие года, начиная с 2015 года, данный показатель всегда превышал 100%: в 2015 году – 104,5 %, в 2016 году – 107,7 %, в 2017 году – 102,2 %, в 2018 году – 106,1 %, в 2019 году – 105,9 % и в 2021 году – 107,7 %.

В табл. 2 рассмотрена динамика объемов инвестиций в основной капитал г. Севастополя с 2010 по 2021 год. Показатели до 2014 года были скорректированы на среднегодовой курс гривны.

Таблица 2. Объем инвестиций в основной капитал города Севастополя в 2010-2021 гг.

Год	Объем инвестиций, ден. ед.	Объем инвестиций, млн руб.	Темп роста, %
2010	1 653,2 млн грн.	6 315,22	-
2011	1 632,1 млн грн.	6 006,13	95,11
2012	1 738,8 млн грн.	6 676,99	111,17
2013	1 937,1 млн грн.	7 574,06	113,44
2014	3 385,0 млн руб.	3 385,00	44,69
2015	6 558,0 млн руб.	6 558,00	193,74
2016	18 547,0 млн руб.	18 547,00	282,81
2017	49 511,8 млн руб.	49 511,80	266,95
2018	42 794,0 млн руб.	42 794,00	86,43

Год	Объем инвестиций, ден. ед.	Объем инвестиций, млн руб.	Темп роста, %
2019	42 762,5 млн руб.	42 762,50	99,93
2020	27 821,8 млн руб.	27 821,80	65,06
2021	40 545,9 млн руб.	40 545,90	145,73

Систематизировано и рассчитано авторами на основе: [7; 8]

Если проанализировать динамику объема инвестиций в основной капитал города Севастополь, то в 2010-2015 гг. ежегодные объемы инвестиций составляли в среднем 6 млрд руб., а в 2016-2021 гг.

объемы инвестиций резко увеличились и составляли в среднем 37 млрд руб., то есть в 6 раз больше (рис. 1). Во многом резкий скачок в объемах инвестиционных вложений связан с реализацией ФЦП.

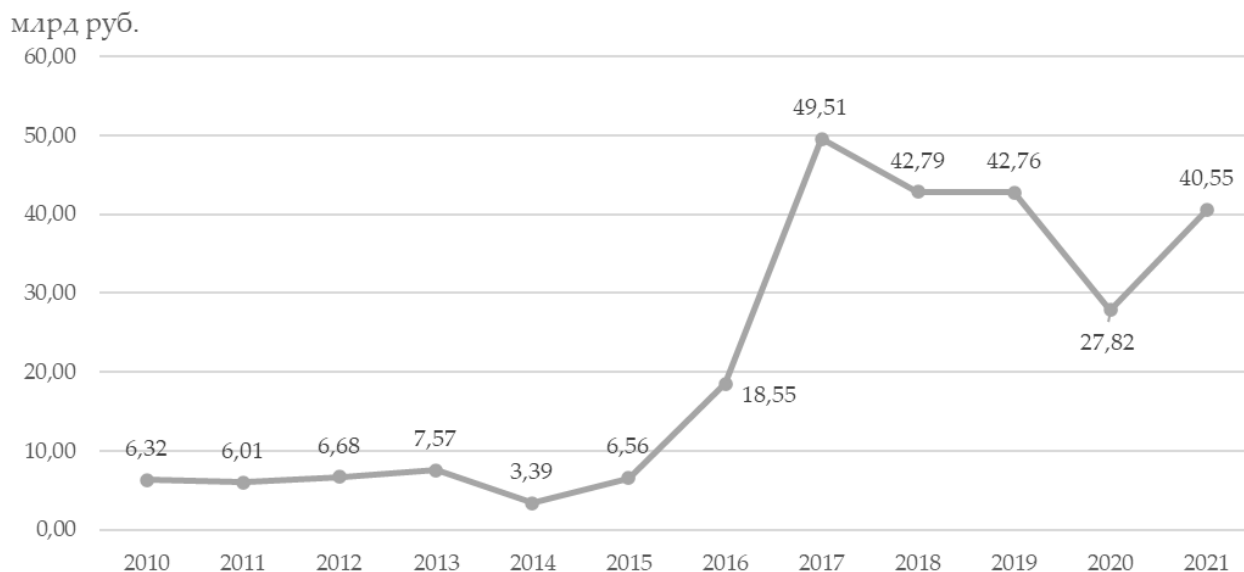

Рис. 1. Динамика инвестиций в основной капитал г. Севастополя (млрд руб.)

Систематизировано и рассчитано авторами на основе: [7; 8]

Из данных видно, что в 2020 году произошло резкое снижение объемов инвестиций, что было связано в связи с пандемией COVID-19. Влияние санкций на динамику общего объема инвестиций в основной капитал не прослеживается, что требует анализа структуры инвестиций. В 2015-2021 гг. в структуре инвестиций в основной капитал города Севастополя по формам собственности инвесторов наибольшую долю составляли государственные инвестиции (кроме 2017 года) (табл. 3). Частные инвестиции составляли в среднем 27,7 % за рассматриваемый период. Также, в

рассматриваемом периоде особенностью структуры инвестиций в основной капитал города Севастополя является низкая доля (менее 1%) иностранных инвестиций в экономику города. Во многом причиной невысокой доли частных и низкой доли иностранных инвестиций в основной капитал города Севастополь являются негативные ожидания инвесторов в связи с санкционными ограничениями. Также следует отметить слабый доступ к финансовым услугам и более высокие цены на кредиты в рассматриваемом периоде в связи с недостаточным уровнем развития банковской системы на новых территориях.

Таблица 3. Структура инвестиций в основной капитал по формам собственности инвесторов в городе Севастополь (%)

Форма собственности	2015	2016	2017	2018	2019	2020	2021
государственная	67,1	74,1	47,05	39,17	71,16	64,2	61,24
муниципальная	0,2	0	0,06	0,09	0,16	0,1	0,08
частная	8,5	7,5	50,08	28,45	25,83	34,94	37,53
общественных и религиозных	0,2	0	0,01	0,02	0,02	0	0,02

Форма собственности	2015	2016	2017	2018	2019	2020	2021
организаций (объединений)							
смешанная российская	0,4	0,2	0,24	30,13	2,44	0,4	0,62
иностранная	9,7	8,2	1,56	0,68	0,28	0,19	0,29
совместная российская и иностранная	13,9	10	0,99	1,46	0,1	0,17	0,21

Систематизировано и рассчитано авторами на основе: [7; 8]

О деловой активности в регионе можно судить по динамике функционирующих субъектов хозяйствования. В табл. 4

представлены данные о количестве зарегистрированных предприятий в городе Севастополе в 2010-2021 гг.

Таблица 4. *Количество зарегистрированных предприятий в городе Севастополе (ед.)*

Год	г. Севастополь	Темп прироста, %
2010	13879	-
2011	14481	104,34
2012	15183	104,85
2013	15676	103,25
2014	16237	103,58
2015	6578	40,51
2016	9447	143,62
2017	11214	118,70
2018	11422	101,85
2019	10940	95,78
2020	10987	100,43
2021	11225	102,17

Систематизировано и рассчитано авторами на основе: [7; 8]

Представленные в таблице данные наглядно отображают переходный период 2015-2016 гг., когда произошло резкое снижение количества субъектов хозяйствования в городе. Во многом в виду санкционных ограничений не все предприятия перерегистрировались и продолжили функционировать в регионе. Часть предпринимателей с целью нивелирования влияния санкций приняли решение зарегистрироваться и осуществлять деятельность в других регионах России. Как уже было сказано выше, негативные ожидания в отношении последствий санкций привели к тому, что российские предприятия в первые годы не стремились открывать филиалы и отделения в Крыму. Для развития предпринимательской сферы был разработан целый перечень мер государственного стимулирования. Так, с 1 января 2015 года

вступил в силу Федеральный закон №377-ФЗ от 29.11.2014 «О развитии Республики Крым и города федерального значения Севастополя и свободной экономической зоне на территориях Республики Крым и города федерального значения Севастополя». Свободная экономическая зона предполагала введение особого режима ведения предпринимательской деятельности: льготное налогообложение, ускоренную амортизацию, беспошлинный ввоз товаров.

Анализ статистики позволяет сделать выводы, что значительное влияние санкционных ограничений наблюдается в сфере внешней торговли. В городе Севастополе объемы импорта и экспорта товаров значительно снизились после 2014 года (табл. 5).

Таблица 5. *Динамика импорта и экспорта товаров предприятиями и организациями города Севастополе*

Год	Импорт, млн долл.	Темп прироста объемов импорта, %	Экспорт, млн долл.	Темп прироста объемов экспорта, %
2010	63,6	-	97,6	-
2011	101,7	59,91%	124,1	27,15%
2012	145,3	42,87%	159,4	28,44%
2013	106,9	-26,43%	99,8	-37,39%

Год	Импорт, млн долл.	Темп прироста объемов импорта, %	Экспорт, млн долл.	Темп прироста объемов экспорта, %
2014	102,1	-4,49%	59,3	-40,58%
2015	35,5	-65,23%	16,1	-72,85%
2016	33,4	-5,92%	6	-62,73%
2017	14,9	-55,39%	5,5	-8,33%
2018	9,6	-35,57%	4,6	-16,36%
2019	6,3	-34,38%	6,4	39,13%
2020	5,1	-19,05%	4,8	-25,00%
2021	5	-1,96%	5,4	12,50%

Систематизировано и рассчитано авторами на основе: [7; 8]

Из представленных выше данных видно, что в городе Севастополь до 2014 года объем импорта товаров превышал зачастую 100 млн долл., однако в 2015 году данный показатель резко снизился до 38,1 млн долл., в 2018 года – до 10 млн долл., а в 2021 году – до 5 млн долл. Объемы экспорта снизились еще более резко и стабилизировались на уровне 5-6 млн долл.

Заключение

Реинтеграция города Севастополя в состав России послужила поводом для введения целого ряда санкционных ограничений как в отношении вновь присоединенных территорий, так и в отношении всей страны. В связи с этим, возникла необходимость исследования влияния санкций на основные экономические показатели экономики города Севастополя. Проведенный анализ основных экономических показателей города Севастополь позволяет сделать выводы о влиянии санкций на хозяйственную деятельность в регионе. Наряду с ростом ВРП и инвестиций в основной капитал, в рассматриваемом периоде наблюдалось снижение объемов внешнеэкономической деятельности, что выразилось в уменьшении объемов иностранных инвестиций, а также экспортно-импортных операций. Соответственно, потенциальный ВРП регионов мог быть еще выше фактического. Однако и в текущих условиях высокого санкционного давления экономика регионов показывает стабильный рост.

Для противодействия международным санкциям в 2014 года государство реализует систему мер государственной поддержки,

таких как: реализация ФЦП, внедрение СЭЗ, принятие программ поддержки приоритетных отраслей, активная интеграция предприятий в систему межрегиональных связей, повышение качества предоставляемых туристических услуг, а также дифференциация экономических и культурных связей со дружественными странами.

В результате к концу 2021 года были достигнуты следующие значения ключевых показателей социально-экономического развития города Севастополь:

- объем валового регионального продукта – 187986,5 млн рублей;
- объем валового регионального продукта на душу населения – 348361,9 рублей (в среднем по Российской Федерации – 915156,8 рублей);
- объем инвестиций в основной капитал – 40,5 млрд рублей;
- объем инвестиций в основной капитал на душу населения – 75,1 рублей (в среднем по Российской Федерации – 157,9 рублей);
- объем строительных работ на душу населения – 51,84 тыс. рублей;
- численность постоянного населения – 522,1 тыс. человек;
- уровень безработицы – 5,2 % (в среднем по Российской Федерации – 6,4 %);
- среднемесячная номинальная начисленная заработная плата – 40145,3 рубля (в среднем по Российской Федерации – 57244 рублей).

Исследование выполнено при финансовой поддержке Российского научного фонда в рамках научного проекта № 24-28-00148 «Экономическая история Севастополя: исследование региональных

особенностей, закономерностей и опыта хозяйственной жизни в конце XVIII – начале XXI веков».

Список литературы

1. Гармашова Е.П., Малов А.В., Кравцова Я.А. Анализ влияния санкций на экономику Республики Крым и г. Севастополя // *Экономические отношения*. – 2023. – Т. 13, № 3. – С. 479-496.
2. Байербах А.Г., Шулакова Е.А. Реинтеграция Республики Крым и города Севастополя в Российской Федерации: влияние политической ситуации на вхождение новых компаний в регион // *Аллея науки*. – 2023. – Т. 2, № 5(80). – С. 290-294.
3. Фатеева Н.А., Потанина М.В. Анализ и пути выхода России из экономического кризиса в условиях международных санкций на примере Крыма и Севастополя // *Актуальные вопросы учета и управления в условиях информационной экономики: Материалы Всероссийской научно-практической конференции (17–18 мая 2018 г.)*. – Севастополь: ООО «Рибест», 2018. – 372 с. – С. 249-252.
4. Узунова Н.В. Экспортно-импортная составляющая экономики города Севастополя // *Хроноэкономика*. – 2021. – № 2(30). – С. 92-95.
5. Дадашев Б.А., Гладких А.А. Государственная политика Г. Севастополя по привлечению прямых инвестиций в условиях глобальных санкций // *Организационно-экономические проблемы регионального развития в современных условиях: Материалы XV всероссийской научно-практической конференции (17 мая 2023 г.)*. – Симферополь: Крымский федеральный университет им. В.И. Вернадского, 2023. – 351 с. – С. 77-78.
6. Гармашова Е. П., Дребот А. М., Баранов А. Г. [и др.] Санкции как меры международного принуждения: основные виды и теоретические подходы к понятию // *Экономические отношения*. – 2020. –Т. 10., № 3. – С. 649-662.

7. Статистический ежегодник города Севастополя. 2018: Стат.сб. / Крымстат: Севастополь, 2019. – 307 с.
8. Україна в цифрах: 2014. Статистичний збірник / за редакцією І. М. Жук. – Київ: Державна служба статистики України, 2015. – 239 с.

Reference

1. Garmashova E.P., Malov A.V., Kravtsova Ya.A. (2023) Analysis of the impact of sanctions on the economy of the Republic of Crimea and Sevastopol. *Economic relations*, 13 (3), 479-496. doi: 10.18334/eo.13.3.118919.
2. Bayerbakh A.G., Shulakova E.A. (2023) Reintegration of the Republic of Crimea and the city of Sevastopol in the Russian Federation: the impact of the political situation on the entry of new companies into the region. *Alley of Science*, 2-5(80), 290-294.
3. Fateeva N.A., Potanina M.V. (2018) Analysis and ways out of Russia's economic crisis in the context of international sanctions on the example of Crimea and Sevastopol. *Actual issues of accounting and management in the information economy: Proceedings of the All-Russian Scientific and Practical Conference*, 249-252.
4. Uzunova N.V. (2021) Export–import component of the economy of the city of Sevastopol. *Chronoeconomics*, 2 (30), 92-95.
5. Dadashev B.A., Gladkikh A.A. (2023) The state policy of Sevastopol to attract direct investment in the context of global sanctions. *Organizational and economic problems of regional development in modern conditions: Proceedings of the XV All-Russian Scientific and Practical Conference*, 77-78.
6. Garmashova E. P., Drebot A.M., Baranov A. G. [et al.] (2020) Sanctions as measures of international coercion: the main types and theoretical approaches to the concept. *Economic Relations*, 10 (3), 649-662. doi: 10.18334/eo.10.3.110824.
7. *Statistical yearbook of the city of Sevastopol*. 2018: Statistical collection (2019). Sevastopol: Krymstat, 307.
8. *Ukraine in numbers: 2014*. Statistical journal (2015). In I. M. Zhuk (Eds.). Kyiv: State Statistics Service of Ukraine, 239.

УДК 332.1:338.432

Оценка эколого-экономического развития агропромышленных регионов Российской Федерации

Л.В. Глезман¹, С.С. Федосеева²^{1,2}Пермский филиал Института экономики Уральского отделения Российской академии наук, г. Пермь, 614000, Россия¹glezman.lv@uiec.ru, ²fedoseeva.ss@uiec.ru

Статья поступила 14.05.2025

Аннотация

Статья освещает одно из возможных решений задачи оценки эколого-экономического развития агропромышленных регионов на основе диагностики эффекта декаплинга. Авторы задались целью: выявить и оценить взаимосвязь экономического роста и экологической нагрузки на окружающую среду в агропромышленных регионах Российской Федерации в контексте достижения целей устойчивого развития. Для достижения поставленной цели использованы методы расчета эффекта декаплинга, отражающего степень разделения экономических результатов промышленной деятельности и антропогенного воздействия на окружающую среду, и эконометрического моделирования, позволяющего учитывать взаимосвязь между различными факторами и выстраивать прогнозные модели развития для исследуемых агропромышленных регионов. Выделив ведущие агропромышленные регионы Российской Федерации по объему производства продукции сельского хозяйства и выявив устойчивую положительную динамику экономического роста за 2016–2023 гг., авторы на основании этого провели диагностику эффекта декаплинга. В результате по показателю «сброс загрязненных сточных вод в гидрообъекты» выявлено существование эффекта декаплинга в трех из пяти исследуемых регионах, что указывает на недостаточно эффективное пользование водными ресурсами и рост нагрузки на окружающую среду в условиях наращивания агропромышленного производства в тех регионах, где эффект декаплинга отсутствует; по выбросам загрязняющих веществ в атмосферу выявлено существование эффекта декаплинга во всех исследуемых регионах, что свидетельствует об эффективности региональной политики в области контроля состояния атмосферного воздуха. Полученные результаты и логические выводы из них обозначают широкий исследовательский горизонт для всестороннего анализа эколого-экономического развития агропромышленных регионов Российской Федерации в части разработки рекомендаций по эффективному управлению природными ресурсами и минимизации рисков интенсификации агропромышленного производства в контексте обеспечения продовольственной безопасности страны.

Ключевые слова: Эколого-экономическое развитие, устойчивое развитие, эффект декаплинга, агропромышленные регионы, агропромышленное производство.

JEL codes: O13, P25, Q01, R11

Assessment of Ecological and Economic Development of Agro-Industrial Regions of the Russian Federation

L.V. Glezman¹, S.S. Fedoseeva²^{1,2}Institute of Economics of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences, Perm branch, Perm, 614000, Russia¹glezman.lv@uiec.ru, ²fedoseeva.ss@uiec.ru

Received 14.05.2025

Abstract

The article highlights one of the possible solutions to the problem of assessing the environmental and economic development of agro-industrial regions based on the diagnosis of the decoupling effect. The authors set the following goal: to identify and assess the relationship between economic growth and environmental load on the environment in agro-

industrial regions of the Russian Federation in the context of achieving sustainable development goals. To achieve this goal, the authors used methods of calculating the decoupling effect, which reflects the degree of separation between the economic results of industrial activity and anthropogenic impact on the environment, and econometric modeling, which allows to take into account the relationship between various factors and build predictive models of development for the studied agro-industrial regions. Having identified the leading agro-industrial regions of the Russian Federation by the volume of agricultural production and revealed a stable positive dynamic of economic growth in 2016-2023, the authors diagnosed the decoupling effect on this basis. As a result, the existence of the decoupling effect in three out of five studied regions was revealed for the indicator "discharge of polluted wastewater into hydro-objects", which indicates that the use of water resources is not efficient enough and the environmental load increases under the conditions of increasing agro-industrial production in those regions where the decoupling effect is absent; the existence of the decoupling effect was revealed for air pollutant emissions in all studied regions, which indicates the effectiveness of regional policy in the field of environmental protection. The obtained results and logical conclusions from them indicate a broad research horizon for a comprehensive analysis of the ecological and economic development of agro-industrial regions of the Russian Federation in terms of developing recommendations for effective management of natural resources and minimizing the risks of agro-industrial production intensification in the context of ensuring food security of the country.

Keywords: Ecological and economic development, sustainable development, decoupling effect, agro-industrial regions, agro-industrial production.

Введение

Современное развитие российских агропромышленных регионов характеризуется сложными взаимоотношениями между целями экономического роста и задачами сохранения окружающей среды. Рост объемов сельскохозяйственного производства сопровождается нарастающим давлением на экосистемы. Достижение устойчивого развития требует поиска компромиссных решений, обеспечивающих гармонизацию интересов экономического благополучия и экологической устойчивости, что затрудняется неоднородностью технического оснащения, дифференцированным доступом к научным разработкам и недостаточностью квалифицированных кадров в сфере экологического менеджмента.

В настоящее время в условиях масштабного внедрения прогрессивных инновационных технологий, организации специализированного профессионального образования и подготовки компетентных управленческих кадров, а также для формирования адаптивной региональной политики, учитывающей локальную спецификацию и национальные приоритеты устойчивого развития, особое значение приобретает релевантная оценка эколого-экономического развития регионов, ориентированных на ускоренное развитие отраслей и комплексов промышленности.

Анализ последних исследований и публикаций

В рамках данного исследования осуществляется комплексная оценка эколого-экономического развития агропромышленных регионов Российской Федерации на основе анализа ключевых индикаторов экономического роста и уровня экологической нагрузки на окружающую среду с использованием методов эконометрического моделирования, которые позволяют учитывать взаимосвязь между различными факторами, что обеспечивает возможность прогнозного моделирования долгосрочного развития исследуемых территорий.

В научном пространстве ведутся активные дискуссии о подходах и методах такой оценки. Многие ученые сходятся во мнении, что одним из наиболее перспективных и дающих релевантные результаты инструментов для оценки эколого-экономических процессов является метод расчета эффекта декаплинга, отражающего степень разделения экономических результатов промышленной деятельности и антропогенного воздействия на окружающую среду [1], на основе соотношения экономических и экологических показателей, предоставляя ценную информацию для разработки стратегий устойчивого развития. Дефиниция «decoupling» в русскоязычном

контексте используется дословно – «декаплинг» и подразумевает процессы «развязки», «разъединения», «разрыва» или «разделения» элементов системы, включая «нарушение связей» между ними. Принимая во внимание эколого-экономические условия, «декаплинг» понимается как «рассогласование трендов роста экономической деятельности и загрязнения окружающей среды или потребления природных ресурсов» [2, с. 25]. Следовательно, при устойчивом экономическом росте в сочетании со стабилизацией или сокращением негативного воздействия на экосистемы, можно утверждать о наличии эффекта декаплинга [3, 4]. Это означает, что декаплинг характерен для ситуаций, где два процесса, которые предположительно должны быть взаимосвязаны и демонстрировать корреляционную взаимосвязь, фактически демонстрируют разнонаправленное развитие. Таким образом, оценка эффекта декаплинга позволяет установить существование и характер взаимосвязи между темпами экономического роста и уровнем экологической нагрузки на окружающую среду [5].

Одним из распространенных методов диагностики эффекта декаплинга является корреляционный анализ [6-8], включающий расчет коэффициента парной корреляции, который показывает силу и направление взаимосвязи между динамикой экономического роста и уровнем экологического воздействия на экосистемы [5].

Данные и методы

Эмпирической основой исследования являются следующие данные. Экономический рост оценивается статистическими данными динамики объема производства продукции сельского хозяйства (млрд руб.), представленными Федеральной службой государственной статистики РФ [9], которые необходимо перевести в сопоставимые цены, скорректировав на уровень инфляции. В

качестве индикаторов экологической нагрузки рассматриваются официальные данные, предоставленные Министерством природных ресурсов и экологии Российской Федерации [10], это динамика объема выбросов загрязняющих веществ в атмосферный воздух (тыс. тонн) и динамика объема сброса загрязненных сточных вод (млн куб. м).

Для расчета коэффициента парной корреляции использовано программное средство Microsoft Excel со встроенной статистической функцией КОРРЕЛ [11, с. 54-61]:

$$r_{xy} = \sum d_x \times d_y / \sqrt{\sum d_x^2 \times \sum d_y^2}, \quad (1)$$

где r_{xy} – коэффициент парной корреляции между динамическими рядами x и y ; d_x и d_y – отклонение каждого из чисел динамического ряда x и y от средней арифметической.

Интерпретация полученных результатов проводится по шкале Чеддока: связь слабая – от 0,1 до 0,3; связь умеренная – от 0,3 до 0,5; связь заметная – от 0,5 до 0,7; связь высокая – от 0,7 до 0,9; связь очень высокая – от 0,9 до 1,0. При отрицательном значении коэффициента связи принимают обратный смысл [11, с. 54-61]. При $r_{xy} > -0,5$ – наличие эффекта декаплинга.

Полигоном исследования выступают ведущие агропромышленные регионы Российской Федерации, играющие ключевую роль в производстве продукции сельского хозяйства. Анализ охватывает временной промежуток с 2016 по 2023 годы ввиду доступности официальных статистических данных за указанный период.

Благодаря многообразию климатических зон и наличию богатого плодородия почвенного покрова Российская Федерация обладает значительным потенциалом в сфере сельского хозяйства и агропромышленного производства. В разных частях страны сформировались крупные аграрные регионы, выполняющие стратегически важную роль в обеспечении продовольственной безопасности населения и развитии аграрной промышленности.

Одним из существенных факторов риска для устойчивого развития аграрных территорий является ухудшение экологической ситуации. Такие факторы, как деградация почв, загрязнение воздуха и водных объектов, использование пестицидов и удобрений, оказывают значительное влияние на состояние экосистем, а также существенно снижают эффективность сельскохозяйственного производства.

Поэтому задачей современного эколого-экономического развития агропромышленных регионов становится достижение баланса между экономическим ростом, эффективным использованием природных ресурсов, сохранением окружающей среды и переходом к экологически безопасным методам ведения хозяйства, которые помогают минимизировать негативное влияние на экосистемы и повысить устойчивость агропромышленных производств.

Одним из индикаторов успешного решения обозначенной задачи «зеленого» развития экономики является достижение эффекта декаплинга, отражающего рост экономики при одновременном снижении или без увеличения нагрузки на окружающую среду. Простыми словами, это инновационный метод наращивания сельскохозяйственного производства, при одновременном сокращении вреда, наносимого природе, а также является основой экологизации экономики и устойчивого роста.

Результаты исследования

Далее представим результаты проведенной оценки эколого-экономического развития агропромышленных регионов страны на основе диагностики эффекта декаплинга.

Выбранный период выражен стабильным ростом объема производства сельскохозяйственной продукции во всех исследуемых агропромышленных регионах (рисунок 1).

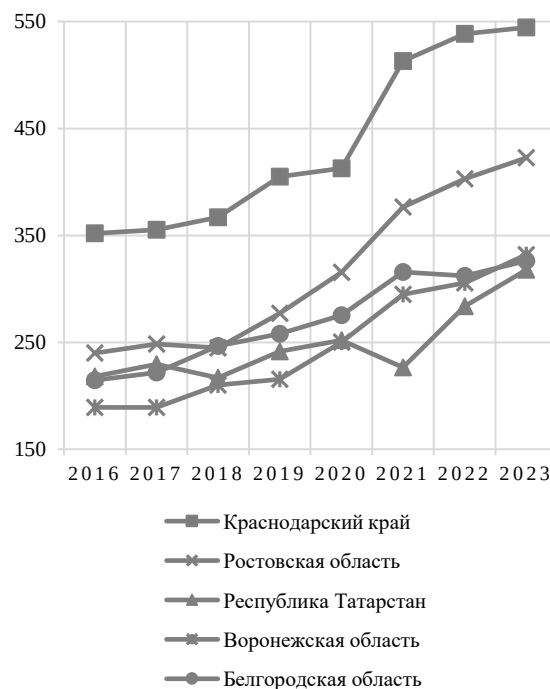

Рис. 1. Динамика объема производства продукции сельского хозяйства в агропромышленных регионах РФ за 2016–2023 гг., млрд руб.

Составлено авторами на основе данных Росстата [9]

Как видно из рисунка, Краснодарский край занимает лидирующую позицию по объемам агропромышленного производства, сохраняя тенденцию к устойчивому росту. Объем производства сельхозпродукции увеличился на 192,6 млрд руб., что составляет 54,7%. Остальные исследуемые регионы также показывают рост объемов агропромышленного производства: Ростовская область на 76,1%; Воронежская область на 75,5%; Белгородская область на 52,0%; Республика Татарстан на 45,6%.

Визуализация расчетных данных эффекта декаплинга в агропромышленных регионах РФ за 2016–2023 гг. представлена на рисунке 2.

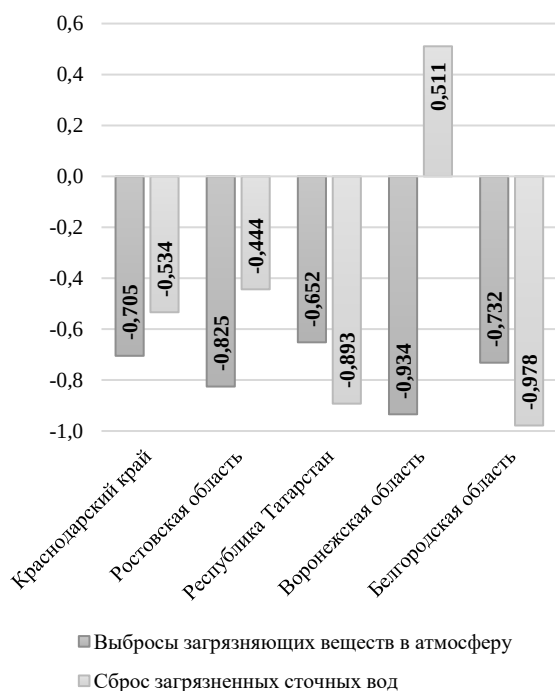

Рис. 2. Эффект декаплинга в агропромышленных регионах РФ за 2016–2023 гг.

Рассчитано авторами на основе данных Росстата и Министерства природных ресурсов и экологии РФ [9, 10]

Анализируя полученные результаты, в качестве выводов проведенного исследования приведем следующие исключения.

Эффект декаплинга по выбросам загрязняющих веществ в атмосферный воздух выявлен во всех исследуемых агропромышленных регионах. Очень высокая отрицательная связь наблюдается в Воронежской области (-0,934), высокая отрицательная связь в Ростовской (-0,825) и Белгородской (-0,732) областях, а также в Краснодарском крае (-0,705) и заметная отрицательная связь в Республике Татарстан (-0,652). Можно отметить, что увеличение темпов экономического роста не сопровождается усилением негативного влияния на экологию в форме увеличения загрязнения атмосферы, оставаясь в пределах установленных норм допустимого воздействия. Выявленный эффект декаплинга свидетельствует о реализации эффективных решений по очищению и обеззараживанию атмосферных загрязнений, а также о строгом соблюдении

нормативно-технических требований и технологических стандартов в области сельскохозяйственного производства в рассматриваемых агропромышленных регионах.

Совсем иначе выглядит ситуация, касающаяся проблемы сброса загрязненных сточных вод в гидрообъекты. Например, очень высокая обратная зависимость выявлена в Белгородской области (-0,978), высокая отрицательная связь в Республике Татарстан (-0,893), заметная отрицательная связь в Краснодарском крае (-0,534). Выявленный эффект декаплинга свидетельствует о строгом соблюдении экологических норм и правил водопользования в обозначенных регионах, об эффективном внедрении инновационных технологий предварительной очистки и обработки сточных вод перед их выбросом в природные водные объекты, а также о соблюдении установленных требований к осуществлению санитарных и экологических нормативов проведения производственно-технологических процессов хозяйственной деятельности. Исключение составляет Ростовская область (-0,444), которая показывает умеренную отрицательную связь и Воронежская область (0,511), положительное значение коэффициента корреляции означает отсутствие эффекта декаплинга, а значит свидетельствует о недостаточной эффективности и рациональности использования водных ресурсов регионов в агропромышленном производстве.

Заключение

Таким образом, в контексте перехода к экологически ориентированному типу экономического развития возникает необходимость проведения всестороннего анализа эколого-экономического развития агропромышленных регионов Российской Федерации. Качественный анализ позволит выявить ключевые проблемы и угрозы, разработать рекомендации по эффективному управлению природными ресурсами и минимизировать риски, связанные с дальнейшим развитием

сельскохозяйственного производства, тем самым заложив основу для гармоничного сосуществования человечества и природы в перспективе будущего устойчивого развития агропромышленных регионов страны.

Список литературы

1. Лебедева М.А. Расчет эффекта декаплинга на территории промышленного региона России // Актуальные вопросы современной экономики. – 2018. – № 6. – С. 475-479.
2. Самарина В.П. Эффект декаплинга в экономическом развитии Мурманской области // Север и рынок: формирование экономического порядка. – 2014. – № 2(39). – С. 24-30.
3. Акулов А.О. Эффект декаплинга в индустриальном регионе (на примере Кемеровской области) // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. – 2013. – № 4(28). – С. 177-185.
4. Развитие концептуальных идей отраслевой экономики в региональном научном ландшафте / Урасова А.А., Щеглов Е.В., Прудский В.Г. и др. – Екатеринбург: Институт экономики УрО РАН, 2023. – 332 с. – ISBN 978-5-94646-680-6.
5. Трушкова Е.А. Методический подход к оценке экономико-экологического развития и дополнительных эффектов, ассоциированных с факторами риска от загрязнения окружающей среды // Корпоративное управление и инновационное развитие экономики севера: Вестник научно-исследовательского центра корпоративного права, управления и венчурного инвестирования Сыктывкарского государственного университета. – 2017. – № 3. – С. 44-53.
6. Яшалова Н.Н. Применение корреляционного анализа в эколого-экономических исследованиях // Экономика природопользования. – 2015. – № 6. – С. 95-104.
7. Васильцов В.С., Яшалова Н.Н., Яковлева Е.Н., Харламов А.В. Национальная климатическая политика: концептуальные основы и проблемы адаптации // Экономика региона. – 2021. – Т. 17. – № 4. – С. 1123-1136. doi: 10.17059/ekon.reg.2021-4-6.
8. Шутько Л.Г., Самородова Л.Л. Углеродный след и эффект декаплинга в угледобыче Кузбасса // Уголь. – 2022. – № 2(1151). – С. 61-66. doi: 10.18796/0041-5790-2022-2-61-66.
9. Федеральная служба государственной статистики. Единая межведомственная информационно-статистическая система (ЕМИСС) [Электронный ресурс]. URL: <https://fedstat.ru/indicator/43337> (дата обращения 20.04.2025).
10. Министерство природных ресурсов и экологии

Российской Федерации. Государственный доклад «О состоянии и об охране окружающей среды Российской Федерации в 2023 году». [Электронный ресурс]. URL: https://www.mnr.gov.ru/docs/gosudarstvennyye_doklady/ (дата обращения 20.04.2025).

11. Яшалова Н.Н. Анализ проявления эффекта декаплинга в эколого-экономической деятельности региона // Региональная экономика: теория и практика. – 2014. – № 39(366). – С. 54-61.

References

1. Lebedeva M.A. (2018) Calculation of the decoupling effect on the territory of the industrial region of Russia. *Actual issues of modern economics*. No. 6. P. 475-479.
2. Samarina V.P. (2014) Decoupling effect in economic development of the Murmansk region. *Sever i rynek: formirovanie ekonomicheskogo poryadka*. No. 2(39). P. 24-30.
3. Akulov A.O. (2013) Decoupling effect in the industrial region (the case of the Kemerovo oblast). *Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast*. No. 4(28). P. 177-185.
4. Urasova A.A., Shcheglov E.V., Prudsky V.G. et al. (2023). *Development of conceptual ideas of sectoral eco-economics in the regional scientific landscape*. Ekaterinburg: Institute of Economics of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences, Perm branch. 332 p. ISBN 978-5-94646-680-6.
5. Trushkova E.A. (2017) Methodical approach to assessment of economical-and-ecological development and the additional effects associated with risk factors from environmental pollution. *Corporate governance and innovation development of the economy of the north: Bulletin of the research center of corporate law, management and venture investment Syktyvkar State University*. No. 3. P. 44-53.
6. Yashalova N.N. (2015) The use of correlation analysis in ecological and economic research. *Economics of Nature Management*. No. 6. P. 95-105.
7. Vasil'tsov V.S., Yashalova N.N., Yakovleva E.N., Kharlamov A.V. (2021) National climate policy: conceptual framework and adaptation problems. *Economy of regions*. Vol. 17. No. 4. P. 1123-1136. doi: 10.17059/ekon.reg.2021-4-6.
8. Shutko L.G., Samorodova L.L. (2022) Carbon footprint and decoupling effect in Kuzbass coal mining. *Ugol*. No. 2(1151). P. 61-66. doi: 10.18796/0041-5790-2022-2-61-66.
9. *Unified interdepartmental information and statistical system (EMISS)* [Electronic resource] // Federal State Statistics Service. URL: <https://fedstat.ru/indicator/43337> (date of access 20.04.2025).
10. *State report «On the state and protection of the environment of the Russian Federation in 2023»*.

[Electronic resource] // Ministry of Natural Resources and Ecology of the Russian Federation. URL: https://www.mnr.gov.ru/docs/gosudarstvennye_doklady/ (date of access 20.04.2025).

11. Yashalova N.N. (2014) Analysis of the decoupling effect in ecological and economic activity of a region. *Regional Economics: Theory and Practice.*, 9(366), 54-61.

УДК: 332.05

Индикаторы, факты и перспективы достижения технологического суверенитета в регионах РФ

М.А. Гундорова¹, А.Д. Фраймович²

^{1,2} Владимирский государственный университет имени Александра Григорьевича и Николая Григорьевича Столетовых, г. Владимир, 600000, Россия
¹mg82.82@mail.ru, ²angelinafrai56@gmail.com

Статья поступила 12.05.2025

Аннотация

В работе на основе обзора методологической базы представлены тенденции достижения технологического суверенитета в стране, приведены прогнозы модернизации экономики. Общеизвестно, что от уровня проработки данных инициатив во многом зависит социальная, продовольственная и политическая безопасность государства. Для определения конкретных результатов предложен авторский показатель, предполагающий сопоставление количества созданных и используемых технологий. В целях изучения продолжительной динамики и более объективного представления реальной ситуации на основе официальной статистики выполнены соответствующие расчеты за длительный период времени на примере регионов РФ. Детализирована информация о степени достижения технологического суверенитета по всем федеральным округам. Выявлены условные территории-лидеры и аутсайдеры рассматриваемых процессов. Аргументированы факты низкой воспроизводственной результативности в преобладающей части регионов, а также наличия существенного межтерриториального дисбаланса, по показателям технологического суверенитета. Итоги проведенных расчетов доказывают, что многочисленные программы поддержки технологических инициатив в стране в целом не обеспечивают кардинальных сдвигов по критериям результативности и, скорее всего, требуют переосмысления закладываемых в них целей и перестроения усилий. Это могут быть наиболее приоритетные и стратегически важные участки и направления деятельности, которые реально обеспечат ощутимый социально-экономический эффект. Определены ориентиры преодоления технологической зависимости в стране и перевода хозяйственного курса модернизации на кардинально новую траекторию развития. Обоснованы направления дальнейших научных исследований по рассматриваемой проблематике.

Ключевые слова: технологический суверенитет, регионы, анализ

JEL codes: O32

Indicators, Facts, and Prospects for Achieving Technological Sovereignty in the Russian Federation's Regions

M.A. Gundorova¹, A. D. Fraymovich²

^{1,2} Vladimir state university named after Alexander and Nikolay Stoletovs, Vladimir, 600000, Russian Federation

¹mg82.82@mail.ru, ²angelinafrai56@gmail.com

Received 12.05.2025

Abstract

Based on a review of the methodological framework, the paper presents trends in achieving technological sovereignty in the country, and forecasts of economic modernization. It is well known that the social, food and political security of the state largely depends on the level of elaboration of these initiatives. To determine the specific results, an author's indicator is proposed, suggesting a comparison of the number of technologies created and used. In order to study

the long-term dynamics and a more objective representation of the real situation based on official statistics, the corresponding calculations for a long period of time were performed using the example of the regions of the Russian Federation. Detailed information is provided on the degree to which technological sovereignty has been achieved in all federal districts. Conditional territories have been identified-leaders and outsiders of the processes under consideration. The facts of low reproductive efficiency in the majority of regions, as well as the presence of a significant inter-territorial imbalance in terms of technological sovereignty, are substantiated. The results of the calculations prove that numerous programs to support technological initiatives in the country as a whole do not provide drastic changes in performance criteria and, most likely, require rethinking the goals set in them and rebuilding efforts. These may be the most priority and strategically important areas and areas of activity that will actually provide a tangible socio-economic effect. The guidelines for overcoming technological dependence in the country and shifting the economic course of modernization to a radically new development trajectory have been determined. The directions of further scientific research on the issue under consideration are substantiated.

Keywords: technological sovereignty, regions, analysis

Введение

Задачи достижения технологического суверенитета ставятся в стране уже не первый год и не первое десятилетие, также, как и реализуются программы и стратегии, их поддерживающие. От уровня проработки данных инициатив во многом зависит социальная, продовольственная и политическая безопасность государства. Так, согласно Стратегии научно-технологического развития Российской Федерации, утвержденной на основе Указа Президента Российской Федерации от 28.02.2024 г. № 145, технологический суверенитет – способность государства создавать и применять наукоемкие технологии, критически важные для обеспечения независимости и конкурентоспособности, и иметь возможность на их основе организовать производство товаров (выполнение работ, оказание услуг) в стратегически значимых сферах деятельности общества и государства [1]. Но необходимо понимать, что обеспечение данного курса даже в разрезе конкретно вида продукта /услуги не может «замыкаться» или ограничиваться реконструкцией или переналаживанием отдельного предприятия или даже отрасли. Это, в любом случае, организация взаимосвязанной архитектуры из множества видов деятельности, а, может быть, и кластерного сообщества, ориентированного на выпуск законченной продукции актуального назначения. Поэтому простых и сиюминутных решений в теории и практике

обеспечения технологического суверенитета приниматься не может, а главной задачей, по видимости, выступает определение приоритетов и составление плана предпринимаемых действий как на федеральном, так и на региональном уровнях.

Анализ последних исследований и публикаций

Обозначенные выше задачи создали предпосылки для формирования достаточно массивного объема работ по данной тематике и плюрализма взглядов.

Капогузов Е.А. и Пахалов А.М. небезосновательно указывают на то, что неоднозначность трактовки содержания категории «технологический суверенитет» и множественность сопряженных вопросов, ожидающих системного ответа, требуют дальнейшей методологической разработки и ее последующей операционализации [2, с. 247].

Одно из наиболее распространенных определений рассматриваемой категории принадлежит Фальцману В.К. По его мнению, под технологическим суверенитетом понимается способность того или иного вида экономической деятельности обеспечить народное хозяйство своей продукцией надлежащего качества, пусть даже частично за счёт её импортных поставок, но при обязательном условии возмещения импортных затрат за счёт поступлений от реализации собственного экспорта [3, с. 83-84].

По определению группы отечественных специалистов, технологический суверенитет – это фундаментальная устойчивость, дополнительный эквивалент стоимости. Его достижение дает возможность государству перейти к инновационной модели экономического роста, а также обеспечить развитие и эффективное функционирование производственных систем [4, с. 66].

При этом, всеобщая солидарность в исследованиях состоит в необходимости повышения уровня производственной и технологической независимости.

Согласно исследованиям Ленчук Е.Б., острота проблемы импортной зависимости России состоит в том, что она особенно высока в технологических сегментах. На момент введения санкций такая зависимость составляла: в станкостроении — 90%, электронике — 85%, машиностроении для пищевой промышленности — 75%, тяжелом машиностроении — 70%, медицинской промышленности — 70%, в ИТ и программном обеспечении — 68%, фармацевтике — 65% [5, с. 18-19].

Что касается прогнозов развития российского высокотехнологичного сектора, необходимо признать, что мнения специалистов существенным образом расходятся... Ряд исследователей достаточно пессимистично смотрят на перспективы наверстывания имеющихся ориентиров. Другие ученые, наоборот, с огромным оптимизмом «предвкусывают» рост результатов функционирования отечественной хозяйственной системы на основе расширенного воспроизводства в условиях относительной изоляции, ухода мощных конкурирующих компаний и появившихся возможностей освоения освободившихся рынков.

Силуанов А.Г. достаточно четко обозначил имеющиеся на сегодняшний день установки к проводимой экономической политике. Обеспечение финансового и технологического суверенитета страны требует системности и комплексного понимания процессов инновационных изменений в экономике, инструментов контроля результативности проводимой

политики, удовлетворения реальных потребностей общества и бизнеса [6, с. 22].

Но целесообразно разобраться, как на самом деле, согласно официальной статистике [7], выглядит ситуация.

Данные и методы

Одним из критериев, рассчитанных на основе общедоступных сведений в рамках данного исследования, может выступать сопоставление количества созданных и используемых технологий на разных территориях. Данный индикатор (Ст, %) и будет, по сути, отражать меру достижения технологического суверенитета. Естественно, и, скорее всего, закономерно и оправданно, на планете нет ни одного развитого государства, где использовались бы исключительно внутренние технологии и ресурсы. В ряде африканских и азиатских стран, оторванных от цивилизованного мира, может наблюдаться такая «независимость», но подобные примеры отнюдь не являются показательными для освоения опыта и реализации высокоэффективного регионального управления. С другой стороны, огромное отставание в технологической базе и тотальное заимствование импортных средств производства, а также коммуникационных систем, нарушает каркас экономической безопасности и вынуждает страну выступать ресурсным донором более развитых государств. Поэтому на уровне любой хозяйственной системы должна соблюдаться разумная пропорция между привлеченными и созданными технологиями и, представляется, что с доминированием последних.

В целях изучения продолжительной динамики и более объективного представления реальной ситуации выбран временной период с 2000 по 2023 гг. При этом проведен анализ по всем регионам РФ, доступным в рамках официальной статистики.

Результаты исследования

Фрагмент результатов уровня достижения технологического суверенитета в целом по РФ по выбранным показателям выглядит следующим образом (таблица 1):

Таблица 1. Результаты исследования уровня достижения технологического суверенитета по РФ за 2000-2023 г.

Показатели / года	2000	2005	2010	2015	2019	2020	2021	2022	2023	% изм., 2023 /2000
Созданные технологии	688	637	864	1398	1620	1989	2186	2621	2743	298,69
Используемые технологии	70069	140983	203330	218018	262645	242931	256582	269541	278632	297,65
С _т , %	0,982	0,452	0,425	0,641	0,617	0,819	0,852	0,972	0,984	0,26

Авторские расчеты на основе использования и обработки официальных данных Росстата

Принимая за основу официальные сведения по числу разработанных и используемых технологий, можно констатировать неутешительную динамику достижения технологического суверенитета. Так, за 24-летний период данный показатель в целом по стране улучшился на 0,002. Конечно же, в абсолютном выражении рост по количеству создаваемых и привлекаемых технологий составил практически 300%, но если брать во внимание именно соотношение, то получается, что

модернизационные ожидания и соответствующие предпринимаемые программы за четверть века себя не оправдывают, а уровень используемых отечественных разработок едва приближается к 1 проценту!!!

Хочется отметить, что подобная необнадеживающая картина дублируется во всем образующим РФ округам и, соответственно, регионам, при незначительном расхождении показателей.

Таблица 2. Динамика результатов достижения технологического суверенитета (С_т, %) по территориям РФ

Территория / год	2000	2005	2010	2015	2019	2020	2021	2022	2023	% изм., 2023 /2000
РФ	0,98	0,45	0,42	0,64	0,62	0,82	0,85	0,97	0,98	0,26
ЦФО	1,14	0,43	0,52	0,74	0,73	0,99	1,07	1,14	1,33	16,49
СЗФО	1,95	1,28	0,90	1,17	0,94	1,09	1,49	1,41	1,53	-21,55
ЮФО	0,45	0,45	0,35	0,58	0,93	1,07	0,98	1,13	0,88	93,74
СКФО	0,27	0,35	0,30	0,98	1,08	1,80	2,28	3,00	3,91	1346,19
ПФО	0,67	0,29	0,25	0,37	0,28	0,46	0,45	0,61	0,53	-21,41
УФО	1,43	0,58	0,36	0,84	0,88	1,05	0,95	1,01	0,88	-38,70
СФО	0,81	0,66	0,39	0,51	0,51	0,55	0,47	0,76	0,64	-20,31
ДФО	1,29	0,24	0,18	0,30	0,27	0,77	0,43	0,56	0,53	-59,09

Авторские расчеты на основе использования и обработки официальных данных Росстата

Как видно из приведенной таблицы (таблица 2), больше половины федеральных округов РФ показывают отрицательную

динамику по коэффициенту С_т. Только три округа из восьми к 2023 году преодолели уровень в 1%, хотя в 2000 году эта группа

составляла половину от всей выборки. Условным лидером в спектре рассматриваемых территорий можно назвать Северный Кавказ (СКФО) с приростом в 1346 %. Но, с другой стороны, 2 разработки на целый округ в 2000 году и 142 – в 2023 – ничтожно низкое значение на фоне 2000 и 4000 используемых технологий за соответствующие периоды. Как это не парадоксально, неудовлетворительную статистику прироста собственных технологий демонстрируют традиционно мощные в промышленном плане СЗФО, ПФО, УФО и СФО, показывая снижение от 10 до 40%.

Говоря о динамике результатов достижения технологического суверенитета в ЦФО, необходимо заметить, что, несмотря на общий прирост показателя S_t в 16,5 единиц по округу, 15 регионов из 18 ухудшили позиции за последний отчетный период (2023 г.) по сравнению с 2000 годом. Только три территории (Московская и Смоленская области, г. Москва) добились положительных приростов с соответствующими значениями в +71,7 %; 154,8 % и 154,1 %. Но следует повториться, что такое существенное увеличение сопровождается ничтожной долей собственных разработок и ее изменением в общем объеме используемых технологий. К тому же, целый ряд регионов на протяжении преобладающей части исследуемого периода демонстрирует либо нулевые, либо ничтожно низкие показатели разработанных технологий. К таким территориям, к сожалению, можно, причислить Костромскую, Курскую, Липецкую и Тамбовскую области.

Как видно из диаграммы рассеяния показателя S_t по регионам ЦФО за 2000-2023 гг. (рис. 1), наблюдается сильная межтерриториальная дифференциация его значений в течение всего анализируемого периода. При этом в данном процессе отсутствуют сильные взаимосвязи и какие-либо закономерности, о чем свидетельствует коэффициент корреляции $r = -0,0284$. Можно говорить и о том, что динамика достижения технологического суверенитета на примере

регионов Центральной России непредсказуема и неустойчива, да к тому же еще и ухудшается. Пиковые значения, достигнутые в 2000 году в Рязанской области (4,84 %), а также в 2003 году – в Белгородской (5,15%), уже на протяжении двух и более десятков лет не могут быть перекрыты. Хотя можно отметить, что после «провала» результатов в 2007-2010 гг., вызванного, видимо, мировым финансовым кризисом, происходит некоторое «оживление» деятельности, особенно, начиная с 2013 г. Но, опять же, оно не сопровождается ускоренным подъемом и ростом инновационного потенциала и не согласуется с целями многочисленных программ по развитию технологического суверенитета в стране. Кроме того, обращает на себя внимание существенный «отрыв», если эту дистанцию можно так охарактеризовать, двух-трех регионов лидирующей группы от остальных по показателям S_t практически на протяжении всего исследуемого периода за исключением, пожалуй, отрезка 2000-2001 гг.

Идентификация «условных» лидеров среди территорий ЦФО, демонстрирующих относительно стабильно-высокие результаты, позволяет выделить Белгородскую, Калужскую области и г. Москва.

С одной стороны, прямое технологическое заимствование намного проще, и в краткосрочном периоде дешевле обходится хозяйствующим субъектам, желающим заработать «быстрые» деньги. С другой стороны, постоянные кризисы, которым подвержены экономические системы, вынуждают сначала собственников, а потом и государственный аппарат искать рычаги для выравнивания и сглаживания неудовлетворительной ситуации, связанной с «обвалом» внутренней денежной единицы, гиперинфляцией, возникновением дефицита и поиском новых альтернативных каналов поставок технологий и ресурсов, зачастую непроверенного качества.

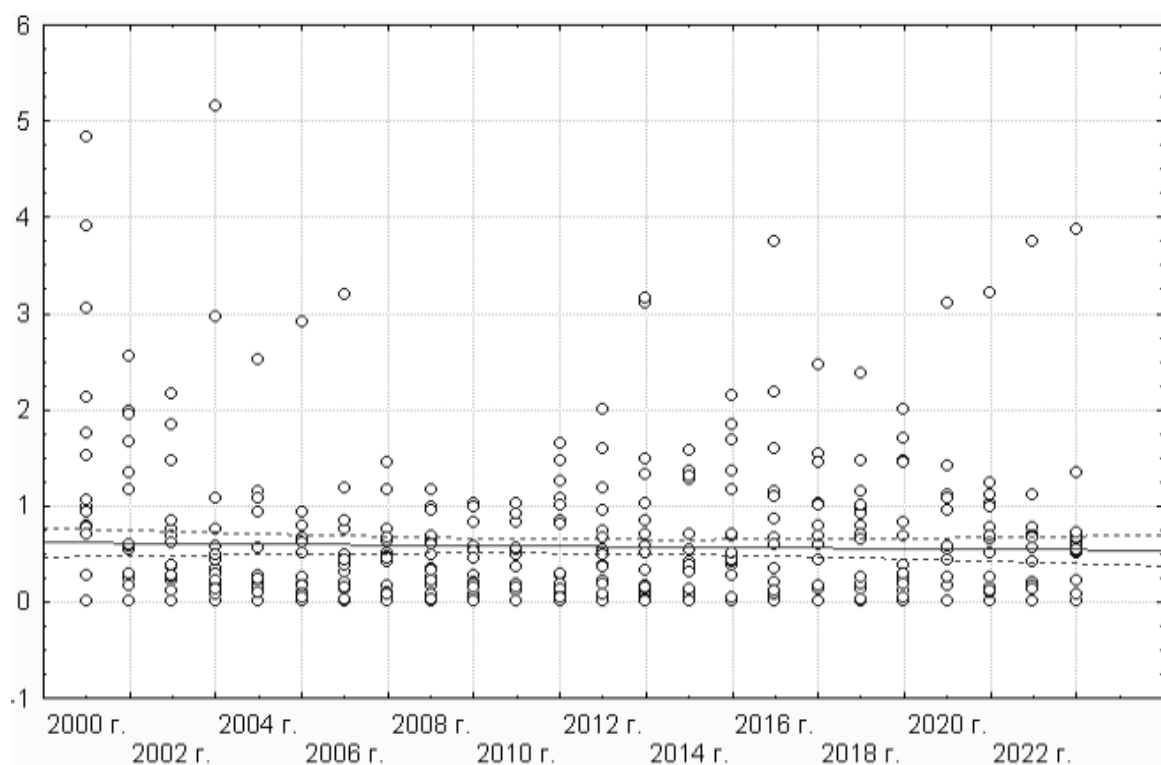

Рис. 1. Диаграмма рассеяния значений показателя C_T (%) по регионам ЦФО за 2000-2023 гг.

Заключение

Полученные результаты исследования в определенной мере согласуются с расчетами и выводами Артемовой О.В. По ее словам, России необходим технологический прорыв для обеспечения своей конкурентоспособности на глобальных и региональных рынках, с одной стороны, и достижение технологического суверенитета, с другой. В то же время темпы изменений, их направления, порой асинхронны и несбалансированны, что приводит к несогласованности действий и фрагментации инновационного пространства [8, с. 280].

Вышеприведенное мнение можно дополнить и фактом отсутствия какого-либо значимого прогресса в рамках решения модернизационных задач, которое, к сожалению, характерно для преобладающей части округов и регионов РФ. В этой связи, пространство, обеспечивающее лишь 1% собственных технологий, можно назвать инновационным только условно.

Проблема преодоления технологической зависимости в стране, как бы она не была завуалирована, стоит чрезвычайно остро и требует форсированного разрешения. При этом парадокс ее преодоления состоит в том, что, с одной стороны, требуется ускоренное наверстывание отставания, а, с другой, на данный момент, ввиду обострившейся политической ситуации, существенным образом минимизированы ресурсные и коммуникационные возможности, необходимые для модернизационного прорыва.

Как указывает академик Глазьев С.Ю., отечественные инженеры, физики, химики — сейчас в авральном режиме пытаются наверстать отставание, стараются сформировать у нас технологии наноуровня, технологии биоинженерных передовых разработок, но время, к сожалению, упущено. Поэтому требуется концентрировать ресурсы, чтобы его наверстать. Эта задача очень непростая и подразумевает кардинальное изменение экономической политики [9, с. 98].

По результатам проведенных расчетов хочется отметить, что предпринимаемые многочисленными программы поддержки и субсидирования технологических инициатив в целом не обеспечивают кардинальных сдвигов по критериям результативности и, скорее всего, требуют переосмысления закладываемых в них целей и перестроения усилий, например, на наиболее приоритетных и стратегически важных участках и направлениях деятельности, которые реально могут принести ощутимый социально-экономический эффект.

Силуанов А.Г., отмечает основные направления поддержки технологически-суверенной модели развития состоят в следующем: 1) улучшение демографической ситуации одновременно с развитием человеческого капитала; 2) повышение инвестиционной активности; 3) инновационное развитие, направленное на ускоренное внедрение результатов НИОКР; 4) улучшение внешнеторговой позиции (за счет расширения несырьевого экспорта и сокращения зависимости от критического импорта); 5) реализация инфраструктурных проектов, повышающих отдачу от приведенных выше направлений [6, с. 22].

Ситников Е. В., предполагает, что для масштабного развития производительных сил возможно использование отечественного и зарубежного опыта, прежде всего – опыта Китая. Особенности китайской модели развития представляют собой динамичный процесс сочетания государственного регулирования и активного рыночного взаимодействия на базе государственной и частной собственности. Развитие необходимо осуществлять в интересах большинства населения. Важно, чтобы это большинство в виде отдельных людей и социальных групп находилось в одинаковом (или более близком) отношении к ключевым средствам производства и участвовало в их владении и распоряжении для повышения эффективности [10, с. 107].

Естественно, решение рассматриваемой проблемы не может ограничиваться расчетом динамики изменения какого-то одного индикатора. Вероятнее всего,

дополнительные исследовательские задачи должны содержать анализ финансовой компоненты, а, точнее, удельных затрат на сопровождение научной и внедренческой деятельности, чтобы понять закономерности и связи, выявить дисбалансы, а также определить факторы, на них влияющие. Кроме того, в рамках рассматриваемого вопроса возможен мониторинг соотношения экспорта и импорта в регионах, износа основных фондов, изменения среднелюдных инвестиций и т.д. Поэтому привлечение комплекса количественных индикаторов приблизит решение данной проблемы и позволит контролировать результаты, и, при необходимости, корректировать деятельность различных научно-технологических, образовательных и даже административных подразделений, иницирующих соответствующие работы.

Список литературы

1. Стратегия научно-технологического развития Российской Федерации. Официальный сайт Президента РФ. 2024. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/50358> (Дата обращения: 08.03.2025)
2. Ленчук Е. Б. Основные контуры научно-технологической политики России в условиях внешних ограничений // Экономическое возрождение России. – 2023. – № 3. – С. 16–23.
3. Капогузов Е. А., Пахалов А. М. Технологический суверенитет: концептуальные подходы и восприятие российскими академическими экспертами // Журнал Новой экономической ассоциации. – 2024. – № 3 (64). – С. 244–250.
4. Фальцман В. К. Технологические суверенитеты России. Статистические измерения // Современная Европа. – 2018. – № 3. – с. 83–91.
5. Песков Д.Н., Силинг А.Л., Потапов К.Е., Грибов Е.Н. Методические подходы к разработке модели суверенного технологического развития // Проблемы прогнозирования. – 2025. – № 1 (208). – С. 62–77.
6. Федеральная служба государственной статистики [Электронный ресурс]. URL: <http://www.rosstat.gov.ru> (Дата обращения: 08.04.2025)
7. Артемова О.В. Технологическая трансформация промышленных регионов РФ и экономика

знаний // Научные труды ВЭО России. – 2025. – № 1 (251). – С. 263–286

8. Глазьев С. Ю. Адаптация российской экономики к смене технологических и мирохозяйственных укладов. Научные труды ВЭО России. – 2023 – № 6 (244). – С. 95-102
9. Силуанов А. Г. Роль бюджетной политики в обеспечении финансового и технологического суверенитета страны // Экономическая политика. – 2024. – Т. 19. – № 5. – С. 6-29
10. Ситников Е. В. О формировании стратегической концепции суверенного развития России в условиях многополярного мира / Экономическое возрождение России. – 2025. – № 1(83) . – С. 94-112.

References

1. Strategia nauchno-tekhnologicheskogo razvitiia Rossiiskoi Federatsii. Ofitsialny sait Prezidenta RF.2024. [Electronic resource] URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/50358> (Date of access: 08.03.2025)
2. Lenchuk E. B. (2023). The main contours of the Russian scientific and technological policy within external constraints. *Economic Revival of Russia*. 3, 16–23
3. Kapoguzov E. A., Pakhalov A. M. (2024). Technological sovereignty: Conceptual approaches

and perceptions by the Russian academic experts. *Journal of the New Economic Association*. 3 (64), 244–250.

4. Faltsman V. (2018). Statistical Measurements of Russia's Technological Sovereignty. *Contemporary Europe*. 3, 83–91.
5. Peskov D.N., Siling A.L., Potapov K.E., Gribov E.N. (2025). Methodical Approaches to the Elaboration of a Sovereign Technological Development Model. *Studies on Russian Economic Development*. 1 (208), 62-77.
6. Federal State Statistics Service. [Electronic resource] URL: <http://www.rosstat.gov.ru> (Date of access: 08.04.2025)
7. Artemova O. V. (2025). Technological transformation of industrial regions of the RF and knowledge economy. *Scientific Works of the Free Economic Society of Russia*. 1 (251), 263–286.
8. Glazyev S.Yu. (2023). Adaptation of the Russian economy to changes in technological and world economic structures. *Scientific Works of the Free Economic Society of Russia*. 6 (244), 95-102.
9. Siluanov A. G. (2024). The Role of Fiscal Policy in Ensuring the Financial and Technological Sovereignty of the Country. *Economic Policy*. 5 (19), 6–29
10. Sitnikov E. V. (2025) Formation of a Strategic Concept of Russia's Sovereign Development in the Context of a Multipolar World. *Economic Revival of Russia*. 1 (83), 94-112

УДК: 332.05

Межрегиональное взаимодействие как эффективная практика развития городских агломераций

С.Ю. Исаев¹, М.А. Мухин², А.А. Урасова³

¹Пермский государственный национальный исследовательский университет г. Пермь, 614000, Российская Федерация

¹isaev.zsperm@gmail.com,

^{2,3} Институт экономики УрО РАН (Пермский филиал), г. Пермь, 614000, Российская Федерация

²cseed@mail.ru, ³annaalexandrovna@mail.ru

Статья поступила 10.10.2025

Аннотация

Статья посвящена вопросам взаимосвязи развития практик межрегионального взаимодействия и городских агломераций как центров концентрации «умных» технологий, инновационных решений, передовых проектов, формирующих новые параметры и содержательные характеристики регионального пространства. Авторы поставили цель: доказать гипотезу, что уровень развития регионов по технологическим критериям зависит от уровня развития городских агломераций на фоне догоняющих позиций иных территорий, выравнивая центрпериферийные тенденции в масштабировании и развитии технологических решений. Для достижения поставленной цели были задействованы методы систематизации при выделении ключевых методических подходов; конкретизации при обозначении городов-лидеров технологического развития, сравнительного анализа в части обозначения мировых и российских лидеров; обобщения при описании перспективы агломерационного развития. Сделав выборку городов-лидеров на основе передовых мировых и российских рейтингов, были раскрыты критерии технологического развития городских агломераций и обоснована определяющая роль межрегионального взаимодействия как перспективного направления развития регионального пространства. В результате сделан вывод об отсутствии планомерного общепринятого подхода к анализу развития городских агломераций, что дало возможность сформировать обобщенный подход, позволивший рассмотреть городские агломерации, с одной стороны, на максимально общем уровне, с другой стороны, оценить международный фон для развития российских городов и раскрыть внутри региональный потенциал. Полученные результаты и логические выводы раскрыли возможность межрегионального взаимодействия в развитии городских агломераций в части обеспечения единой повестки стратегического технологического развития региона, включая проектные решения и межмуниципальные практики; формирования единой информационной системы коммуникации в разрезе «федеральный, ведомственный, муниципальный коммерческий», создающей в совокупности единую интегрированную систему взаимодействия; согласованности с базовыми трендами и установками федеральной повестки и экономических вызовов технологической трансформации.

Ключевые слова: межрегиональное сотрудничество, межмуниципальные практики, городская агломерация, городское пространство, умный город.

JEL codes: R11, R28, O18, O32

Interregional Interaction as an Effective Practice for Developing Urban Agglomerations

S. Yu. Isaev¹, M. A. Mukhin², A. A. Urasova³

¹Perm State National Research University, Perm, 614000, Russian Federation

1isaev.zsperm@gmail.com

^{2,3}Institute of Economics, Ural Branch of the Russian Academy of Sciences (Perm Branch), Perm, 614000, Russia

²cseed@mail.ru, ³annaalexandrovna@mail.ru

Received 10.10.2025

Abstract

The article is devoted to the issues of interrelation between the development of interregional interaction practices and urban agglomerations as centers of concentration of "smart" technologies, innovative solutions, advanced projects that form new parameters and substantive characteristics of the regional space. The authors set a goal: to prove the hypothesis that the level of development of regions by technological criteria depends on the level of development of urban agglomerations against the background of catching up positions of other territories, aligning the center-periphery trends in scaling and development of technological solutions. To achieve this goal, the following methods were used: systematization when identifying key methodological approaches; specification when designating cities-leaders of technological development, comparative analysis in terms of designating world and Russian leaders; communication when describing the prospects for agglomeration development. Having made a selection of leading cities based on advanced world and Russian ratings, the criteria for technological development of urban agglomerations were revealed and the determining role of interregional interaction as a promising direction for the development of regional space was substantiated. As a result, a conclusion was made about the absence of a systematic, generally accepted approach to the analysis of urban agglomerations development, which made it possible to form a generalized approach that allowed us to consider urban agglomerations, on the one hand, at the most general level, and on the other hand, to assess the international background for the development of Russian cities and reveal the intra-regional potential. The obtained results and logical conclusions revealed the possibility of interregional interaction in the development of urban agglomerations in terms of ensuring a single agenda for the strategic technological development of the region, including project solutions and inter-municipal practices; the formation of a unified information communication system in the context of "federal, departmental, municipal commercial", creating in aggregate a single integrated system of interaction; consistency with the basic trends and guidelines of the federal agenda and economic challenges of technological transformation.

Keywords: interregional cooperation, inter-municipal practices, urban agglomeration, urban space, smart city.

Введение

В современной науке особая роль отводится изучению процессов межрегионального взаимодействия в развитии пространственных социально-экономических систем, среди которых одними из наиболее сложных являются городские и региональные агломерации.

Межрегиональное взаимодействие выступает необходимым элементом реализации национальных целей развития Российской Федерации. В контексте формирования городских агломераций коммуникационный тренд реализован в рамках проекта «умный город», коннотация которого имеет широкий спектр, равно как и используемая инструментальная база.

В самом общем смысле понятие «умный город» можно трактовать как территорию наделённого пункта, в котором инфраструктурные изменения происходят на основе передовых инструментов и прорывных технологий, приводящих к существенным социально-экономическим эффектам, в том числе от рационального использования ресурсов. Результатом такого симбиоза выступает городское пространство, характеризующееся, как безопасное, комфортное, экологичное и

привлекательное с позиции возможного проживания населения. То есть, умный город можно считать своего рода формой интегрированной экосистемы, в границах которой развиваются физические, цифровые, человеческие системы, обеспечивающие безопасное, устойчивое, комфортное развитие населения и городской среды.

На текущий момент в Российской Федерации можно назвать более чем 200 проектов, развивающих различные форматы и аспекты «умного города», обладающих различной результативностью. При этом, во всех проектах в отдельное направление выделяется вопрос межрегионального взаимодействия и участия, как неотъемлемый элемент федеративной системы управления, которая распространяется и на сферу бюджетирования, дифференциации территорий, системы межрегиональных взаимосвязей.

Важно подчеркнуть, что если практикоориентированный подход к результативности технологического развития городских агломераций встречается довольно часто, то вопросы теоретического осмысления и интерпретации в контексте формирования

межрегионального пространства почти не исследуется. Еще реже проводятся изыскания в области тиражирования успешных городских практик. Тем не менее, очевидно, что подобные трансформации концентрируются вокруг городских агломераций, формируя центры инновационной активности, повышенного уровня развития инфраструктуры, выстраивания коммуникации.

Таким образом, можно констатировать, что развитие городских агломераций в современных трансформационных условиях, сложных экономико-управленческих реалиях выступает важной народно-хозяйственной проблемой, решение которой начинается с глубоко теоретического и методического описания сущности явлений и тенденций.

Анализ последних исследований и публикаций

В рамках данной работы производится сравнительный анализ возможностей межрегионального взаимодействия в границах городских агломераций. При этом, акцент делается на практиках «умных» городов, которые являются лидерами в мире и РФ по развитию инновационных практик, в том числе выступающих инновационными инструментами.

В научном дискурсе не сложилось общепринятых подходов, методов их оценки. В результате, можно наблюдать довольно большое разнообразие методических подходов, опирающихся на различные группы данных. При этом необходимо отметить сложность сбора релевантных данных относительно агломерационных процессов, идентификация которых осложняется отсутствием органа власти, ведущего регулярные наблюдения.

Среди наиболее распространенных подходов можно назвать конкурентный, который делает акцент на отдельных показателях развития агломераций, формирующих рейтинги на том или ином основании [6]. Данный подход ограничен принятым на государственном уровне управленческим подходом, опирающимся

на распределительный принцип, реализуемый в рамках системы государственного программирования. Кроме того, можно отметить отраслевой подход, базирующийся на методологии формирования высокотехнологичных зон производства отдельных видов продукции в том или ином секторе [7]. Такое видение дает возможность классифицировать отраслевые межрегиональные практики. Однако возникает необходимость учета жизненного цикла, как отрасли, так и отдельного вида продукции, что также сложно оценить количественно. Поляризованный подход выстраивается на положении о глубокой территориальной дифференциации, в результате которой формируются развитые агломерации, насыщенные инновационными и передовыми технологиями, высококвалифицированными кадрами, различного рода ресурсами и пр. [8]. Территориальный подход акцентирует внимание на разных уровнях управления, делая определяющими муниципальные практики, как первичное звено системы государственного и муниципального управления [9]. С одной стороны, это позволяет тиражировать муниципальные практики как непосредственно связанные с социально-экономическими проблемами. С другой стороны, в муниципалитетах наблюдается катастрофический «кадровый голод» и острый дефицит бюджета, что не позволяет в полной мере полноценно реализовывать планомерную социально-экономическую политику. Таким образом, вопросы измерения межмуниципального сотрудничества в границах городских агломераций актуальная тема исследования, нуждающаяся в достоверных исходных данных и установлении параметров, позволяющих формировать комплексное представление о развитии городского пространства.

Данные и методы

Исходя из обозначенного контекста, актуальности проблематики, в рамках данной работы представилось целесообразным произвести сравнительный

анализ сложившихся городских агломераций как РФ, так и зарубежных стран, выступающих лидерами по уровню технологического развития, внедрению проектов умного города, развитию межрегиональных коммуникаций, реализации ресурсного потенциала. В качестве эмпирической базы выступили данные рейтингов, находящиеся в открытом доступе, сформировавших информационную основу для сравнения. Оценки, которые стали аналитическим фундаментом, включают синтетические данные по рейтингам последних лет и выражают искусственно обобщенные позиции городов.

Такая методическая установка позволяет рассмотреть городские агломерации, с одной стороны, на максимально общем уровне, с другой стороны, оценить международный фон для развития российских городов и раскрыть внутри региональный потенциал.

В качестве источников задействованы: рейтинг Smart City Index, разработанный Центром мировой конкурентоспособности IMD и Сингапурским университетом технологий и дизайна, данные российского рейтинга «Умные города», опубликованного Министерством строительства и жилищно-коммунального хозяйства Российской Федерации, данные департамента информационных технологий города Москвы, а также информация информационного агентства «НИА-Санкт-Петербург».

Результаты исследования

Вопросы развития городских агломераций неразрывно связаны с темой развития умных городов. В таком контексте, целесообразно рассмотреть данные проекта «Умный город», который ориентирован на создание эффективной системы взаимодействия города с хозяйствующими субъектами, государственными структурами и пр. Именно такая установка позволяет сформировать городское хозяйство, в границах которого развиваются безопасные и комфортные условия для

функционирования экономических агентов и жизни населения, что выводит данную агломерацию на новый уровень конкурентоспособности в масштабах страны.

В связи с этим, рассмотрим итоги мирового рейтинга городов Smart City Index, который публикуется Центром мировой конкурентоспособности IMD, а также Сингапурским университетом технологий и дизайна. Рейтинг демонстрирует самые продвинутые в технологическом плане города мира, поскольку в них сформированы сложные интегрированные технологические системы, а также передовые решения, вписанные в жизнедеятельность городского населения. В данном рейтинге присутствуют и российские города. Так Москва оказывается ежегодно в диапазоне 50-55 места, Санкт-Петербург – в промежутке от 70 до 80 места. (табл. 1).

Таблица 1. *ТОП-100 умных городов мира [2]*

№ в рейтинге	Город	Страна	Общий рейтинг
1	Сингапур	Сингапур	AAA
2	Цюрих	Швейцария	AA
3	Осло	Норвегия	AA
4	Тайбэй	Китай	A
5	Лозанна	Швейцария	A
6	Хельсинки	Финляндия	A
7	Копенгаген	Дания	A
8	Женева	Швейцария	A
9	Окленд	Новая Зеландия	A
10	Бильбао	Испания	BVB
<...>			
54	Москва	Россия	B
<...>			
79	Санкт-Петербург	Россия	CCC

Оценивая позицию Московской агломерации, нельзя не констатировать ее срединное место в разрезе других городов мира. При этом интенсивность развития и динамика происходящих в столичном городе процессов позволяют прогнозировать перемещение места данного города в рейтинге в первую 20-ку в горизонте 10 лет.

Позиция Санкт-Петербурга более скромная, и сопровождается менее интенсивными изменениями, меньшей концентраций ключевых видов ресурсов. Его перспективы в мировом разрезе более глобальны.

В РФ также регулярно рассчитываются различные рейтинги, освещающие позиции регионов и городов в том или ином аспекте.

Так, научный интерес представляет рейтинг городских агломераций, в основу которого положены технологические изменения, отражающие в том числе проектные решения в рамках концепции «умного города».

Данный рейтинг разработан Министерством строительства и жилищно-коммунального хозяйства Российской Федерации, и предназначен для диагностики уровня технологической трансформации города (табл. 2).

Таблица 2. Данные рейтинга «Умные города» для определения уровня технологической трансформации городов [3]

Рейтинг Умные города	Города
1	Москва
2	Санкт-Петербург
3	Нижний Новгород
4	Уфа
5	Казань
6	Красноярск
7	Волгоград
8	Челябинск
9	Воронеж
10	Пермь
11	Екатеринбург
12	Самара
13	Омск
14	Ростов-на Дону
15	Новосибирск

Комментируя позиции российских городов, нельзя не отметить лидирующее положение столичных городских агломераций. Кроме того, большая часть передовых городов являются мегаполисами, где концентрируется большое число ресурсов и технологий. Очевидна ориентация данных агломераций на создание разветвленной системы городского хозяйства с широкой сетью инфраструктурных объектов и взаимосвязей, что обеспечивает безопасные и комфортные условия жизнедеятельности населения, высокий уровень конкурентоспособности агломерации. Представленные оценки имеют под собой многокритериальную основу, включая параметры, характеризующие городскую среду, безопасный город; систему агломерационного управления; качество жизни населения, инвестиционный потенциал и пр.

Анализируя содержание обозначенных параметров, нельзя не выделить наиболее распространенные и успешные

технологические решения, обеспечившие лидирующие позиции городов (табл. 3).

Таблица 3. Наиболее перспективные цифровые технологии умных городов-лидеров Российской Федерации [4]

Умные города	Перечень перспективных технологий
Москва	Цифровая экосистема управления интеллектуальными зданиями AlboScore; умные городские здания; автоматизированная система контроля и учета энергоресурсов «Симбиот»; Мобильная платформа для предоставления мультимедийных сервисов и инфокоммуникационных услуг в общественном транспорте; платформа для проведения электронного голосования «КриптоГолос»;
Санкт-Петербург	Единая система мониторинга города; умные контейнеры и датчики уровня Binology для эффективного управления отходами и вторичным сырьем;
Нижний Новгород	Автоматизированная информационная система «РУБИН»;
Уфа	Сервис искусственного интеллекта с компьютерным зрением для создания умного двора, города, региона;
Казань	Умные городские здания на платформе Ujin OS; «Город Онлайн»;
Красноярск	Система информирования пассажиров на общественном транспорте и остановочных пунктах; программно-аппаратный комплекс «Мониторинг-Предиктив»;
Волгоград	Умный пешеходный переход - КРОСС 1; система автоматической фиксации ДТП; умные парковки с функцией виртуальной сигнализации; умный лифт; виртуальный ассистент; система экологического мониторинга и др.;
Челябинск	Платформа для сбора и анализа параметров транспортных потоков и пешеходов с камер видеонаблюдения в реальном времени; автоматизация въезда-выезда транспорта;
Пермь	Интеграционная платформа «Интера 4D-Планета Земля» для реализации проектов «Безопасный и Умный Город»;
Самара	Умные городские здания; концепция внедрения единой биллинговой платформы на базе программного продукта «Расчеты за жилищно-коммунальные услуги»;
Ростов на Дону	Умные остановки; единая электронная регистрация для записи на прием к врачу.
Новосибирск	

Стоит подчеркнуть, что межрегиональная связанность и коммуникация усиливают позиции городов во всей совокупности социально-экономических и инфраструктурных процессов. Учитывая характер и направленность технологических трансформаций очевидно, что развитые агломерации являются наиболее перспективными точками развивая других территории.

Это связано и с агломерационными эффектами, содержащих возможности горизонтальных и вертикальных имплементаций технологий, расширяющих границы города. Учитывая сложность отслеживания количественных метрик развития агломераций, стоит отметить, что проблематика создания и развития «умных регионов» и передовых агломераций будет на повестке дня в ближайшее десятилетие. В таком горизонте можно говорить о развитии «цифровых» агломераций, «передовых» агломераций, «умных» агломераций, определяющих развитие регионального пространства, экономическую специализацию, ключевые территориальные тренды и пр. В конечном счете, можно говорить о целеориентированности развития национальной системы на развитие платформенных решений, облачных сервисов, технологических центров, масштабирование которых может быть представлено на каком-то этапе развития как «умное» межрегиональное пространство.

Резюмируя вышесказанное, можно заключить, что городские агломерации выступают основой технологического развития регионов, концентрируя в своих границах региональные и ресурсные центры. Отобранные рейтинги и их сопоставление выделяют достаточно содержательные критерии, составляющие аналитическую основу и информационную базу, а именно: научное лидерство, медиаактивность, антикризисная поддержка, устойчивое развитие региона и пр. Тем самым, подтверждается гипотеза о том, что уровень развития большинства регионов по вышеуказанным критериям связанный с догоняющей позицией большинства территорий, не входящих в агломерации, зависит от городских центров развития. Это связано с тем, что происходят центрпериферийные тенденции в масштабировании и развитии технологических решений.

Кроме того, подтвержден тезис о том, что региональные центры выполняют функцию концентрации ресурсов, инициирования проектов и решений, реализация которых формирует все региональное пространство.

Эффективность межрегионального взаимодействия и развития агломерационной системы в этом смысле имеет наглядное обоснование в границах одного из развитых регионов РФ – Пермского края, позиции которого в различных рейтингах колеблются от 10 до 20 места. Так, в рейтинге наиболее инновационных и цифровых регионов РФ, он занимает 10 позицию, а региональный центр г. Пермь последние годы всегда входит в десятку «умных» городов и наиболее развитых агломераций РФ (рис. 1).

Здесь можно выделить такие параметры, как «инфраструктура сетей связи», «интеллектуальные системы для социальных служб», а также городское управление, за счет которых г. Пермь стал лидером.

Рис. 1. Распределение г. Перми по сегментам рейтинга IQ-городов.

Составлено авторами на основе данных [5]

В Пермской агломерации технологии «умного» города развиваются с 2018 года как пилотный проект, ставший одним из 15 для РФ. За это время в системе городского и регионального управления удалось поддержать технологический уровень городского оснащения, разработав и внедрив технологии, охватившие как инфраструктуру, так и социальные аспекты жизни населения. Тем самым, была поддержана диффузия успешных технологических и проектных решений для тиражирования успешных практик в крупных, средних и малых городах Пермского края, охватившая порядка 14 муниципальных образований.

Заключение

Таким образом, была поддержана система межмуниципального взаимодействия и межрегиональных коммуникаций, обеспечивших передовое развитие целого ряда Пермских городов, в том числе Соликамск, Чайковский, Березники, Нытва, Лысьва и пр.

На сегодняшний день, в агломерационные процессы Пермского края вовлечены более 50% городов, находящихся своего рода в переходном процессе технологических изменений, способных обеспечить высокую конкурентоспособность Пермского края, в том числе на международном уровне. Управленческая инициатива, охватывающая все города региона, выходит и на межрегиональный уровень, вынося

успешные решения к обмену с соседними территориями.

Можно подытожить, что межрегиональное взаимодействие в развитии городских агломераций позволяет: обеспечить единую повестку стратегического технологического развития региона, включая проектные решения и межмуниципальные практики;

сформировать единую информационную систему коммуникации в разрезе «федеральный, ведомственный, муниципальный коммерческий», создающей в совокупности единую интегрированную систему взаимодействия;

соблюдать согласованность с базовыми трендами и установками федеральной повестки и экономических вызовов технологической трансформации.

Переходя к обобщению проведенного анализа и аналитических умозаключений, формируется тезис, что городские агломерации, преуспевшие в межрегиональном взаимодействии и внедрении передовых технологий, выступают трансляторами «умных» решений и прорывных проектов для других субъектов Российской Федерации, выстраивая эффективную систему взаимодействия в национальном пространстве, основанную на обмене и диффузии технологических решений. При этом наиболее перспективной стратегией межрегионального взаимодействия представляется формирование и развитие умных городов, умных агломераций и одновременное тиражирование успешных практик и решений, получивших результативную апробацию.

По итогам данной работы, можно сформулировать тезисы, носящие рекомендательный характер, транслирующие необходимость формирования единого комплексного подхода и методического инструментария оценки согласованного развития межрегионального взаимодействия и городских агломераций в части внедрения и использования технологических проектов и прорывных решений, которые позволяют сформировать объективное представление

об уровне агломерационного развития в региональном пространстве.

Благодарности

Статья подготовлена в соответствии с планом НИР Института экономики Уральского отделения Российской академии наук.

Список литературы

1. Барбашова Н.Е., Комарницкая А.Н. Проблемы и перспективы развития межбюджетных отношений в городских агломерациях России // Финансовый журнал. – 2024. – Т. 16, № 3. – С. 23-39. DOI 10.31107/2075-1990-2024-3-23-39.
2. Данные Smart City Index, разработанного Центром мировой конкурентоспособности IMD и Сингапурским университетом технологий и дизайна [Электронный ресурс]. URL: <https://www.imd.org/smart-city-observatory/home/> (дата обращения: 05.05.2025).
3. Данные российского рейтинга «Умные города», разработанного Министерством строительства и жилищно-коммунального хозяйства Российской Федерации [Электронный ресурс]. URL: <https://russiasmartcity.ru/> (дата обращения: 30.04.2025)
4. Данные департамента информационных технологий города Москвы [Электронный ресурс]. URL: smart_city_trends@it.mos.ru (дата обращения: 02.05.2025)
5. Информационное агентства «НИА-Санкт-Петербург» [Электронный ресурс]. URL: <https://nia-spb.ru/news/society/18267.html> (дата обращения: 03.05.2025)
6. Кваско М.А. Агломерация как стимул межрегиональной конкуренции // Перспективные направления развития государственного и муниципального управления: материалы I Международной научно-практической конференции, Симферополь, 12 ноября 2024 года. – Симферополь: ООО «Издательство Типография «Ариал», 2024.
7. Пятинский А.С. Методология формирования высокотехнологичных зон производства отдельных видов сельскохозяйственной продукции // Научное обозрение: теория и практика. – 2023. – Т. 13, № 1(95). – С. 41-48. DOI 10.35679/2226-0226-2023-13-1-41-48.
8. Леонтьева Л.С., Соболев С.А. Участие Московской агломерации в межрегиональном и межмуниципальном сотрудничестве // Вестник Московского университета. Серия 21: Управление (государство и общество). – 2021. – № 1. – С. 3-31.
9. Лукманов И.Д. Межмуниципальное сотрудничество как элемент формирования

городских агломераций // Вестник Сургутского государственного университета. – 2024. – Т. 12, № 2. – С. 107-112. DOI 10.35266/2949-3455-2024-2-11.

References

1. Barbashova N.E., Komarnitskaya A.N. (2024). Problems and prospects for the development of interbudgetary relations in urban agglomerations of Russia. *Financial Journal*, 3(16). 23-39. DOI 10.31107/2075-1990-2024-3-23-39. (In Russ.)
2. Data from the Smart City Index, developed by the IMD Center for Global Competitiveness and the Singapore University of Technology and Design [Electronic resource]. URL: <https://www.imd.org/smart-city-observatory/home/> (accessed: 05.05.2025).
3. Data from the Russian rating “Smart Cities”, developed by the Ministry of Construction and Housing and Communal Services of the Russian Federation [Electronic resource]. URL: <https://russiasmartcity.ru/> (date of access: 30.04.2025)
4. Data from the Department of Information Technology of the City of Moscow [Electronic resource]. URL: smart_city_trends@it.mos.ru (date of access: 02.05.2025)
5. Information agency "NIA-Saint Petersburg" [Electronic resource]. URL: <https://nia-spb.ru/news/society/18267.html> (date of access: 03.05.2025)
6. Kvasko M. A. (2024). Agglomeration as a stimulus for interregional competition. *Promising directions for the development of state and municipal administration: materials of the I International scientific and practical conference*, Simferopol, November 12, Simferopol: Arial Publishing House. (In Russ.)
7. Pyatinsky A.S. (2023). Methodology for the formation of high-tech production zones for certain types of agricultural products. *Scientific Review: Theory and Practice*. 1 (95). 41-48. DOI 10.35679/2226-0226-2023-13-1-41-48. (In Russ.)
8. Leontyeva, L.S., Sobolev S.A. (2021). Participation of the Moscow agglomeration in interregional and intermunicipal cooperation. *Bulletin of Moscow University. Series 21: Management (state and society)*. 1. 3-31. (In Russ.)
9. Lukmanov I.D. (2024). Inter-municipal cooperation as an element of the formation of urban agglomerations. *Bulletin of Surgut State University*. 2(12). 107-112. DOI 10.35266/2949-3455-2024-2-1

УДК 338.927

Эволюция приоритетов инновационного развития компаний в условиях экономической трансформации

С.П. Кирильчук¹, И.В. Ярош²

^{1,2} Крымский федеральный университет имени В.И. Вернадского,

г. Симферополь, 295000, Россия

¹skir12@yandex.ru, ²ivan.yarosh.00@bk.ru

Статья поступила 05.05.2025

Аннотация

В статье рассматриваются современные тенденции и факторы, влияющие на инновационное развитие компаний в условиях глобальных экономических изменений. Анализируются ключевые теоретические модели инновационного процесса, такие как теория технологических укладов, открытых инноваций и концепция творческого разрушения Шумпетера. Особое внимание уделяется роли цифровизации, искусственного интеллекта, зеленых технологий и цифрового неравенства в трансформации стратегий компаний. Рассматриваются макроэкономические условия, инвестиционные тренды и влияние кризисных ситуаций, таких как пандемия и геополитическая нестабильность. Проведен сравнительный анализ инвестиционной активности, влияния R&D на показатели эффективности и перспектив развития инновационных рынков. Исследование подчеркивает необходимость адаптации бизнес-стратегий к новым технологическим и экономическим вызовам для обеспечения конкурентоспособности и устойчивого роста.

Ключевые слова: инновации, цифровизация, искусственный интеллект, инвестиции в R&D, конкурентоспособность.

JEL codes: O31, O32, O33, L52.

The Evolution of the Priorities of Innovative Development of Companies in the Context of Economic Transformation

S.P. Kirilchuk¹, I.V. Yarosh²

^{1,2} V.I. Vernadsky Crimean Federal University, Simferopol, 295000, Russia

¹skir12@yandex.ru, ²ivan.yarosh.00@bk.ru

Received 05.05.2025

Abstract

The article examines current trends and factors influencing the innovative development of companies in the context of global economic changes. The key theoretical models of the innovation process are analyzed, such as the theory of technological structures, open innovation, and Schumpeter's concept of creative destruction. Special attention is paid to the role of digitalization, artificial intelligence, green technologies and digital inequality in the transformation of companies' strategies. The article examines macroeconomic conditions, investment trends, and the impact of crisis situations such as the pandemic and geopolitical instability. A comparative analysis of investment activity, the impact of R&D on performance indicators and prospects for the development of innovative markets is carried out. The study highlights the need to adapt business strategies to new technological and economic challenges to ensure competitiveness and sustainable growth.

Keywords: innovation, digitalization, artificial intelligence, investment in R&D, competitiveness.

Введение

В условиях стремительных изменений глобальной экономики инновационное развитие становится ключевым фактором обеспечения конкурентоспособности и устойчивости компаний. Современные тенденции, такие как цифровизация, внедрение искусственного интеллекта и переход к «зеленым» технологиям, существенно трансформируют приоритеты корпоративных стратегий [1]. Согласно данным Организации экономического сотрудничества и развития (ОЭСР), в период с 2019 по 2020 годы инновационная активность предприятий оставалась устойчивой, несмотря на начальные последствия кризиса, вызванного пандемией COVID-19 [2].

В то же время, по данным Конференции ООН по торговле и развитию (ЮНКТАД), рынок передовых и «зеленых» технологий, включая искусственный интеллект, интернет вещей и электромобили, имеет потенциал роста с \$1,5 трлн в 2020 году до более чем \$9,5 трлн к концу десятилетия [3]. Однако без активного участия развивающихся стран, большая часть создаваемой в этих быстрорастущих рынках стоимости может обойти их стороной [3].

В этом контексте актуальным становится исследование трансформации приоритетных направлений инновационного развития компаний, учитывая влияние современных экономических условий и технологических трендов.

Анализ последних исследований и публикаций

Исследованиям приоритетности инновационного развития компаний в условиях экономической трансформации со стороны отечественных ученых-экономистов уделяется значительное научное внимание.

Так, Устинова Л. Н., Белай О. С., Сиразетдинова Э. Р. в своих трудах, детально исследуют становление терминологии инновационного развития

экономических систем [4]. Соколов А.П. раскрывает особенности стратегического управления экономическими процессами в регионе [5]. Структурные уравнения развития экономики региона исследуют В. В. Хохлов и Е. И. Пискун, которые рассматривают «вопросы построения модели развития региональной экономики с помощью системы одновременных уравнений, где предложенная модель позволяет составить адекватную картину состояния региональной экономической системы» [6, с.680].

Также многие учёные-экономисты рассматривают цифровую трансформацию экономики России как инновационную траекторию развития субъектов хозяйствования и государства в целом [7].

Данные и методы

Целью данного исследования является анализ изменений в стратегиях инновационного развития компаний под воздействием глобальных вызовов и возможностей. В ходе исследования будут использованы статистические данные, сравнительный анализ экономических показателей и изучение успешных кейсов компаний.

Результаты исследования

Инновационное развитие представляет собой процесс внедрения новых или значительно улучшенных продуктов или процессов, которые существенно отличаются от предыдущих и были внедрены на рынок или использованы в деятельности компании. Согласно Руководству Осло, инновация определяется как «новый или улучшенный продукт или процесс (или их комбинация), который значительно отличается от предыдущих продуктов или процессов фирмы и который был внедрен на рынок или использован на практике» [8].

Роль инновационного развития в современной экономике сложно переоценить. Инновации способствуют

появлению новых рынков, повышению качества товаров и услуг, увеличению производительности труда и, как следствие, обеспечивают устойчивый экономический рост. В условиях глобальной конкуренции компании, активно внедряющие инновации, получают важные преимущества, такие как рост доли рынка и улучшение финансовых показателей.

Согласно Руководству Осло, различают основные типы инноваций [8]:

1. «Продуктовая инновация есть введение в употребление (внедрение) товара или услуги, являющихся новыми или значительно улучшенными по части их свойств или способов использования» [8, с.32].

2. «Процессная инновация есть внедрение нового или значительно улучшенного способа производства или доставки продукта. Сюда входят значительные изменения в технологии, производственном оборудовании и/или программном обеспечении» [8, с.33].

Классификационные признаки ориентируют организации на систематизацию инновационной активности и формирование стратегий развития, ориентированных на конкретные критерии улучшений.

В экономической литературе встречаются определенные теоретические модели, объясняющие инновационную трансформацию компаний. Отметим, на наш взгляд, основные из них:

1. Модель технологических укладов. Рассматривает процессы экономического развития посредством последовательных смен технологических укладов все более высоких параметров. Каждый новый уклад характеризуют кардинальные структурные изменения в экономике, требующие от компаний адаптационных мер и инновационных усилий.

2. Модель открытых инноваций. Определяет для компаний необходимость использования как внутренних идей, так и внешних знаниевых и технологических источников разработки новых продуктов. При этом открытые инновации полагают

активное внешнее партнерство с университетами, исследовательскими центрами и другими компаниями. Это ускоряет инновационные процессы и снижает риски создания прорывных технологий.

3. Модель инноваций Йозефа Шумпетера. Выдвигает пять видов инноваций главным двигателем экономического прогресса: новые товары, новые методы производства, новые рынки, новые источники сырья, новые методы управления. Данная теории вводит новое понятие «творческого разрушения», предполагающее осуществление процесса смены технологической структуры на инновационную.

Понимание этих моделей помогает компаниям разрабатывать эффективные стратегии инновационного развития с учетом технологических изменений и требований рынка.

В последние годы цифровизация стала ключевым драйвером трансформации бизнес-процессов во многих отраслях. Согласно данным Всемирного банка, к 2024 году 91% населения в странах с высоким уровнем дохода использовали интернет, тогда как в странах с низким уровнем дохода этот показатель составлял лишь 25% [9]. Это свидетельствует о значительных различиях в доступе к цифровым технологиям, что влияет на темпы внедрения инноваций в различных регионах.

Искусственный интеллект (ИИ) и автоматизация оказывают существенное влияние на рынки труда и производственные процессы. По данным Международного валютного фонда (МВФ), развитые экономики испытывают влияние ИИ быстрее, чем развивающиеся рынки, из-за структуры занятости, ориентированной на когнитивно-интенсивные роли [10]. Это подчеркивает необходимость адаптации рабочих мест и обучения новым навыкам для обеспечения конкурентоспособности на рынке труда.

Внедрение облачных вычислений и анализ больших данных также способствуют повышению эффективности компаний.

Согласно отчету ОЭСР, сектор информационно-коммуникационных технологий (ИКТ) в десятилетний период с 2014 по 2024 год рос в среднем на 6,3% в год, что примерно в три раза превышает общий рост экономики в странах ОЭСР [11]. Это свидетельствует о возрастающей роли цифровых технологий в экономическом развитии [12].

Более подробная информация об уровне использования Интернет в различных регионах в 2024 году приведена в таблице 1.

Таблица 1. *Уровень пользования Интернетом*

Регион	Процент населения, использующего интернет (%)
Страны с высоким доходом	91%
Европа и Центральная Азия (ЕСА)	84%
Латинская Америка и Карибский бассейн (ЛАС)	77%
Ближний Восток и Северная Африка (МЕНА)	73%
Восточная Азия и Тихоокеанский регион (ЕАР)	72%

Составлено авторами по [13-14].

Макроэкономические условия существенно влияют на способность компаний инвестировать в инновации. По данным ОЭСР, глобальный рост ВВП в 2024 году был на уровне 3,1%, с небольшим увеличением до 3,2% в 2025 году [15] по прогнозу. Стабильный экономический рост создает благоприятные условия для инвестиций в исследования и разработки.

Инфляция также играет важную роль в определении инвестиционных возможностей компаний. Согласно данным ОЭСР, инфляция в странах G20 снизилась с 7,8% в 2023 году до 5,9% в 2024 году, что способствует увеличению реальных доходов и потенциально стимулирует инвестиции в инновации [15].

Государственное регулирование может как способствовать, так и препятствовать инновационному развитию. Например, инициативы по развитию цифровой инфраструктуры и поддержке стартапов могут стимулировать инновации, в то время как чрезмерное регулирование может

создавать барьеры для новых участников рынка. Согласно отчету Всемирного банка, для достижения всеобщего доступа к широкополосному интернету к 2030 году потребуется более 400 млрд долларов инвестиций, что подчеркивает необходимость государственно-частного партнерства в этой сфере [16].

В таблице 2 представлены прогнозы роста ВВП и инфляции для стран G20 на 2025 год.

Таблица 2. *Прогнозы роста ВВП и инфляции*

Показатель	2024 год	2025 год
Рост ВВП	3,1 %	3,1 %
Инфляция	7,8 %	5,9 %

Составлено авторами по [17].

Инвестиции в исследования и разработки (R&D) являются ключевым фактором инновационного развития компаний. Согласно данным ОЭСР, в 2024 году общие внутренние затраты на R&D в странах-членах составили 2,5% от их совокупного ВВП [16].

Государственные инвестиции в R&D осуществляются через прямое финансирование и налоговые льготы. Например, в 2023 году Франция предоставила налоговые льготы на R&D, эквивалентные 0,4% своего ВВП, что стимулировало частные инвестиции в инновации в 2024 году [17].

Частный сектор также играет значительную роль в финансировании инноваций. В 2024 году на долю бизнеса приходилось около 70% общих затрат на R&D в странах ОЭСР [14].

Однако наблюдаются значительные различия между странами. Например, в Великобритании число компаний, входящих в топ-2000 по расходам на R&D, сократилось с 118 в 2013 году до 63 в 2023 году, что указывает на снижение частных инвестиций в инновации и на не самую лучшую перспективу в дальнейшие годы [16].

Ниже представлена таблица 3, отражающая долю внутренних затрат на R&D в процентах от ВВП для некоторых стран ОЭСР в 2024 году.

Таблица 3. Доля внутренних затрат на R&D

Страна	Внутренние затраты на R&D (% от ВВП)
Германия	3,1 %
Франция	2,2 %
Великобритания	1,5 %
Япония	3,2 %
Страна	Внутренние затраты на R&D (% от ВВП)
Германия	3,1 %

Составлено авторами по [15-16].

Кризисные ситуации, к примеру, пандемия COVID-19, оказали значительное влияние на стратегические приоритеты предприятий. В исследовании Всемирного банка 2020 года было отмечено, что около 65% малых и средних предприятий (МСП) столкнулись с существенным снижением продаж, что побудило их пересмотреть бизнес-модели и ускорить процессы цифровой трансформации [17]. В результате многие компании начали активно внедрять цифровые платформы для поддержки своих операций.

Геополитическая нестабильность также оказывает влияние на инновационные стратегии компаний. Например, торговые споры между государствами вынуждают диверсифицировать цепочки поставок в бизнес-процессах и вкладывать средства в развитие местных исследовательских центров, чтобы уменьшить зависимость от внешних факторов. Согласно данным ОЭСР, в 2022 году около 45% предприятий заявили о планах увеличить инвестиции в локальные инновационные инициативы ответно на геополитические риски [18].

В данном случае рассматривается 2020 год и 2022 год соответственно, так как в эти годы были самые масштабные мировые экономические перестройки для компаний и стран по всему миру. Далее будет приведена таблица 4 основных факторов, повлиявших на изменения стратегий компаний в 2023 году, так как несколько лет компаниям и государствам потребовалось для стабилизации ситуации вследствие пандемии, и важно фиксировать данные 2023 года, так как они наиболее четко отображают динамику реформ внутри компаний и государств в целом.

Таблица 4. Факторы, повлиявшие на изменение стратегий компаний

Фактор	Процент компаний, изменивших стратегию
Пандемия COVID-19	65%
Геополитическая нестабильность	45%
Технологические изменения	55%

Составлено авторами по [17-18].

Глобальные инвестиции в исследования и разработки (R&D) демонстрируют устойчивый рост. По данным Всемирной организации интеллектуальной собственности (WIPO), в 2024 году мировые расходы на R&D достигли почти 3 трлн долларов США, что представляет собой значительное увеличение по сравнению с предыдущими годами [19]. При этом Соединенные Штаты лидируют с объемом инвестиций около 784 млрд долларов, за ними следует Китай с 723 млрд долларов, а Япония занимает третье место с 184 млрд долларов [20].

Крупнейшие мировые компании продолжают наращивать инвестиции в R&D. Согласно данным WIPO, в 2023 году расходы на R&D среди 1700 из 2500 крупнейших корпоративных инвесторов составили около 1,2 трлн долларов США, что на 8,3% больше в номинальном выражении и на 6,1% в реальном выражении по сравнению с предыдущим годом [20]. Ниже представлена таблица 5, отражающая номинальные изменения в расходах на R&D среди ведущих компаний в 2024 году.

Инвестиции в R&D оказывают прямое влияние на ключевые экономические показатели компаний, такие как рентабельность, доля рынка и производительность труда [22-23]. Например, компании, активно инвестирующие в инновации, часто демонстрируют более высокие темпы роста выручки и прибыли [24-25]. Согласно данным ОЭСР, увеличение инвестиций в R&D на 1% может привести к росту производительности труда на 0,13% [16-17].

Таблица 5. Изменения в расходах на R&D D среди ведущих компаний

Компания	Отрасль	Изменение расходов на R&D (%)
Nvidia	Аппаратное обеспечение ИКТ	+18%
Meta*	Программное обеспечение и ИКТ-услуги	+10%
Eli Lilly	Фармацевтика	+20%
Tesla	Автомобилестроение	+30%

Составлено авторами по [19-21].

В таблице 6 представлены данные о влиянии инвестиций в R&D на экономические показатели некоторых компаний.

Таблица 6. Данные о влиянии инвестиций в R&D на экономические показатели некоторых компаний

Компания	Отрасль	Рост инвестиций в R&D (%)	Рост выручки (%)	Рост прибыли (%)
Apple	Технологии	+15%	+10%	+12%
Pfizer	Фармацевтика	+20%	+8%	+9%
Toyota	Автомобилестроение	+10%	+5%	+6%

Составлено авторами по [16-17].

Заключение

Таким образом, анализ показывает, что стратегические инвестиции в R&D способствуют улучшению ключевых экономических показателей компаний, укрепляя их конкурентные позиции на рынке.

Резюмируя, можно сделать вывод, что инновационное развитие компаний является не просто стратегическим выбором, а необходимым условием для долгосрочного успеха. В условиях растущей конкуренции, геополитической нестабильности и глобальных экономических кризисов компании, которые не адаптируются к новым технологическим реалиям, рискуют утратить свои конкурентные преимущества.

Дальнейшие исследования авторов в данной области будут сосредоточены на выявлении наиболее эффективных моделей инновационного управления и прогнозировании будущих направлений

технологического прогресса улучшающих инноваций.

Список литературы

1. OECD Science, Technology and Innovation Outlook 2023. [Электронный ресурс]. URL: https://www.oecd.org/en/publications/oecd-science-technology-and-innovation-outlook-2023_0b55736e-en.html. (Дата обращения: 01.04.2025).
2. Business Innovation Statistics and Indicators - OECD. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.oecd.org/en/data/datasets/business-innovation-statistics-and-indicators.html>. (Дата обращения: 01.04.2025).
3. Technology and Innovation Report 2023 - UNCTAD. [Электронный ресурс]. URL: <https://unctad.org/publication/technology-and-innovation-report-2023> (дата обращения: 02.04.2025).
4. Устинова Л. Н., Белай О. С., Сиразетдинова Э. Р. Становление терминологии инновационного развития экономических систем // Креативная экономика. 2022. Т. 16. № 3. С. 891-906. DOI: 10.18334/ce.16.3.114403.
5. Соколов А.П. Особенности стратегического управления экономическими процессами в регионе // Экономика и управление: научно-практический журнал. 2023. № 5. С. 54-58.
6. Хохлов В. В., Пискун Е.И. Структурные уравнения развития экономики региона // Инновационная парадигма экономических механизмов хозяйствования : Сборник научных трудов IX Международной научно-практической конференции, Симферополь, 15 мая 2024 года. – Симферополь: ООО "Издательство Типография "Ариал", 2024. - С. 680-683.
7. Цифровая трансформация экономики России: траектория развития / под ред. Кузнецова Н.Г., Вовченко Н.Г. - Ростов-на-Дону: Издательско-полиграфический комплекс РГЭУ (РИНХ), 2019. - 319 с.
8. OECD/Eurostat (2018), Oslo Manual 2018: Guidelines for Collecting, Reporting and Using Data on Innovation. [Электронный ресурс]. 4th Edition, The Measurement of Scientific, Technological and Innovation Activities, OECD Publishing, Paris. URL: https://www.oecd.org/en/publications/oslo-manual-2018_9789264304604-en.html. (Дата обращения: 03.04.2025).
9. Всемирный банк. Глобальная цифровизация в 10 графиках. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.worldbank.org/en/news/immersive-story/2024/03/05/global-digitalization-in-10-charts>. (Дата обращения: 04.04.2025).
10. Международный валютный фонд. Gen-AI: Искусственный интеллект и будущее работы. [Электронный ресурс] режим доступа. URL: <https://www.imf.org/en/Publications/Staff-Discussion-Notes/Issues/2024/01/14/Gen-AI>

- Artificial-Intelligence-and-the-Future-of-Work-542379. (Дата обращения: 04.04.2025).
11. ОЭСР. Рост цифровой экономики превосходит общий рост в странах ОЭСР. [Электронный ресурс]. URL: <https://t4.oecd.org/science/growth-of-digital-economy-outperforms-overall-growth-across-oecd.htm>. (Дата обращения: 04.04.2025).
 12. Kirilchuk S.P., Nalivaychenko E.V., Kaminskaya A.O. Market Capitalization Research of Companies // XV International Scientific Conference "INTERAGROMASH 2022", Rostov-na-Donu, 25-27 мая 2022 года. - Springer, 2023. - P. 1485-1494. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=50302395>. (Дата обращения: 03.05.2025).
 13. ОЭСР. Экономический прогноз: стабильный глобальный рост ожидается в 2025 и 2026 годах. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.oecd.org/en/about/news/press-releases/2024/05/economic-outlook-steady-global-growth-expected-for-2024-and-2025.html>. (Дата обращения: 06.04.2025).
 14. Всемирный банк. Цифровая трансформация: обзор. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.worldbank.org/en/topic/digital/overview>. (Дата обращения: 06.04.2025).
 15. OECD. Research and Development Statistics. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.oecd.org/en/data/datasets/research-and-development-statistics.html>. (Дата обращения: 06.04.2025).
 16. OECD. R&D Tax Incentives Database. [Электронный ресурс]. URL: <https://stats.oecd.org/wbos/fileview2.aspx?IDFile=eb7cb8ad-0738-49e8-b3f8-5158db6b6d96>. (Дата обращения: 06.04.2025).
 17. Financial Times. UK companies on list of top R&D spenders almost halves in a decade. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.ft.com/content/8f7614b4-1a4a-4214-9af0-cbb08482d224>. (Дата обращения: 06.04.2025).
 18. World Bank. Unmasking the Impact of COVID-19 on Businesses. [Электронный ресурс]. URL: <https://documents1.worldbank.org/curated/en/399751602248069405/pdf/Unmasking-the-Impact-of-COVID-19-on-Businesses-Firm-Level-Evidence-from-Across-the-World.pdf>. (Дата обращения: 07.04.2025).
 19. OECD. Business innovation statistics and indicators. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.oecd.org/en/data/datasets/business-innovation-statistics-and-indicators.html>. (Дата обращения: 07.04.2025).
 20. WIPO. End of Year Edition – Against All Odds, Global R&D Has Grown Close to USD 3 Trillion in 2023. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.wipo.int/en/web/global-innovation-index/w/blogs/2024/end-of-year-edition>. (Дата обращения: 07.04.2025).
 21. Всемирный банк. Research and development expenditure (% of GDP). [Электронный ресурс]. URL: <https://data.worldbank.org/indicator/GB.XPD.RSDV.GD.ZS>. (Дата обращения: 07.04.2025).
 22. UNESCO UIS. UIS releases new data for SDG 9.5 on Research and Development. [Электронный ресурс]. URL: <https://uis.unesco.org/en/news/uis-releases-new-data-sdg-9-5-research-and-development>. (Дата обращения: 07.04.2025).
 23. OECD. Research and Development Statistics. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.oecd.org/en/data/datasets/research-and-development-statistics.html>. (Дата обращения: 08.04.2025).
 24. Кирильчук С.П., Ярош И.В. Влияние наступательной стратегии улучшающих инноваций на экономическое развитие // Друкеровский вестник. – 2025. – № 2(64). – С. 42-51. – DOI 10.17213/2312-6469-2025-2-42-51.
 25. Кирильчук С.П., Наливайченко Е.В. Методологические подходы к оценке ресурсного потенциала отрасли в регионе: конкурентные преимущества // Современная конкуренция. – 2025. – Т. 19, № 1(103). – С. 108-121. – DOI 10.37791/2687-0657-2025-19-1-108-121.

References

1. *OECD Science, Technology and Innovation Outlook 2023*. [Electronic source]. URL: https://www.oecd.org/en/publications/oecd-science-technology-and-innovation-outlook-2023_0b55736e-en.html. (Date of access: 01.04.2025).
2. *Business Innovation Statistics and Indicators - OECD*. [Electronic source]. URL: <https://www.oecd.org/en/data/datasets/business-innovation-statistics-and-indicators.html>. (Date of access: 01.04.2025).
3. *Technology and Innovation Report 2023 - UNCTAD*. [Electronic source]. URL: <https://unctad.org/publication/technology-and-innovation-report-2023> (Date of access: 02.04.2025).
4. Ustinova L. N., Belai O. S., Sirazetdinova E. R. (2022). *The formation of terminology for the innovative development of economic systems*. Creative economics. 16(3), 891-906. DOI: 10.18334/ce.16.3.114403.
5. Sokolov A.P. (2023). *Features of strategic management of economic processes in the region*. Economics and management: scientific and practical journal. 5; 54-58.
6. Khokhlov V. V., Piskun E.I. (2024). *Structural equations of regional economic development. Innovative paradigm of economic management mechanisms*: Proceedings of the IX International Scientific and Practical Conference, Simferopol, May 15, 2024. Simferopol: Arial Printing House, LLC. 680-683.
7. Digital transformation of the Russian economy: trajectory of development (2019). Ed. Kuznetsova

- N.G., Vovchenko N.G. Rostov-on-Don: Publishing and Printing Complex of the Russian State Economic University (RINH). 319 p.
8. OECD/Eurostat (2018), *Oslo Manual 2018: Guidelines for Collecting, Reporting and Using Data on Innovation*. [Electronic source]. 4th Edition, The Measurement of Scientific, Technological and Innovation Activities, OECD Publishing, Paris. URL: https://www.oecd.org/en/publications/oslo-manual-2018_9789264304604-en.html. (Date of access: 03.04.2025).
 9. World Bank. Global digitalization in 10 charts. [Electronic source]. URL: <https://www.worldbank.org/en/news/immersive-story/2024/03/05/global-digitalization-in-10-charts>. (Date of access: 04.04.2025).
 10. International Monetary Fund. Gen-AI: Artificial Intelligence and the Future of Work. [Electronic source] URL: <https://www.imf.org/en/Publications/Staff-Discussion-Notes/Issues/2024/01/14/Gen-AI-Artificial-Intelligence-and-the-Future-of-Work-542379>. (Date of access: 04.04.2025).
 11. OECD. The growth of the digital economy is outpacing overall growth in OECD countries. [Electronic source]. URL: <https://t4.oecd.org/science/growth-of-digital-economy-outperforms-overall-growth-across-oecd.htm>. (Date of access: 04.04.2025).
 12. Kirilchuk S.P., Nalivaychenko E.V., Kaminskaya A.O. (2023). Market Capitalization Research of Companies. *XV International Scientific Conference "INTERAGROMASH 2022"*, Rostov-na-Donu, May 25-27. Springer, 1485-1494. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=50302395>. (Date of access: 03.05.2025).
 13. OECD. Economic forecast: stable global growth is expected in 2025 and 2026. [Electronic source]. URL: <https://www.oecd.org/en/about/news/press-releases/2024/05/economic-outlook-steady-global-growth-expected-for-2024-and-2025.html>. (Date of access: 06.04.2025).
 14. World Bank. Digital Transformation: An Overview. [Electronic source]. URL: <https://www.worldbank.org/en/topic/digital/overview>. (Date of access: 06.04.2025).
 15. OECD. Research and Development Statistics. [Electronic source]. URL: <https://www.oecd.org/en/data/datasets/research-and-development-statistics.html>. (Date of access: 06.04.2025).
 16. OECD. R&D Tax Incentives Database. [Electronic source]. URL: <https://stats.oecd.org/wbos/fileview2.aspx?IDFile=eb7cb8ad-0738-49e8-b3f8-5158db6b6d96>. (Date of access: 06.04.2025).
 17. Financial Times. UK companies on list of top R&D spenders almost halves in a decade. [Electronic source]. URL: <https://www.ft.com/content/8f7614b4-1a4a-4214-9af0-cbb08482d224>. (Date of access: 06.04.2025).
 18. World Bank. Unmasking the Impact of COVID-19 on Businesses. [Electronic source]. URL: <https://documents1.worldbank.org/curated/en/399751602248069405/pdf/Unmasking-the-Impact-of-COVID-19-on-Businesses-Firm-Level-Evidence-from-Across-the-World.pdf>. (Date of access: 07.04.2025).
 19. OECD. Business innovation statistics and indicators. [Electronic source]. URL: <https://www.oecd.org/en/data/datasets/business-innovation-statistics-and-indicators.html>. (Date of access: 07.04.2025).
 20. WIPO. End of Year Edition – Against All Odds, Global R&D Has Grown Close to USD 3 Trillion in 2023. [Electronic source]. URL: <https://www.wipo.int/en/web/global-innovation-index/w/blogs/2024/end-of-year-edition>. (Date of access: 07.04.2025).
 21. World Bank. Research and development expenditure (% of GDP). [Electronic source]. URL: <https://data.worldbank.org/indicator/GB.XPD.RSDV.GD.ZS>. (Date of access: 07.04.2025).
 22. UNESCO UIS. UIS releases new data for SDG 9.5 on Research and Development. [Electronic source]. URL: <https://uis.unesco.org/en/news/uis-releases-new-data-sdg-9-5-research-and-development>. (Date of access: 07.04.2025).
 23. OECD. Research and Development Statistics. [Electronic source]. URL: <https://www.oecd.org/en/data/datasets/research-and-development-statistics.html>. (Date of access: 08.04.2025).
 24. Kirilchuk S.P., Yarosh I.V. (2025). *Influence of the offensive strategy of improving innovations on economic development*. 2(64), 42-51. DOI 10.17213/2312-6469-2025-2-42-51.
 25. Kirilchuk S.P., Nalivaychenko E.V. (2025). Methodological approaches to the assessment of the resource potential of the industry in the region: *Competitive Advantages*. 19(1-103), 108-121. DOI 10.37791/2687-0657-2025-19-1-108-121.

Анализ темпов и закономерностей обновления основного капитала в регионах

Д. Ю. Фраймович¹, А.А. Ильина²

^{1,2} Владимирский государственный университет имени Александра Григорьевича и Николая Григорьевича Столетовых, г. Владимир, 600000, Россия

¹ fdu78@rambler.ru, ² alionaai.18@yandex.ru

Статья поступила 30.08.2025

Аннотация

Основной капитал играет важнейшую роль в развитии любого предприятия, и, в целом, региона, в котором оно осуществляет свое функционирование. В период санкционного давления со стороны зарубежных стран, инвестирование денежных средств в основной капитал отечественных производителей существенно сократилось. Снижение поступлений финансовых ресурсов отмечается как со стороны иностранных инвесторов, так и со стороны российских предпринимателей. Учитывая указанную выше тенденцию, государство старается обеспечить выполнение некоторых мер поддержки, направленных на увеличение притока основного капитала, которые включают в себя: экономическое стимулирование спроса, поддержку высокотехнологичного производства, стимулирование инвестиций в разные отрасли экономики, прямую поддержку разных отраслей экономики и т.д. В данной статье рассматривается влияние инвестиций на экономический рост, виды износа основного капитала, анализируются некоторые государственные меры поддержки. Помимо этого, в работе представлен анализ зависимости между инвестициями в основной капитал на душу населения и степенью износа основных средств по регионам Центрального федерального округа за 2014 – 2023 гг., а также дано пояснение к выявленным тенденциям. В результате проведенного исследования были выявлены две зависимости, с которыми сталкиваются исследуемые территории. Полученные коэффициенты корреляции в виде прямой и обратной связи между среднедушевыми капиталовложениями и уровнем износа основных средств не только отражают степень социально-экономического развития соответствующего субъекта, но и характеризуют эффективность освоения инвестиционных средств.

Ключевые слова: основной капитал, регион, инвестиции, износ

JEL codes: O15

Analysis of the Pace and Patterns of Renewal of Fixed Assets in the Regions

D.Yu. Fraymovich¹, A. A. Ilina²

¹ Vladimir State University named after Alexander and Nikolay Stoletovs, Vladimir, 600000, Russian Federation

¹ fdu78@rambler.ru, ² alionaai.18@yandex.ru

Received 30.08.2025

Abstract

Fixed capital plays a crucial role in the development of any enterprise, and, in general, the region in which it operates. During the period of sanctions pressure from foreign countries, the investment of funds in the fixed assets of domestic producers has significantly decreased. The decrease in financial resources is noted by both foreign investors and Russian entrepreneurs. Taking into account the above-mentioned trend, the government is trying to ensure the implementation of certain support measures aimed at increasing the inflow of fixed capital, which include: economic stimulation of demand, support for high-tech production, stimulating investments in various sectors of the economy, direct support for various sectors of the economy, etc. This article examines the impact of investments on economic growth, types

of depreciation of fixed assets, and analyzes some government support measures. In addition, the paper presents an analysis of the relationship between investments in fixed assets per capita and the degree of depreciation of fixed assets in the regions of the Central Federal District for 2014-2023, as well as an explanation of the identified trends. As a result of the conducted research, two dependencies were identified that the studied territories face. The obtained correlation coefficients in the form of direct and feedback between average per capita investments and the level of depreciation of fixed assets not only reflect the degree of socio-economic development of the relevant entity, but also characterize the effectiveness of the development of investment funds.

Keywords: fixed assets, region, investments, depreciation

Введение

Ключевым аспектом, отражающим безопасность экономики любого государства, выступает уровень социально - экономического развития составляющих его регионов. Естественно, проблематично, и, скорее всего, невозможно, добиться от всех территорий одновременно максимально высокой ресурсо-отдачи. В то же время, имеется ряд факторов, определяющих эффективность функционирования основных параметров региональной системы:

- уровень благосостояния населения;
- равновесное состояние окружающей среды;
- объемы инвестиций в основной капитал.

В целях успешного сочетания всех факторов следует своевременно проводить мониторинг эффективности использования ресурсов в реальном секторе экономики региона, что поспособствует грамотному стратегическому планированию и управлению процессами успешного хозяйственного развития, а также достижению поставленных целей.

Наличие современного высокотехнологичного основного капитала особенно важно предприятиям и организациям для осуществления своей деятельности. Стоит отметить, что к основному капиталу относятся все средства, эксплуатация которых может происходить дольше, чем один производственный цикл или один календарный год. На рисунке 1 отображены некоторые средства, характеризующие основной капитал.

Рис.1. Средства, относящиеся к основному капиталу

Необходимо указать, что основной капитал всегда подвергается физическому и моральному износу. Данные виды износа кратко охарактеризованы на рисунке 2 [1, с. 172].

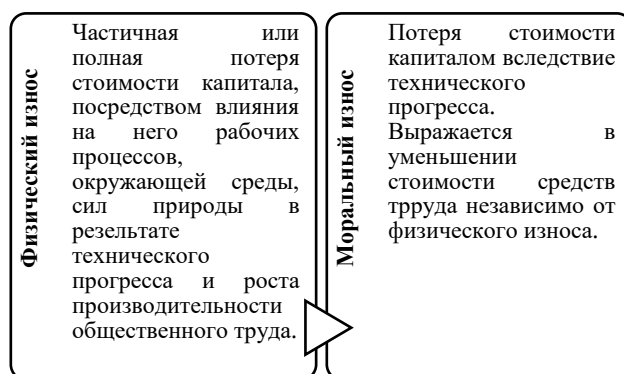

Рис. 2. Виды износа основного капитала

Из-за интенсивного устаревания оборудования, а, вследствие этого, ухудшения качества выпускаемой продукции, повышения уровня брака и отходности, начинают формироваться

существенные издержки производства. Это оказывает значительное негативное воздействие как на экономику регионов, так и страны в целом. Перечислим некоторые из проблем, спровоцированных сильным износом основного капитала:

- потеря экономической независимости;
- препятствие научно-техническому прогрессу;
- рост безработицы.

Исходя из всего вышеперечисленного, инвестиции в основной капитал обеспечивают во многом экономический рост, влияя на экономическое развитие, что количественно можно выразить через определенную зависимость. Это можно объяснить тем, что на стоимость и себестоимость конечного продукта заметное влияние оказывает технологичность задействованных в производственном процессе основных фондов. А от этого, в свою очередь, зависит конкурентоспособность хозяйствующего субъекта на потребительском рынке. Из этого следует, что инвестирование денежных средств в основной капитал, его обновление, стоит качественно планировать не только на уровне предприятий, но и на уровне национальной экономики.

Анализ последних исследований и публикаций

Влияние основного капитала на развитие региональных систем изучается многими авторами и рассматривается с разных сторон. В этих целях для обоснования социально-экономических закономерностей используют чаще всего категорию «инвестиционная активность», способствующую улучшению благосостояния населения, повышению конкурентоспособности территории, созданию новых рабочих мест, ускорению инновационных преобразований, развитию инфраструктуры и др.

Так, например, И.Л. Беилин, концентрируясь на исследовании нефтегазовых регионов Приволжского федерального округа, пришел к выводу, что

устойчивая динамика роста поступлений инвестиций приводит к снижению объемов привлечения банковских кредитных и бюджетных средств [2, с. 127].

Одну из множества причин неравномерности территориального социально-экономического развития удалось выявить Л. В. Шалаевой. По ее мнению это – высокий уровень инвестиционной активности некоторых регионов [3, с. 76].

Другие исследователи, Терновых К. С. и Козлова А. А., убеждены в том, что экономическое неравенство, несмотря на проводимую государством активную инвестиционную политику, будет сохраняться. Следовательно, сохраняться будет и дифференциация субъектов по объемам основного капитала и масштабам инвестиций [4, с. 371].

Еще одна группа отечественных специалистов отмечает также и влияние государства на выравнивание социально-экономических ситуаций разных регионов, указывая на то, что правительство предоставляет субъектам множество различных вариантов развития, принимая участие в национальных проектах, воздействующих как на экономику, так и на социальную сферу. В этой связи следует постоянно контролировать влияние инвестиций в реальный сектор экономики на ВРП, который, в свою очередь, позволяет оценить уровень социально-экономического развития региона [5, с. 141].

Однако, например, Пиньковецкая Ю. С. не поддерживает достаточно распространенную точку зрения о необходимости сравнения регионов именно по объемам инвестиционных вложений. Автор аргументирует свое суждение изначально неравными условиями функционирования: расхождением экономического потенциала в регионах, а также численности проживающего в них населения [6, с. 49].

В любом случае, важность рассматриваемого вопроса обусловлена, помимо всего прочего, и проблемой сильных региональных дисбалансов по уровню социально-экономического развития, с

которыми уже многие годы сталкивается наша страна.

Данные и методы

Реализация поставленных в данной работе целей заставила обратиться к официальной статистической информации, отражающей характер социально – экономических процессов в регионах России [7, 8]. Для проведения исследования использованы официальные данные за 2014 – 2023 гг. по субъектам Центрального федерального округа, а именно:

- инвестиции в основной капитал на душу населения (в фактически действовавших ценах, руб.);

- уровень износа основных средств (на конец года, %).

Как видно из официальных данных, на всех территориях, за исключением Тамбовской области, наблюдается значительный прирост инвестиций в основной капитал (таблица 1). При этом, например, во Владимирской области за последние 9 отчетных лет произошло практически трехкратное увеличение вложений, а в г. Москва объемы соответствующего финансирования выросли в четыре раза.

Таблица 1. Инвестиции в основной капитал на душу населения по регионам Центрального федерального округа*

Территория (область) /год	Инвестиции в основной капитал, тыс. руб. /чел.									
	2014 г.	2015 г.	2016 г.	2017 г.	2018 г.	2019 г.	2020 г.	2021 г.	2022 г.	2023 г.
Белгородская	78,04	95,04	92,68	91,98	86,63	108,10	109,42	109,53	128,97	140,76
Брянская	53,38	50,64	55,75	45,34	49,54	53,45	63,54	71,44	78,51	82,04
Владимирская	52,45	51,03	50,75	56,74	54,16	66,14	69,74	75,79	138,24	137,91
Воронежская	103,12	113,48	116,08	121,50	119,79	128,13	111,34	123,33	150,02	164,14
Ивановская	31,80	24,88	22,69	29,75	29,57	37,97	46,91	48,60	67,58	74,15
Калужская	99,04	91,78	83,43	87,86	85,59	107,61	106,41	124,54	134,10	117,54
Костромская	41,98	41,88	40,67	33,51	35,05	41,23	47,70	77,22	65,98	84,17
Курская	65,91	65,92	83,52	90,16	107,90	131,08	124,95	178,63	189,40	217,34
Липецкая	91,11	100,38	110,62	123,49	112,05	135,80	148,73	156,77	146,79	166,96
Московская	89,78	85,76	84,27	93,78	118,89	136,67	128,22	139,30	160,62	184,83
Орловская	61,99	62,93	57,57	58,15	66,65	75,87	75,87	82,20	85,76	83,81
Рязанская	53,21	47,84	45,10	55,41	50,98	62,25	56,05	68,57	84,51	93,32
Смоленская	58,56	57,23	61,44	60,44	75,36	73,89	71,54	79,74	75,46	108,97
Тамбовская	103,78	111,37	100,48	107,12	91,62	119,23	74,81	80,52	83,61	96,12
Тверская	63,66	56,08	71,83	78,08	81,55	68,18	67,92	70,56	73,06	117,11
Тульская	62,76	69,95	74,89	85,96	104,19	120,70	91,18	121,43	142,58	159,22
Ярославская	69,62	59,32	69,51	67,64	63,56	71,70	75,44	91,78	97,15	114,03
г. Москва	126,87	125,87	138,58	161,35	193,40	225,90	296,18	374,57	463,06	514,76

Составлено на основе данных официальной статистики

Результаты исследования

Но только количественные расчеты позволят ответить на вопрос, есть ли связь, и какая, в разрезе воспроизводственных процессов в регионах.

В целях выявления социально-экономических закономерностей авторами

рассчитана степень тесноты связи (в виде коэффициента корреляции) между среднедушевыми инвестициями в основной капитал и уровнем износа основных средств по всем рассматриваемым регионам Центрального федерального округа. Данный подход, по нашему мнению, необходимо использовать для постоянного мониторинга

ситуации, особенно во время санкционных ограничений, и производить на этой основе расчет возникающих (положительных или отрицательных) отклонений, что обеспечит возможность обоснованного планирования инвестиционных потоков.

Необходимо признать, что на сегодняшний день в России наблюдаются серьезные региональные диспропорции между объемами инвестиций в основной капитал. И это, естественно, сказывается на инвестиционной активности и инновационной привлекательности территорий.

Таблица 2. Теснота связи между инвестициями в основной капитал на душу населения и степенью износа основных средств по регионам Центрального федерального округа

Регион	Коэффициент корреляции
Белгородская область	0,75
Брянская область	0,76
Владимирская область	0,38
Воронежская область	0,15
Ивановская область	0,44
Калужская область	0,70
Костромская область	0,29
Курская область	-0,17
Липецкая область	0,43
Московская область	0,13
Орловская область	0,27
Рязанская область	0,34
Смоленская область	0,63
Тамбовская область	-0,22
Тверская область	0,35
Тульская область	0,04
Ярославская область	0,28
г. Москва	-0,60

Для расчета коэффициента корреляции были использованы данные, отражающие динамику инвестиций в основной капитал на душу населения и изменение степени износа основных средств по регионам Центрального Федерального округа за 2014 – 2023 гг. (таблица 2). Как мы можем отметить, все регионы отличаются по полученным результатам расчетов: на

некоторых территориях зафиксирована прямая взаимосвязь между показателями, а на других – обратная.

В данном случае прямая связь характеризует совершенно нелогичную закономерность: при росте инвестиций в основной капитал происходит увеличение степени износа основных средств, и наоборот. В итоге в преобладающей части регионов Центральной России (а именно, – в 15) наблюдается неблагоприятная картина устаревания используемых в реальном секторе экономики фондов на фоне интенсификации их финансирования. Данный негативный аспект может быть обусловлен следующими факторами:

- нецелевым использованием направляемых в обновление средств;
- неэффективным расходованием вложений;
- обесцениванием инвестиций и сведением к минимуму модернизационных процессов вследствие высоких темпов инфляции.

Со значительным допуском можно утверждать о том, что только в двух регионах просматривается логическая закономерность сокращения износа ввиду роста капиталовложений: в Курской области и г. Москва. В последнем случае коэффициент корреляции, равный «-0,6», вселяет определенную надежду и уверенность, что в столичном регионе соответствующие инвестиции более-менее результативно и в срок осваиваются в воспроизводственных процессах.

Отрицательное значение коэффициента корреляции в нашем случае также может свидетельствовать об уверенном развитии бизнеса в конкретном регионе за счет увеличения инвестиционных вложений. Грамотное освоение последних позволяет ускоренно наращивать технологии и в полной мере раскрывать собственный потенциал территории. Рассмотрение динамики инвестиций на государственном и региональном уровнях позволяет оценить качество экономики и выявить ее «узкие» места.

Естественно, на скорость обновления основного капитала влияют и различные конъюнктурные (политические, демографические, хозяйственные) условия, вызывающие, в свою очередь, изменение курсов валют и цен. Зависимость отечественных товаропроизводителей от импортного оборудования и комплектующих во многом обуславливает неудовлетворительное экономическое положение предприятий. Затруднительную обстановку провоцирует также отток иностранных инвестиций, с которым некоторое время назад столкнулась наша страна [9, с. 3953].

Перечислим еще несколько ограничений, влияющих на деятельность отечественных производителей:

- замораживание активов крупных российских компаний за рубежом;
- ограничения экспорта;
- ограничение финансовых операций и др. [10, с. 4301].

Для регионов в сложившейся ситуации приоритетным фактором выступает не только сохранение старых инвесторов, но и привлечение новых. Этому всецело способствует налаживание взаимодействий с дружественными странами.

Политика государства направлена на удовлетворение постоянно растущих потребностей разных групп населения, что определяет принятие решений о приумножении объема капитала в производствах. Меры, принимаемые Правительством для увеличения притока основного капитала, представлены на рисунке 3 [11].

Достаточные объемы современного основного капитала оказывают благотворное влияние на экономику государства. Это объясняется тем, что высокотехнологичные основные фонды, участвующие непосредственно в инновационном процессе, обеспечивают необходимое качество и количество выпускаемой продукции, одновременно с этим снижая ее себестоимость. При этом в данной ситуации существенным образом сокращаются трудозатраты и создаются дополнительные

перспективы для появления новых рабочих мест, повышения квалификации сотрудников.

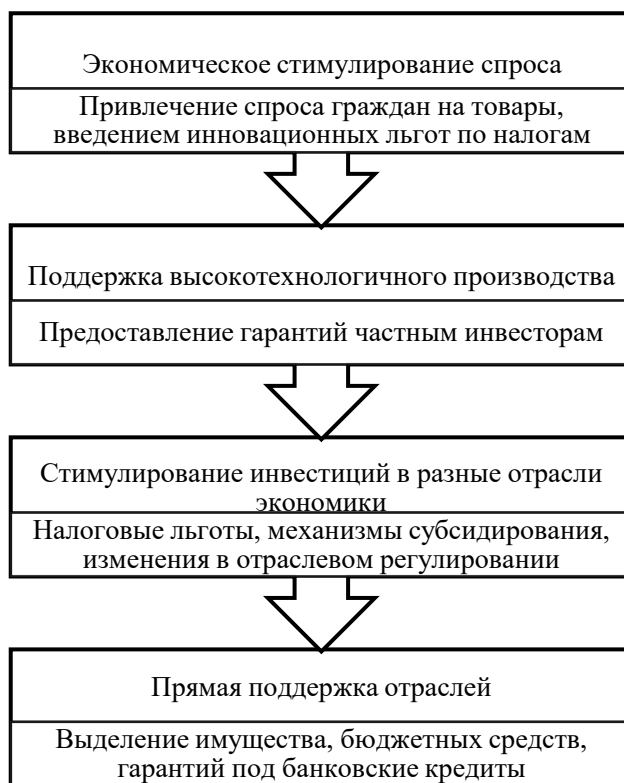

Рис. 3. Меры поддержки государства, направленные на увеличение основного капитала

Рост инвестиционной привлекательности регионов во многом зависит от качества основного капитала, динамики его модернизации и, при необходимости, кардинальных реноваций. Поддержка государства ускоряет процесс инновационного развития не только предприятий, но и страны в целом. При этом данные меры могут реализовываться как в виде целевых прямых вложений, так и в виде предоставления системы льгот и преференций, стимулирующих хозяйственный сектор к инвестированию.

Заключение

Для выявления социально-экономических закономерностей авторами рассчитана степень тесноты связи между среднедушевыми инвестициями в обновление основного капитала и уровнем его износа по всем регионам Центрального федерального округа.

Подводя итоги исследования, стоит указать, что полученные результаты, касающиеся процессов инвестирования на примере соответствующих субъектов за 2014-2023 гг., не могут являться обнадеживающими. При этом главной причиной неудовлетворительной ситуации выступает выявленное неэффективное финансирование основного капитала на преобладающей части территорий.

Кроме того, проведенный мониторинг позволил обосновать наличие существенных дисбалансов в развитии регионов по показателям «вливаний» в основной капитал, что согласуется с многочисленными выводами различных ученых. Неодинаковые значения коэффициента корреляции, принятые в данном исследовании в качестве критерия эффективности инвестиций, указывают на необходимость применения для каждого региона индивидуальной программы формирования инвестиционной привлекательности.

Предложенный в данной работе количественный подход может быть откорректирован под конкретные научно-практические задачи, а также обозначенный временной интервал. Достаточно актуальным является анализ активности инвесторов в докризисную и кризисную (санкционную) фазу экономического развития, которая обеспечит реальную оценку степени интенсификации хозяйственного сектора.

Проведение мониторинга для выявления качества инвестирования основного капитала, а также сопутствующих процессов, может быть полезно в исследовательских целях научным сотрудникам, а также практической деятельности профильных подразделений на уровне региональных министерств.

Список литературы

1. Зверева Е. В., Сабанова А. А. Износ и воспроизводство основных средств в формировании амортизационной политики предприятия // Экономика и бизнес: теория и практика. – 2023. – № 4-1(98). – С. 171-174.

2. Бейлин И.Л. Оценка влияния нефтегазовых доходов на структуру и динамику инвестиций в основной капитал региона (на примере Приволжского федерального округа) // Проблемы развития территории. – 2021. – Т. 25. – № 4. – С. 119–138.
3. Шалаева Л. В. Рейтинговая оценка субъектов Приволжского федерального округа по уровню активности и результативности инвестиций в основной капитал // Экономика, предпринимательство и право. – 2023. – Т. 13, № 1. – С. 75-94.
4. Терновых К. С., Козлов А. А. Межрегиональная дифференциация инвестиций в российской экономике // IACJ. – 2020. – № 6.
5. Жуков Р. А., Козлова Н. О., Одиноква Д. В., Плинская М. А. Влияние инвестирования в основной капитал на социально- экономическое развитие региона // Научные труды Вольного экономического общества России. – 2022. – № 5. – С. 136-150.
6. Пиньковецкая Ю.С. Инвестиции в основной капитал по регионам России в 2019 году // Статистика и Экономика. – 2021. – № 18(1) . – С. 47-53.
7. Регионы России. Социально-экономические показатели. 2020: Р32 Стат. сб. / Росстат. – М., 2020. – 1242 с.
8. Регионы России. Социально-экономические показатели. 2024: Р32 Стат. сб. / Росстат. – М., 2024. – 1081.
9. Шалаева, Л. В. Оценка влияния инвестиций в основной капитал на состояние основных фондов организаций Российской Федерации / // Креативная экономика. – 2022. – Т. 16. – № 10. – С. 3951-3968.
10. Шалаева, Л. В. Тенденции обновления и уровень износа основных фондов организаций Российской Федерации: отраслевые аспекты // Креативная экономика. – 2022. – Т. 16, № 11. – С. 4299-4320.
11. Перечень мер федеральной государственной поддержки промышленных предприятий на 2025 год [Электронный ресурс] URL: https://rossosh.gosuslugi.ru/netcat_files/46/469/Federal_nye_mery_gospodderzhki_prom._predpriyatiy_na_2025_god.pdf

References

1. Zvereva E. V. (2023) Depreciation and reproduction of fixed assets in the formation of depreciation policy of the enterprise. *Economics and Business: theory and practice*, 4-1(98), 171-174.
2. Beilin I.L. (2021) Assessment of the impact of oil and gas revenues on the structure and dynamics of investments in fixed assets in the region (on the

- example of the Volga Federal District). *Problems of territorial development*, 25(4), 119-138.
3. Shalaeva L. V. (2023) Rating assessment of subjects of the Volga Federal District in terms of activity and effectiveness of investments in fixed assets. *Economics, entrepreneurship and Law*, 1 (13), 75-94.
 4. Ternovykh K. S., Kozlov A. A. (2020) Interregional differentiation of investments in the Russian economy. *IACJ*, 6.
 5. Zhukov R. A., Kozlova N. O., Odinkova D. V., Plinskaya M. A. (2022) The impact of investing in fixed assets on the social-economic development of the region. *Scientific works of the Free Economic Society of Russia*, 5, 136-150.
 6. Pinkovetskaya Yu.S. (2021) Investments in fixed assets by regions of Russia in 2019. *Statistics and Economics*, 1 (18), 47-53.
 7. Regions of Russia. Socio-economic indicators. 2020: P32 Statistical collection / Rosstat. – Moscow, 2020. – 1242.
 8. Regions of Russia. Socio-economic indicators. 2024: P32 Statistical collection / Rosstat. Moscow, 2024. 1081.
 9. Shalaeva L. V. (2022) Assessment of the impact of investments in fixed assets on the state of fixed assets of organizations in the Russian Federation. *Creative Economy*, 10 (16), 3951-3968.
 10. Shalaeva L. V. (2022) Assessment of the impact of investments in fixed assets on the state of fixed assets of organizations in the Russian Federation. *Creative Economy*, 11 (16), 4299-4320.
 11. List of federal state support measures for industrial enterprises for 2025 [Electronic resource] URL: https://rossosh.gosuslugi.ru/netcat_files/46/469/Federal_nye_mery_gospodderzhki_prom._predpriyatiy_na_2025_god.pdf

УДК: 331

Интеграция системного, коммуникационного и поведенческого подходов к управлению организационной культурой

А.С. Щекин

Центр психолого-педагогической, медицинской и социальной помощи г. Пермь, 614000, Российская Федерация

¹asshchekin@cpmk.permkrai.ru

Статья поступила 06.10.2025

Аннотация

Статья посвящена обоснованию интеграции системного, коммуникационного и поведенческого подходов к управлению организационной культурой в контексте развития организаций социальной сферы. Актуальность исследования определяется высокой значимостью организационной культуры для устойчивости и результативности управления, а также недостаточностью целостных моделей ее анализа. Авторы поставили цель: раскрыть логику агрегированного подхода, объединяющего три исследовательские традиции. Для достижения цели были использованы методы сравнительного анализа теоретических оснований подходов, систематизации выявленных ограничений и моделирования интеграции. В результате предложена концептуальная схема, рассматривающая организационную культуру одновременно как структурную подсистему социальной организации, как механизм коммуникации и снижения неопределенности, а также как совокупность регуляторов поведенческих практик. Показана практическая значимость интегрированного подхода для управленцев социальной сферы, выражающаяся в укреплении доверия, повышении мотивации и согласовании формальных и неформальных норм. Сделан вывод о том, что интеграция подходов формирует основу для проектирования эффективных систем управления и стимулирования, способных компенсировать ограниченность материальных ресурсов и обеспечивать долгосрочную устойчивость организаций.

Ключевые слова: организационная культура, системный подход, коммуникационный подход, поведенческий подход, интеграция подходов, управление в социальной сфере.

JEL codes: M14, D23, L31

Integration of System, Communication and Behavioral Approaches to Organizational Culture Management

A.S. Shchekin

Center for Psychological, Pedagogical, Medical, and Social Assistance, Perm, 614000, Russian Federation
¹asshchekin@cpmk.permkrai.ru

Received 06.10.2025

Abstract

The article is devoted to the justification of integrating system, communication, and behavioral approaches to organizational culture management in the context of social organizations. The relevance of the study is determined by the high importance of organizational culture for the sustainability and effectiveness of management, as well as the lack of holistic models for its analysis. The purpose of the article is to reveal the logic of an aggregated approach that unites three research traditions. To achieve this goal, methods of comparative analysis of theoretical foundations, systematization of identified limitations, and modeling of integration were applied. As a result, a conceptual framework was proposed that considers organizational culture simultaneously as a structural subsystem of a social organization, as a communication mechanism for reducing uncertainty, and as a set of regulators of behavioral practices. The practical significance of the integrated approach is demonstrated for managers of the social sphere, expressed in strengthening trust, enhancing motivation, and aligning formal and informal norms. It is concluded that the integration of approaches

Экономика и управление: теория и практика, 2025, Т.11. № 3. С. 92-100.

provides a basis for designing effective management and incentive systems capable of compensating for limited material resources and ensuring the long-term sustainability of organizations.

Keywords: organizational culture, system approach, communication approach, behavioral approach, integration of approaches, management in the social sphere.

Введение

Организационная культура в последние десятилетия превратилась в один из ключевых факторов, определяющих устойчивость и результативность социальных организаций. Она выступает своеобразным связующим элементом между целями управления, повседневной деятельностью персонала и системой внешних взаимодействий. В условиях высокой социальной нагрузки, ограниченности ресурсов и необходимости поддерживать доверие со стороны различных групп заинтересованных лиц именно культура формирует долгосрочные основания эффективности.

Научное осмысление организационной культуры в управленческом дискурсе строилось преимущественно в рамках отдельных исследовательских традиций. Наиболее распространенными стали системный, коммуникационный и поведенческий подходы. Каждый из них обладает теоретической ценностью, однако в изолированном виде не позволяет охватить всю сложность феномена. Системное видение акцентирует внимание на культуре как на подсистеме организации, обеспечивающей ее целостность и устойчивость. Коммуникационный подход фокусируется на процессах передачи информации, формировании норм и снижении неопределенности. Поведенческий подход трактует культуру как совокупность практик и норм, определяющих мотивацию и взаимодействие сотрудников.

Несмотря на теоретическую значимость, применение каждого подхода в отдельности имеет свои ограничения. Системный взгляд чрезмерно концентрируется на стабильности, что снижает чувствительность к динамическим изменениям среды. Коммуникационный подход недооценивает социально-психологические факторы, влияющие на

поведение персонала. Поведенческий же, напротив, уделяет основное внимание неформальным нормам, что приводит к игнорированию структурных и стратегических аспектов управления.

Актуальность рассматриваемой проблематики усиливается тем, что в социальной сфере культура играет особую роль. Для организаций, действующих в условиях дефицита финансовых и материальных ресурсов, она становится источником нематериальной мотивации, регулятором взаимодействий и фактором доверия между управленцами, персоналом и клиентами. Это позволяет компенсировать ограниченность традиционных стимулов и поддерживать высокий уровень профессиональной вовлеченности.

Научная новизна работы заключается в переходе от линейных моделей организационной культуры к агрегированному подходу, который учитывает многоаспектность ее проявлений и дает возможность более полно объяснить управленческие процессы. Практическая значимость связана с возможностью использования интегрированного подхода при проектировании систем мотивации и управленческих решений в организациях, функционирующих в социальном секторе.

Анализ последних исследований и публикаций

В отечественной и зарубежной литературе организационная культура трактуется как многоуровневое явление, задающее рамки управленческих решений и повседневных практик персонала. При системном подходе, восходящем к работам Л. фон Берталанфи [1] и разрабатываемом в российской традиции управленческой кибернетики и теории организации, культура описывается как подсистема, обеспечивающая целостность и устойчивость социальной организации. В фокус попадают структурные элементы,

функциональные связи и механизмы саморегуляции, благодаря которым поддерживается упорядоченность и воспроизводство норм. Эта линия стала базой для конструирования моделей «культурной архитектуры» организации и для увязки ценностей с формальными регламентами.

Коммуникационный подход, опирающийся на теорию социальных систем Н. Лумана [2] и прикладные модели организационного обучения и социализации Э. Шейна [3], трактует культуру как сеть коммуникативных практик, снижающих неопределенность и легитимирующих управленческие решения. В центр помещаются процедуры интерпретации сигналов, коды и символические ресурсы, создающие согласованные ожидания. Существенный вклад внесен в описание рутин коммуникации руководителей с профессиональными сообществами, в анализ ритуалов согласования и в понимание роли «историй организации» как инструмента управления поведением.

Поведенческая перспектива, укорененная в традиции человеческих отношений (Э. Мэйно [4], М. П. Фоллетт [5]) и развитая в работах по организационному развитию и социологии организаций, рассматривает культуру как систему неформальных норм, санкций и поощрений, влияющих на мотивацию и кооперацию. В литературе подробно описаны феномены доверия, психологической безопасности, профессиональной идентичности, а также влияние лидерских стилей на воспроизводство паттернов поведения. Отдельный пласт публикаций посвящен взаимосвязи культурных установок с показателями вовлеченности и профилактикой эмоционального выгорания.

Несмотря на разнообразие теоретических источников, корпус публикаций характеризуется фрагментарностью. Значительная часть работ сосредоточена на одном подходе и лишь декларирует междисциплинарность. В результате наблюдается разрыв между структурными объяснениями и микропрактиками, между анализом коммуникации и управленческими регламентами. В литературе фиксируются

методологические ограничения: недостаточная операционализация понятий, смешение уровней анализа (индивидуальный, групповой, организационный), слабая валидизация используемых шкал и индикаторов, а также редкая проверка причинных связей во времени.

Современные обзоры подчеркивают дефицит работ, где культура описывается одновременно как подсистема, коммуникативный механизм и регулятор поведения. Чаще встречаются попытки расширить один выбранный фрейм за счет заимствований, чем равноправная интеграция логик. Это приводит к ряду практических проблем: культуры «назначаются» через ценностные декларации без изменения коммуникационных каналов; разрабатываются программы мотивации без учета структурных ограничителей; внедряются регламенты без анализа их символического эффекта и неформальной обратной связи.

Особое место занимает сегмент публикаций по организациям социальной сферы. Здесь подчеркивается роль нематериальных стимулов, общественной миссии и внешней подотчетности. В то же время отмечается слабая институционализация метрик культуры: индикаторы доверия и кооперации измеряются эпизодически, что затрудняет сопоставимость данных и выстраивание длинных рядов. Также недостаточно разработаны методики оценки влияния культурных изменений на устойчивость услуг, качество клиентского взаимодействия и управленческую надежность при ограниченных ресурсах.

В последние годы наблюдается сдвиг в сторону конвергенции подходов. Появляются работы, где системная карта процессов дополняется анализом коммуникативных паттернов и поведенческих эффектов, а эмпирическая база строится на смешанных методах: контент-анализ артефактов и документов, сетевой анализ коммуникации, опросы вовлеченности, наблюдение и полуструктурированные интервью. Нарастает интерес к концептам

«культурного дизайна» и «архитектуры смыслов», связывающим ценности с операционными метриками: скоростью принятия решений, качеством межфункционального взаимодействия, устойчивостью к этическим дилеммам.

Суммарная оценка поля указывает на потребность в агрегированном подходе, который: а) фиксирует культуру как структурную подсистему, отвечающую за устойчивость и согласование правил; б) описывает каналы и коды коммуникации, через которые распространяются нормы и снижается неопределенность; в) учитывает поведенческие регуляторы, влияющие на мотивацию и кооперацию. Концептуальные и методические заделы для такой интеграции уже накоплены; им недостает единой рамки операционализации и связки с практическими задачами управления в социальной сфере. Именно этот пробел адресуется в дальнейших разделах статьи, где предлагается модель интеграции и показываются ее прикладные эффекты для управленческих решений.

Данные и методы

Выбор методического инструментария в рамках данного исследования был обусловлен поставленной целью — обосновать интеграцию системного, коммуникационного и поведенческого подходов к управлению организационной культурой и показать ее практическое значение для организаций социальной сферы.

В качестве источников информации использовались три группы материалов. Первая — теоретико-методологические разработки классиков и современных исследователей, представляющих системную, коммуникационную и поведенческую традиции (Берталанфи [1], Афанасьев [6], Луман [2], Шейн [3], Пригожин [7], Мэйо [4], Фоллетт [5] и др.). Вторая — публикации отечественных и зарубежных авторов по проблемам организационной культуры, отражающие современные концептуальные и прикладные дискуссии. Третья — практические данные, включающие описания организационных практик и

управленческих кейсов из социальной сферы, представленные в открытых источниках (отчеты, аналитические обзоры, результаты прикладных исследований).

Для обработки и анализа информации применялся комплекс методов: систематизация — для выделения ключевых положений трех подходов, их сопоставления и выявления точек пересечения; сравнительный анализ — для демонстрации различий в трактовке культуры как подсистемы, коммуникационного механизма и регулятора поведения; структурно-функциональное моделирование — для построения интегративной модели организационной культуры, включающей элементы трех подходов в единой логике; контент-анализ публикаций и практических материалов — для фиксации типичных ограничений изолированного применения подходов и формулирования аргументов в пользу их интеграции; логический синтез — для выведения агрегированного подхода, учитывающего специфику организаций социальной сферы.

Эмпирическую основу составили описательные данные о деятельности учреждений социального профиля, где организационная культура играет роль нематериального ресурса, компенсирующего дефицит материальных стимулов. Сравнительно-аналитический блок был построен на сопоставлении отечественных и зарубежных публикаций, а также на вторичных данных исследований по управлению персоналом в социальном секторе.

Примененная методология позволила рассматривать организационную культуру с разных уровней: как структурный элемент организации (системный аспект), как сеть коммуникативных процессов (коммуникационный аспект) и как совокупность регуляторов практик поведения (поведенческий аспект). Такая установка обеспечила возможность формирования интегрированной модели, отражающей взаимосвязь между устойчивостью, коммуникацией и мотивацией в управлении.

Результаты исследования

Организационная культура рассматривается в научной литературе как многослойное явление, объединяющее ценности, нормы, ритуалы, символы и практики, которые формируют основу управленческих процессов. Однако трактовка ее природы зависит от исследовательской традиции. Наиболее существенный вклад внесли три подхода — системный, коммуникационный и поведенческий.

Системный подход основывается на общей теории систем Л. фон Берталанфи [1] и развитии идей В. Г. Афанасьева [6] в области управления социальными организациями. В рамках этого подхода культура трактуется как подсистема, обеспечивающая устойчивость и воспроизводимость организации. Она выполняет роль внутреннего «каркаса», который связывает отдельные элементы системы, способствует поддержанию ее целостности и адаптивности к изменениям среды.

Коммуникационный подход восходит к теории социальных систем Н. Лумана [2] и организационным моделям Э. Шейна [3]. Культура интерпретируется как механизм передачи норм, упорядочивания информации и снижения неопределенности. В таком понимании именно коммуникация обеспечивает легитимацию управленческих решений и формирование согласованных интерпретаций внутри коллектива. Нормы и ценности рассматриваются как коды, которые транслируются через ритуалы, символы и дискурсивные практики.

Поведенческий подход, заложенный в традиции «человеческих отношений» (Э. Мэйо [4], М. П. Фоллетт [5]) и развитый в отечественных работах А. И. Пригожина [7], акцентирует внимание на неформальных нормах и практиках. Культура выступает регулятором повседневного поведения, влияющим на мотивацию, вовлеченность и степень кооперации персонала. В центре внимания находятся психологическая безопасность, доверие, лидерские стили и групповая динамика.

Для систематизации ключевых положений трех подходов представляется целесообразным объединить их характеристики в единую табл. 1.

Таблица 1. Основные характеристики подходов к управлению организационной культурой

Подход	Определение культуры	Основные функции	Ограничения
Системный (В. Г. Афанасьев, Л. фон Берталанфи) [1; 6]	Подсистема организации, обеспечивающая ее устойчивость и воспроизводство	Поддержание целостности, согласование элементов, адаптивность к внешней среде	Чрезмерный акцент на стабильности, слабая чувствительность к изменениям
Коммуникационный (Н. Луман, Э. Шейн) [2; 3]	Механизм передачи норм и кодов, упорядочивающий коммуникацию и снижающий неопределенность	Легитимация решений, трансляция ценностей, формирование единого поля смыслов	Недооценка социально-психологических факторов, влияющих на поведение
Поведенческий (А. И. Пригожин, Э. Мэйо, М. П. Фоллетт) [4; 5; 7]	Совокупность неформальных норм и практик, регулирующих поведение сотрудников	Мотивация, вовлеченность, формирование доверия и кооперации	Игнорирование структурных и стратегических условий

Составлено и обобщено авторами.

Анализ показывает, что каждая исследовательская перспектива фиксирует определенный аспект организационной культуры, однако в изолированном виде не обеспечивает целостного понимания ее роли в управлении. Это создает предпосылки для разработки интегративной модели.

Несмотря на значимость системного, коммуникационного и поведенческого подходов, их применение в управлении организационной культурой по отдельности демонстрирует целый ряд ограничений.

Системный подход ценен для понимания организации как целостного образования, где культура выполняет функцию структурной устойчивости и

согласования элементов. Однако чрезмерный акцент на стабильности и воспроизводстве затрудняет учет динамических факторов. В условиях быстрых изменений внешней среды системное видение может вести к излишней регламентации и снижению гибкости управленческих решений. Слабая чувствительность к инновациям и социальной динамике ограничивает практическую применимость данного подхода в организациях, где требуется постоянное обновление смыслов и норм.

Коммуникационный подход позволяет выявить роль культуры в снижении неопределенности и легитимации управленческих решений, но в изолированном виде он недооценивает социально-психологические факторы. Сведение культуры исключительно к процессам передачи норм и кодов оставляет вне внимания личностные и поведенческие аспекты. Кроме того, чрезмерное внимание к символическим ресурсам может приводить к формализации коммуникации без реального воздействия на поведение персонала.

Поведенческий подход акцентирует внимание на практиках, нормах и межличностных взаимодействиях, формирующих доверие и мотивацию. Однако он склонен игнорировать структурные и институциональные рамки, в которых разворачиваются эти практики. Рассматривая культуру преимущественно как продукт неформального взаимодействия, поведенческая перспектива недостаточно учитывает системные и коммуникационные контуры управления. Это приводит к фрагментарности объяснения, когда отдельные поведенческие феномены трактуются вне контекста общей организационной логики.

Каждая из исследовательских традиций предлагает важные аналитические инструменты, но их изолированное использование ограничивает возможности комплексного управления культурой. Для преодоления данных недостатков требуется агрегированное видение, сочетающее структурные, коммуникативные и поведенческие измерения организационной культуры.

Анализ системного, коммуникационного и поведенческого подходов показывает, что каждый из них раскрывает лишь отдельный аспект организационной культуры. В то же время современная практика управления, особенно в социальной сфере, требует целостного понимания культуры как многомерного феномена, соединяющего структурные, коммуникативные и поведенческие компоненты.

Интеграция подходов позволяет сформировать агрегированное видение организационной культуры. В его рамках культура рассматривается одновременно как:

- структурная подсистема организации (системный аспект), обеспечивающая устойчивость и согласование элементов;
- коммуникационный механизм (коммуникационный аспект), формирующий общее поле смыслов и снижающий неопределенность;
- регулятор поведенческих практик (поведенческий аспект), влияющий на мотивацию, доверие и вовлеченность персонала.

Такое видение позволяет преодолеть ограничения изолированных трактовок и вывести организационную культуру в разряд интегративных ресурсов управления. На концептуальном уровне это выражается в модели, представленной в табл. 2.

Таблица 2. *Интегрированная модель организационной культуры*

Измерение	Содержательная характеристика	Функции в организации	Практические эффекты
Системный аспект	Культура как подсистема, поддерживающая целостность и устойчивость	Согласование структурных элементов, адаптация к изменениям	Баланс стабильности и гибкости; снижение рисков дезорганизации
Коммуникационный аспект	Культура как механизм передачи норм и смыслов	Снижение неопределенности, легитимация решений, формирование единого поля коммуникации	Повышение доверия, упрощение согласования действий, прозрачность управленческих процессов
Поведенческий аспект	Культура как совокупность практик, регулирующих поведение	Формирование мотивации, вовлеченности	Рост удовлетворенности персонала, укрепление неформальных

Измерение	Содержательная характеристика	Функции в организации	Практические эффекты
		кооперации	стимулов, поддержка инновационной активности
Интеграция аспектов	Совмещение структурного, коммуникативного и поведенческого измерений	Комплексное регулирование деятельности и взаимодействия	Повышение устойчивости и результативности организаций, особенно в социальной сфере

Обобщено и составлено авторами.

Агрегированная модель позволяет рассматривать культуру как многоуровневый ресурс, в котором нормы и ценности закрепляются в структуре организации, транслируются через коммуникацию и воплощаются в поведенческих практиках. Это создает основу для эффективного проектирования управленческих решений и систем мотивации, особенно там, где ограниченность материальных ресурсов требует акцента на нематериальных стимулах.

Организации социальной сферы характеризуются рядом особенностей, которые усиливают значение организационной культуры как ресурса управления. Во-первых, они функционируют в условиях хронического дефицита материальных и финансовых ресурсов. Во-вторых, специфика их деятельности связана с высокой социальной миссией — поддержкой уязвимых групп населения, развитием человеческого потенциала, сохранением ценностей гуманизма. В-третьих, их устойчивость определяется не только формальными результатами, но и уровнем доверия со стороны общества и внутренних сообществ.

В таких условиях интегративный подход к организационной культуре приобретает особую значимость. Сочетание системного, коммуникационного и поведенческого измерений позволяет:

- обеспечить структурную устойчивость организации, где культура выступает регулятором согласованности подразделений и процессов, что критично при ограниченных ресурсах;

- снизить неопределенность управленческих решений благодаря формированию общего поля смыслов, ясной трансляции миссии и ценностей, что повышает доверие сотрудников и клиентов;

- поддержать мотивацию и вовлеченность персонала посредством признания, символического капитала и неформальных стимулов, которые компенсируют недостаток материальных вознаграждений.

В практическом измерении интеграция подходов способствует решению следующих управленческих задач в социальной сфере:

1. Формирование доверия. Культура, интегрирующая структурные и коммуникативные механизмы, создает основу для доверительных отношений как внутри коллектива, так и во взаимодействии с внешними стейкхолдерами.

2. Снижение неопределенности. Четкие культурные коды и коммуникационные практики упрощают процесс принятия решений, делают его более прозрачным и предсказуемым.

3. Компенсация ограниченных ресурсов. Символические стимулы, поддержка профессиональной идентичности и атмосфера сотрудничества становятся заменителями материальных форм мотивации.

4. Поддержание профессиональной мотивации управленцев. Интегрированная культура укрепляет статус руководителей, формирует символическую ценность их деятельности и способствует устойчивости управленческих практик.

В социальной сфере организационная культура в интегративном понимании становится не только инструментом внутреннего управления, но и фактором, определяющим качество взаимодействия организации с обществом. Она выступает ключевым нематериальным ресурсом, обеспечивающим баланс между стабильностью и развитием, между формальными структурами и живыми практиками.

Интеграция системного, коммуникационного и поведенческого подходов позволяет сформировать новый управленческий инструмент, который

обладает высокой прикладной ценностью для организаций социальной сферы. Его использование обеспечивает согласование формальных и неформальных механизмов регулирования, укрепляет доверие, повышает вовлеченность сотрудников и создает условия для баланса между устойчивостью и инновационным развитием.

Практические эффекты интегрированного подхода можно сгруппировать по ключевым направлениям (таблица 3).

Таблица 3. Практические эффекты интеграции подходов к организационной культуре

Направление	Содержательный эффект	Управленческое значение
Мотивация и вовлеченность персонала	Повышение уровня внутренней мотивации, укрепление профессиональной идентичности	Поддержание высокой результативности при ограниченных ресурсах
Согласование формальных и неформальных норм	Гармонизация регламентов и реальных практик, снижение конфликтности	Укрепление доверия между руководством и сотрудниками
Баланс стабильности и развития	Сочетание структурной устойчивости с открытостью инновациям	Снижение рисков дезорганизации, повышение адаптивности
Нематериальные стимулы	Признание, символический капитал, доверие как основа компенсации дефицита материальных ресурсов	Удержание кадров, повышение удовлетворенности трудом
Управленческая устойчивость	Поддержка статуса руководителей, укрепление их легитимности	Повышение качества принятия решений, снижение сопротивления изменениям

Составлено и обобщено авторами.

Комплексность этих эффектов демонстрирует, что организационная культура в интегративном понимании становится стратегическим ресурсом

управления. Она не только компенсирует ограниченность традиционных материальных стимулов, но и формирует долгосрочные основания для устойчивого функционирования социальных организаций.

Рассмотрение системного, коммуникационного и поведенческого подходов показало, что каждый из них в отдельности фиксирует лишь часть феномена организационной культуры. Системный аспект обеспечивает понимание культуры как структурной подсистемы, коммуникационный — как механизма легитимации решений и снижения неопределенности, поведенческий — как совокупности практик, регулирующих мотивацию и вовлеченность персонала.

Проведенный анализ позволил выявить ограничения изолированного применения подходов и обосновать необходимость их интеграции. Предложенная агрегированная модель организационной культуры объединяет структурные, коммуникативные и поведенческие измерения, что формирует основу для более целостного понимания управленческих процессов.

Научная новизна заключается в переходе от линейных моделей культуры к интегрированному подходу, который позволяет описывать ее как многоуровневый ресурс организации. Такое видение расширяет аналитический инструментарий управления, выводит культуру за рамки узко трактуемых функций и демонстрирует ее стратегический потенциал.

Практическая значимость заключается в том, что интегрированный подход открывает возможности для проектирования эффективных систем мотивации, выстраивания доверия и согласования формальных и неформальных норм. В социальной сфере это особенно важно, поскольку ограниченность ресурсов требует использования нематериальных стимулов, укрепления профессиональной идентичности и поддержания устойчивости управленческих решений.

Перспективы дальнейших исследований связаны с развитием интегративной модели организационной культуры за счет включения

дополнительных измерений — ценностного и обменного. Их учет позволит расширить аналитический горизонт и выявить новые механизмы влияния культуры на эффективность организаций, особенно в условиях социальных и экономических трансформаций.

Интеграция системного, коммуникационного и поведенческого подходов формирует основу для целостного понимания организационной культуры, что делает ее одним из ключевых нематериальных ресурсов управления в социальной сфере.

Список литературы

1. Bertalanffy L. von. General System Theory – A Critical Review // General Systems. Vol. VII. 1962. P. 1–20.
2. Луман Н. Общество как социальная система. Пер. с нем./ А. Антоновский. М: Издательство Логос, 2004. – 232 с.
3. Шейн Э.Х. Организационная культура и лидерство / Пер. с англ. под ред. В. А. Спивака. — СПб: Питер, 2002. — 336 с.
4. Mayo E. Human Problems of Industrial Civilization / N.Y., 1946. – 457 p.
5. Кузнецова Л.В. Хороший лидер не имеет подчиненных (Мэри Паркер Фоллетт — теоретик менеджмента) // Менеджмент в

России и за рубежом. – 2003. - № 6. – С.48-61.

6. Афанасьев В.Г. Общество. Системность, познание и управление. – М.: Политиздат, 1981. – 432 с.
7. Пригожин А.И. Методы развития организаций. М.: МЦФЭР, 2003. - 863 с.

References

1. Bertalanffy L. (1962). von. General System Theory – A Critical Review. *General Systems*. Vol. VII. 1962.1–20.
2. Luhmann N. (2004). Society as a Social System. Translated from German by A. Antonovsky. Moscow: Logos Publishing House. 232 p.
3. Shane E.X. (2002). Organizational Culture and Leadership / Translated from English by V. A. Spivak. St. Petersburg: Piter. 336 p.
4. Mayo E. (1946). *Human Problems of Industrial Civilization*. New York. 457 p.
5. Kuznetsova L.V. (2003). A Good Leader Has No Subordinates (Mary Parker Follett – Management Theorist). *Management in Russia and Abroad*. 6. 48-61. (In Russ.)
6. Afanasyev V.G. (1981). *Society. Systematicity, Cognition and Management*. Moscow: Politizdat, 432. (In Russ.)
7. Prigogine A.I. (2003). *Methods of Organization Development*. Moscow: MCFER, 863. (In Russ.)

УДК: 338.1

Параллельный импорт как эффективный инструмент таможенной политики Российской Федерации в условиях санкций

С.А. Щербакова^{1,2}, Е.А. Швец³

¹Смоленский государственный университет, г. Смоленск, 214000, Российская Федерация

²Севастопольский государственный университет, г. Севастополь, 299015, Российская Федерация

³Балтийский федеральный университет имени Иммануила Канта, г. Калининград, 236041, Российская Федерация

^{1,2}sollos@mail.ru, ³shvets.ekaterina1209@mail.ru

Статья поступила 15.09.2025

Аннотация

Особую роль в развитии национальной экономики и обеспечении ее интеграции в мировое хозяйство играет таможенная политика. В условиях санкционного давления на экономику России на первый план вышли меры, направленные на минимизацию негативного воздействия введенных в отношении страны запретов и ограничений. Основными из них стали быстрое переориентирование отечественных производителей на новые рынки сбыта, реализация курса импортнезависимости и легализация параллельного импорта. Наибольшее негативное влияние санкции оказали на отрасли, которые наиболее зависимы от импортных поставок, особенно, автомобилестроение и сектор электроники. Говоря о стабилизации выделенных секторов экономики России, следует отметить, что использование параллельного импорта в качестве инструмента современной таможенной политики позволило, во-первых, сохранить необходимый для потребителей ассортимент товаров, не допустив дефицит той или иной категории продукции на внутреннем рынке, во-вторых, сдержать рост цен, сделав иностранные товары более доступными для населения. В статье, на основе анализа статистических данных за 2020-2024 гг., подтверждается значимости параллельного импорта в стабилизации национальной экономики и насыщения внутреннего рынка необходимым ассортиментом товаров. Также в исследовании выявлены проблемные области и риски параллельного импорта и даны пути их решения.

Ключевые слова: национальная экономика, таможенная политика, параллельный импорт, Российская Федерация.

JEL codes: R 22

Parallel Import as an Effective Instrument of the Customs Policy of the Russian Federation in the Context of Sanctions

S.A. Shcherbakova^{1,2}, E.A. Shvets³

¹Smolensk State University, Smolensk, 214000, Russian Federation

²Sevastopol State University, Sevastopol, 299015, Russian Federation

³Immanuel Kant Baltic Federal University, Kaliningrad, 236041, Russian Federation

^{1,2}sollos@mail.ru, ³shvets.ekaterina1209@mail.ru

Received 15.09.2025

Abstract

Customs policy plays a special role in the development of the national economy and ensuring its integration into the global economy. In the context of sanctions pressure on the Russian economy, measures aimed at minimizing the negative impact of bans and restrictions imposed on the country have come to the fore. The main ones were the rapid reorientation of domestic producers to new sales markets, the implementation of an import-independence policy and the legalization of parallel imports. The sanctions had the greatest negative impact on industries that are most dependent on imports, especially the automotive and electronics sectors. Speaking about the stabilization of the selected sectors of the Russian

economy, it should be noted that the use of parallel imports as a tool of modern customs policy made it possible, firstly, to preserve the range of goods necessary for consumers, preventing a shortage of a particular product category in the domestic market, and secondly, to curb price increases by making foreign goods more affordable for the population. Based on the analysis of statistical data for 2020-2024, the article confirms the importance of parallel imports in stabilizing the national economy and saturating the domestic market with the necessary range of goods. The study also identifies problem areas and risks of parallel imports and provides solutions.

Keywords: national economy, customs policy, parallel import, Russian Federation.

Введение

В условиях санкционного давления таможенная политика России, представляющая собой систему экономических, политических, организационно-правовых инструментов, направленных на защиту экономических интересов государства в условиях формирования и развития международных торгово-экономических отношений, существенно реформировалась.

На первый план вышли меры, направленные на минимизацию негативного влияния введенных в отношении России странами Запада и США запретов и ограничений. Основными «антисанкционными» мерами стали быстрое переориентирование отечественных производителей на новые рынки сбыта, реализация курса импортонезависимости и легализация параллельного импорта.

Именно параллельный импорт стал наиболее эффективным инструментом таможенной политики России, действующей в условиях затяжного санкционного давления.

Параллельный импорт представляет собой метод реализации внешнеторговых операций «в обход» санкций, а именно ввоза оригинальных товаров, компании-производители которых прекратили их прямые поставки на российский рынок после введения недружественными странами дискриминационных мер, через официальных дистрибьютеров или сторонних поставщиков без согласия правообладателя или производителя.

Таким образом, параллельный импорт как инструмент современной таможенной политики России следует рассматривать как необходимую для обеспечения внутреннего рынка востребованными среди

отечественных потребителей товарами и, соответственно, не допущения их дефицита и резкого роста цен, меру.

Анализ последних исследований и публикаций

В последние несколько лет интерес к теме параллельного импорта со стороны отечественных исследователей существенно увеличился. Липин Е.А., Набок А.Р., Цой А.В., Ворона А.А. [1] раскрывают сущность понятия параллельного импорта, основные причины его легализации в России. По мнению авторов, под параллельным импортом понимается ввоз в страну товаров без согласия правообладателя или производителя, а параллельность процесса заключается в осуществлении поставок совместно с поставками от официальных дилеров. В качестве главных причин легализации параллельного импорта авторы рассматривают необходимость сдерживания роста цен посредством недопущения дефицита на российском рынке тех или иных категорий товаров. Солидарна с вышеупомянутыми авторами исследователь Филимонова А.И. [2], которая также основной причиной легализации параллельного импорта считает необходимость сохранения широкого ассортимента товаров на внутреннем рынке в целях недопущения дестабилизации национальной экономики.

Схожая с ранее представленным определением трактовка понятия «параллельный импорт» представлена в работе Зингер О.А. и Ильясовой А.В. [3], по мнению которых, параллельный импорт – это ввоз оригинальной продукции через альтернативные каналы. В своих научных трудах авторы делают акцент на том, что легализация параллельного импорта не означает ввоз в страну контрабанды, так как в отношении ввозимых «параллельно»

товаров установлен ряд требований, несоблюдение которых ведет к невозможности совершения сделки. Сущность этих требований раскрывают Бабанов А.Б., Бохан П.А. и Шетов А.А. [4]. Авторы отмечают, что для осуществления поставок параллельным импортом участник ВЭД должен предоставить сопроводительные документы и сертификаты, подтверждающие качество и безопасность товаров, а также уплатить таможенные пошлины и налоги. При этом ввозимый товар должен быть включен в разрешенный Министерством промышленности и торговли перечень. Особое внимание изучению особенностей формирования и изменения разрешенного для параллельного импорта перечня товаров уделяют Фальченко О.Д. и Стремоусова Е.Г. [5], которые конкретизируют такие товары.

Игнатьева Г.В. [6] в качестве главных рисков параллельного импорта рассматривает проблемы, связанные с таможенным сопровождением, а именно сложность проведения таможенного контроля и, как следствие, увеличение случаев попадания на внутренний рынок контрафакта. Не менее значимыми проблемами являются риски повышения стоимости товаров, вызванного ростом затрат на логистику. Еще одна проблема – риск введения вторичных санкций в отношении главных партнеров России, с участием которых осуществляются поставки параллельным импортом. Сущность этой проблемы в своём исследовании раскрывает Ивегеш О.А. [7]. Центральное место в работе Мартемьяновой К.Ю. [8] занимают вопросы правового характера, в том числе риски нарушения международных и национальных обязательств и правовые средства их предотвращения.

Данные и методы

Цель исследования – проанализировать роль параллельного импорта в стабилизации национальной экономики и насыщении внутреннего рынка необходимым для отечественных потребителей ассортиментом товаров, а

также выявить проблемные области и риски параллельного импорта и определить возможные пути их решения.

Объект исследования – параллельный импорт.

Предмет исследования – механизм применения параллельного импорта как эффективного инструмента противодействия санкционному давлению Запада.

В качестве основных методов исследования использовались: метод экспертной оценки, анализ статистической и аналитической информации, включая динамику импортных поставок по «традиционной» схеме и доли параллельного импорта в них, изменения в период реализации санкционной политики объемов поставок отдельных категорий товаров, а именно электроники и новых легковых автомобилей, структура их импорта.

В исследовании использовались данные Федеральной таможенной службы России, Министерства промышленности и торговли, Центра стратегических разработок, аналитического агентства АВТОСТАТ, интернет-издания Mobile-review.

Результаты исследования

После начала реализации странами Запада и США санкционной политики российский рынок существенно реформировался. Так, многие компании, которых в 2022 г. насчитывалось более 5 тыс., 600 из которых – крупные коммерческие предприятия, приняли решения покинуть российский рынок по объективным или субъективным причинам [9]. Около трети всех зарубежных компаний, осуществляющих свою деятельность на российском рынке, после введения санкций приостановили любую маркетинговую и инвестиционную деятельность. Примерно равные доли компаний решили приостановить операционную деятельности, а также уйти с российского рынка с продажей своих активов. На них пришлось в конце февраля 2022 г. 28% и 27% соответственно. Оставшиеся 12% предпочли просто уйти с российского рынка и закрыть бизнес (в

последствии 1% от общего числа принявших решение об уходе с российского рынка компаний с закрытием бизнеса предпочли вернуться).

Наиболее активно об уходе с российского рынка заявляли финские, датские и британские компании. При этом компании таких стран как Австрия, Япония и Швейцария действовали более прагматично и массово не предпринимали решения об уходе с рынка.

В сложившихся реалиях существенно увеличились риски дефицита востребованных среди отечественных потребителей товаров, особенно в тех секторах российского рынка, которые наиболее зависимы от импортных поставок. При этом наиболее эффективным и необходимым для насыщения внутреннего рынка необходимым для потребителей ассортиментом товаров, а также стабилизации цен на них инструментом выступил параллельный импорт.

В целом, параллельный импорт представляет собой метод реализации внешнеторговых операций, а именно ввоз в страну оригинальных товаров без согласия правообладателя или производителя. Параллельность процесса заключается в том, что импортные товары ввозятся в страну наряду с поставками официальных поставщиков. Одной из главных особенностей параллельного импорта является то, что в качестве поставщиков могут выступать только юридические лица и ИП. Физические лица и самозанятые могут ввозить товары только как товары для личного пользования.

Говоря о порядке декларирования товаров, ввозимых путем параллельного импорта, необходимо выделить несколько условий, исполнение которых участников ВЭД является обязательным для совершения такой внешнеторговой операции. Основными условиями является следующее:

- включение товара в перечень Минпромторга;
- предоставление таможенной декларации, содержащей полное описание о товаре, включая код ТН ВЭД ЕАЭС и название бренда;

- наличие подтверждающих качество и безопасность товаров документов и сведений;

- предоставление документов, подтверждающие оригинальность поставляемой на территорию государства продукции;

- подтверждение официального введения товаров в оборот за пределами России [10].

При несоблюдении какого-либо из выше представленных требований, в том числе несоответствии характеристик товара требованиям безопасности, его ввоз на территорию России не допускается, а поставляемая продукция признается контрафактом.

Помимо этого, для ввоза товара на территорию России параллельным импортом является обязательным предоставление потребителю гарантии. Таким образом, в случае выявления покупателем дефекта или технической неисправности в период гарантии, он вправе обратиться к официальному представителю продавца на территории страны либо поставщику. Еще одним условием параллельного импорта товаров является их обязательная маркировка.

Для оценки роли и значения параллельного импорта в стабилизации национальной экономики следует более подробно рассмотреть его влияние на объемы импортных поставок в целом и в разрезе отдельных отраслей [11] (рис.1).

В 2022 г. наблюдалось сокращение импортных поставок на 13%, что напрямую связано с разрывом многих торгово-экономических соглашений России со странами ЕС и США. В последующие два года объем импортных поставок находился примерно на одном уровне, превысив показатель 2022 г. на 10%. Одной из причин положительной динамики стала легализация в марте 2022 г. параллельного импорта.

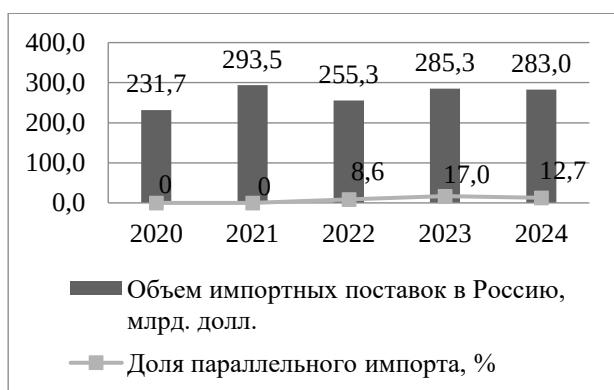

Рис. 1. Динамика импортных поставок в Россию в период 2020-2024 гг. и изменение доли в них параллельного импорта

С момента легализации параллельного импорта его объемы в стоимостном выражении превысили в конце 2024 г. 106 млрд. долл. При этом на долю параллельного импорта в 2022 г. пришлось всего 8,6% от общего объема импортных поставок. Вклад параллельного импорта в стабилизацию национальной экономики в течение последующего года существенно увеличился, о чем свидетельствует рост его доли в общем объеме российского импорта – в 2023 г. на параллельный импорт пришлось порядка 17% (+48,8% относительно показателя 2022 г.). Говоря о показателях 2024 г., следует отметить, что ежемесячный объем параллельного импорта сократился в среднем на 1 млрд. долл. США, что обусловлено развитием внутреннего производства и, как следствие, появлением аналогичных конкурентоспособных российских товаров, а в тех отраслях, где отечественное производство недостаточно развито – наращиванием объемов поставок из дружественных стран. В связи с этим, глава Министерства промышленности и торговли РФ планирует постепенно сокращать перечень товаров, разрешенных к параллельному импорту. Последние изменения были внесены Приказом Минпромторга России от 01.04.2025 г. №1572, согласно которому из перечня разрешенных товаров были исключены ноутбуки HP и Fujitsu, лазерные печатные устройства отдельных брендов и парфюмерно-косметическую продукцию, не относящуюся к лечебной [12]. Такое решение было принято в связи с тем, что отечественными производителями

представляются аналогичные товары в объеме, достаточном для замещения товаров из недружественных стран.

Прежде чем рассмотреть наиболее популярные для параллельного импорта категории товаров необходимо проанализировать роль отдельных стран, с участием которых осуществляются такого рода поставки. Так, в 2024 г. ключевыми хабами для параллельного импорта стали ОАЭ, Индия, Грузия, а также страны ЕАЭС (преимущественно Казахстан и Киргизия).

Выбор в качестве посредника импортных поставок попавших под санкции товаров ОАЭ обусловлено несколькими причинами. Начать следует с того, что после начала действия санкционной политики торгово-экономические отношения двух стран стали активно развиваться, благодаря чему у России появились возможности доступа к большому количеству складов крупнейших мировых поставщиков, сосредоточенных на территории ОАЭ. В результате активного развития двусторонних отношений между странами хорошо налажена логистика, что существенно снижает вероятность возникновения дополнительных материальных и временных издержек. Таким образом, организация параллельного импорта с участием ОАЭ является грамотным стратегическим решением. В основном через ОАЭ идут поставки электроники и бытовой техники.

Еще одним важным партнером в рамках реализации параллельного импорта выступает Грузия. Как в случае в ОАЭ, в качестве хаба для параллельного импорта Грузия была выбрана в связи с удобством логистического канала – наличие сухопутной границы как с Россией, так и с ее крупнейшим торговым партнером – Турцией. После введения странами Запада и США запрета на осуществление поставок на территорию России Грузия стала основным поставщиком следующих параллельным импортом легковых автомобилей, а также их комплектующих. Также значительным преимуществом поставок через Грузию является возможность «прямой» оплаты, т.е. отсутствие ограничений на совершение транзакций. Говоря о транзакциях,

необходимо отметить, что отключение России от международных платежных систем, а также запрет на проведение операций банками иностранных государств, стали причинами сокращения объемов параллельного импорта через Китай и Турцию, которые в 2022 г. являлись основными путями разрешенных для транспортировки данной схемой «подсанкционных» товаров. Иными словами, ввоз товаров через Китай и Турцию в рамках параллельного импорта имел высокие риски финансовых потерь, сделав такие поставки нецелесообразными.

В середине 2024 г. на смену Китаю и Турции в качестве посредника в поставках «подсанкционных» товаров пришла Индия. Главными преимуществами Индии в качестве одного из хабов для параллельного импорта в Россию является:

- простота закупок оригинальных товаров, что обусловлено функционированием на территории страны множества европейских производств;

- финансовая «анонимность», т.е. возможность выполнения долговых обязательств по внешнеторговым договорам в обход международной системы SWIFT (перевод российских рублей в рупии осуществляется без использования системы SWIFT), что существенно снижает валютно-финансовые риски;

- развитая инфраструктура, позволяющая в минимальные сроки доставлять товары на территорию России;

- сравнительно низкие риски вторичных санкций, что связано с низкой вовлеченностью Индии (в отличие от Китая и Турции) в торговые и политические отношения с США.

Также следует отметить, что особую роль в поддержке на необходимом для насыщения внутреннего рынка уровне объемов параллельного импорта играют страны ЕАЭС. Осуществление поставок через эти страны является наиболее экономически выгодным вариантом, что обусловлено отсутствием в рамках Союза обязанности уплаты ввозных таможенных пошлин и налогов, а также действием упрощенной системы таможенного оформления и таможенного контроля импортируемых товаров. В 2024 г.

лидерами из числа государств-членов ЕАЭС по объему ввезенных параллельным импортом товаров стали Казахстан и Киргизия.

Проанализировав преимущества сотрудничества России со странами-хабами для параллельного импорта, следует перейти к рассмотрению наиболее популярных для такого вида поставок товаров. Так, для выявления наиболее популярных для параллельного импорта категорий товаров исследовательским сервисом «МойСклад» был проведен опрос представителей малого и среднего бизнеса, специализирующихся, в том числе и на поставках различных категорий товаров. Наиболее популярными товарами для параллельного импорта является электроника, товары для дома, а также одежда и обувь – 41%, 34% и 31% от общего числа опрошенных соответственно. Наименее популярной по результатам опроса является такая категория как товары для красоты и здоровья, что обусловлено тем, что Минпромторг сократил перечень компаний (брендов), продукцию которых можно поставлять на территорию России параллельным импортом.

По состоянию на 1 мая 2025 г., перечень разрешенных для параллельного импорта товаров включает в себя 96 категорий товаров. Так, наиболее зависимыми от параллельного импорта отраслями национальной экономики выступают электроника и бытовая техника, автомобильная и транспортная промышленность, чуть менее зависимыми – продукты питания, одежда и ритейл. Согласно разрешенному перечню, наибольшая доля поставляемой параллельным импортом электроники производится американскими компаниями. Так, в число американских компаний, чья продукция разрешена к ввозу на территорию России параллельным импортом, в 2025 г. входит 30 брендов. Говоря о перечне разрешенных к параллельному импорту марок автомобилей и их комплектующих, можно отметить, что наибольшую долю составляют товары из Германии и Японии (разрешен ввоз продукции 14 немецких и 12 японских компаний).

Как было отмечено ранее, наиболее популярной для параллельного импорта признана такая категория товаров как электроника. Этот же сектор российской экономики является наиболее зависимым от импортных поставок, что подтвердило резкое сокращение продаж электроники в период введения санкций [13] (рис.2).

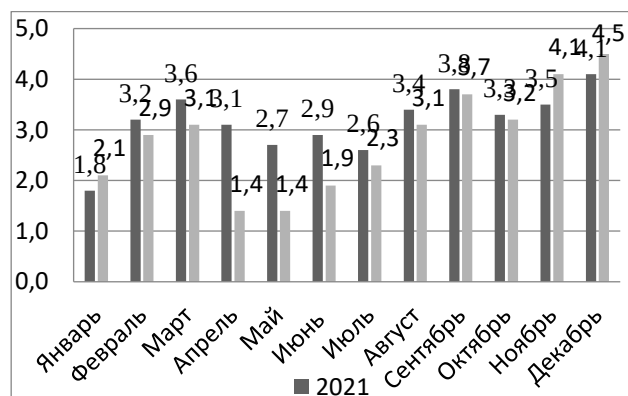

Рис. 2. Изменение динамики продаж электроники в период начала действия санкционной политики 2021-2022 гг., млн. руб.

Согласно данным, представленным на рисунке 2, после введения странами Запада и США различного рода запретов и ограничений, а именно в апреле и мае 2022 г., продажи электроники упали до 1,4 млн. рублей, что ниже показателя апреля и мая 2021 г. на 54,8% и 48,1% соответственно. Продажи в апреле 2022 г. снизились на 54,8% относительно показателя марта 2022 г. При этом после легализации параллельного импорта продажи электроники стали стремительно увеличиваться и составили в конце декабря 2022 г. 4,5 млн. рублей, тем самым не только достигнув показателя досанкционного периода, но и превысив его на 8,9%. Таким образом, доля параллельного импорта в общем объеме реализованных на внутреннем рынке смартфонов составила к концу 2022 г. более 19%.

Также быстро возросла роль параллельного импорта в поставках планшетов и ноутбуков, о чем свидетельствует увеличение его доли в общем объеме импорта с 0% в марте 2022 г. до 27,5% и 53,0% в декабре 2022 г. соответственно. На рисунке 3 и 3а представлена динамика изменения доли параллельного импорта в общей структуре

поставляемых товаров в период 2022-2024 гг.

Рис. 3. Изменение доли параллельного импорта в общей структуре импорта планшетов в период 2022-2024 гг., млн. шт.

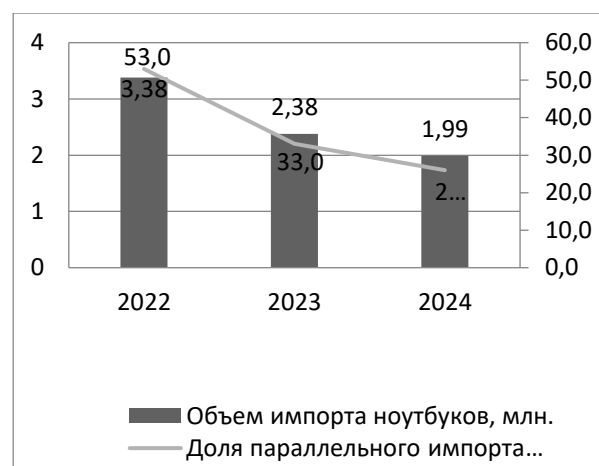
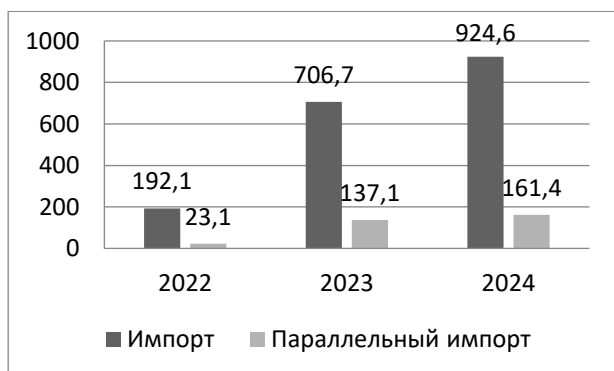

Рис. 3а. Изменение доли параллельного импорта в общей структуре импорта ноутбуков в период 2022-2024 гг., млн. шт.

Представленные данные (рис. 3 и 3а) позволяют сделать вывод о вкладе параллельного импорта в стабилизацию ситуации на внутреннем рынке. Так, в период резкого сокращения поставок зарубежной продукции параллельный импорт выступил в качестве инструмента «обхода» санкций и позволил сохранить необходимый для потребителей ассортимент товаров, о чем свидетельствует его значительная доля в общем объеме импортных поставок. Говоря о периоде 2023-2024 гг., следует отметить сокращение доли товаров, ввезенных параллельным импортом в общем объеме импортируемых товаров, что обусловлено усилением

присутствия на российском рынке китайских поставщиков и ростом производства отечественной техники. По данным рисунка 19, в 2024 г. на долю ввезенных параллельным импортом планшетов и ноутбуков пришлось 13% и 26% от общего объема импортированных планшетов, что ниже показателя предыдущего года на 13,3% и 21,2% соответственно, а также ниже показателя 2022 г. на 52,7% и 50,9% соответственно. Такая же тенденция наблюдается и в других сегментах электроники.

Проанализировав роль параллельного импорта в стабилизации внутреннего рынка России в сегменте электроники в период введения санкционных ограничений, следует также рассмотреть изменение импортных поставок (включая поставки, реализуемые посредством параллельного импорта) новых легковых автомобилей [14]. Анализ динамики импорта новых легковых автомобилей и изменения в нем доли параллельного импорта в период 2022-2024 гг. представлен на рисунке 4.

Данные за 2022 г. по объему параллельного импорта представлены с марта по декабрь, т.е. с момента легализации параллельного импорта.

Рис. 4. Динамика импорта новых легковых автомобилей и доля в нем параллельного импорта в период 2022-2024 гг., тыс. ед.

Ранее отмечалось, что легализация параллельного импорта была необходимой мерой для сдерживания роста цен на новые легковые автомобили, реализуемые на российском рынке. Так, в 2022 г. объем импортных поставок уменьшился относительно показателя 2021 г. на 55%, что напрямую связано с уходом с рынка России наиболее популярных (на тот момент) автомобильных марок. За десять месяцев 2022 г. доля параллельного

импорта в общем объеме импортных поставок возросла с 0% в марте до 12% в декабре. Согласно представленным на рисунке 20 данным, в 2023 г. наблюдалось резкое увеличение показателя (+72,8% относительно показателя 2022 г.) до 706,7 тыс. новых легковых автомобилей, 137,1 тыс. из которых ввезены на территорию России путем параллельного импорта. Соответственно, в 2023 г. доля параллельного импорта составила более чем 19% (прирост показателя относительно 2022 г. – 36,8%).

Положительная динамика сохранилась и в 2024 г. Так, объем импорта новых легковых автомобилей в 2024 г. превысил 924,6 тыс. единиц (+23,6% относительно показателя предыдущего года и +79,2% относительно показателя 2022 г.). При этом доля параллельного импорта в общем объеме импортных поставок автомобилей составила в 2024 г. 17,5%, т.е. снизилась на 9,8% относительно показателя предыдущего года. Такая динамика обусловлена тем, что на автомобильном рынке России увеличивается роль китайских марок, которые по итогам 2024 г. составили почти 57% от общего объема реализованных легковых автомобилей на внутреннем рынке. По прогнозам экспертов, роль параллельного импорта в насыщении внутреннего рынка новыми моделями легковых автомобилей будет постепенно снижаться при сохранении (наращивании) тенденции укрепления позиций китайских автомобильных марок, а также развитию внутреннего производства.

Структура параллельного импорта, представленная на рисунке 5, позволяет сделать вывод касательно популярности тех или иных категорий (типов) легковых автомобилей среди отечественных потребителей. Согласно представленным данным, примерно равные доли ввозимых в 2024 г. на территорию РФ параллельным импортом легковых автомобилей составили автомобили класса SUV и класса D – 28% и 26% соответственно. На третьем месте по объему поставок находились автомобили класса C – 20%.

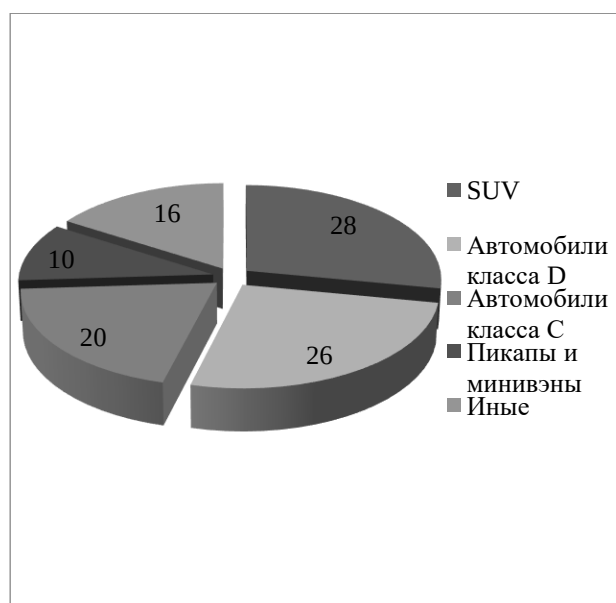

Рис. 5. Структура автомобилей по классам, ввозимых на территорию РФ параллельным импортом в 2024 г., %

По данным аналитического агентства «Автостат Инфо», в первом квартале 2025 г. на рынке России продано почти 165 тыс. автомобилей класса SUV (-30,6% относительно показателя первого квартала 2024 г.), ввозимых на территорию государства как «традиционным», так и параллельным импортом. Несмотря на снижение продаж данной категории автомобилей, именно она является наиболее популярной среди отечественных потребителей. Лидирующие позиции по объему продаж (по состоянию на конец марта 2025 г.) заняли Haval, Chery и Lada – 31,2 тыс., 24,3 тыс. и 16,0 тыс. автомобилей класса SUV. Также аналитическим агентством были представлены данные по продажам за первый квартал 2025 г. автомобилей в сегментах C и D, которые составили 5,6 тыс. единиц и 5,2 тыс. единиц соответственно. Снижение показателя относительно аналогичного периода предыдущего года – 56% и 32% соответственно.

Говоря о продаже пикапов, также следует отметить снижение показателя на 9% в первом квартале 2025 г. относительно аналогичного периода предыдущего года. Наиболее популярными марками по итогам марта 2025 г. стали китайские марки JAC, Great Wall и Foton, а также российские марки Sollers и Foton. При этом был зафиксирован стремительный рост продаж

компаний JAC, Foton и российской марки Sollers – 60%, в 6,2 раза и 92% относительно первого квартала 2024 г. соответственно.

Далее представим анализ параллельного импорта в разрезе наиболее востребованных на внутреннем рынке марок автомобилей (рис.6).

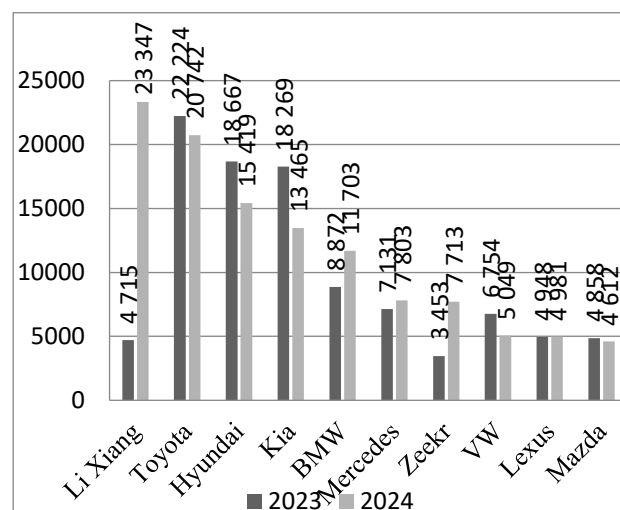

Рис. 6. ТОП-10 марок новых легковых автомобилей, ввозимых параллельным импортом на территорию РФ в период 2023-2024 гг., ед.

В 2024 г. по объемам продаж (в натуральном выражении) в ТОП-3 вошли такие бренды как Li Xiang, Toyota и Hyundai. Наибольший рост продаж в период 2023-2024 гг. был зафиксирован по новым легковым автомобилям китайских марок – Li Xiang и Zeekr (+79,8% и +55,2% относительно 2023 г. соответственно). Автомобили данных марок поставляются параллельным импортом в связи с тем, что они не имеют официальных каналов поставок продукции на российском рынке. Важно отметить, что поставки легковых автомобилей представленных китайских марок осуществляются в индивидуальном порядке, т.е. сами компании не предоставляют потребителям заводских гарантий. В начале апреля 2025 г. представляющая интересы китайской компании Li Xiang Sinomach Auto выбрала 32 официальных дилера. Именно эта автомобильная марка в 2024 г. стала лидером по продажам, тогда как в 2023 г. занимала только 9 строчку рейтинга. В натуральном выражении продажи Li Xiang составили более 23,3 тыс. новых легковых автомобилей. В приоритете – гибридные кроссоверы L6, L7 и L9, на которые

приходится основная часть спроса в России. Говоря о компании Zeekr, следует отметить, что наиболее популярными моделями являются электромобили премиум-класса. Ее продажи в 2024 г. составили 7,7 тыс. легковых автомобилей.

Отдельно следует отметить, что в рассматриваемый период в ТОП-10 автомобильных марок по объемам продаж вошли южнокорейские, японские и немецкие бренды. При этом увеличение поставок среди этих компаний наблюдалось только у BMW и Mercedes, продажи которых составили в 2024 г. 11,7 тыс. и 7,8 тыс. новых легковых автомобилей (+24,2% и +8,6% относительно 2023 г. соответственно). На уровне предыдущего года остались продажи японского бренда Lexus (+0,7% относительно показателя предыдущего года). По остальным брендам, входящим в ТОП-10 по продажам, было зафиксировано снижение показателя: Toyota (-6,7%), Hyundai (-17,4%), Kia (-26,3%) и Volkswagen (-25,2%).

Исходя из этого, можно сделать вывод, что благодаря параллельному импорту удастся сохранить некое разнообразие на автомобильном рынке России. Но несмотря на это, как было отмечено ранее, наиболее востребованными остаются китайские бренды, даже те, которые не имеют официальных каналов поставок и ввозят свою продукцию посредством параллельного импорта.

В целом параллельный импорт можно рассматривать как инструмент противодействия санкционному давлению, так как именно благодаря его использованию стало возможным снизить негативное влияние от введенных странами Запада и США запретов и ограничений, не допустив полной изоляции российской экономики. Но, несмотря на очевидные преимущества, параллельный импорт имеет несколько проблемных областей и влечет за собой различного рода риски, которые далее следует рассмотреть более подробно.

Начать следует с такой проблемы как высокий риск увеличения на внутреннем рынке объемов контрафактных товаров, т.е. товаров, которые поставляются на территорию России с нарушением действующего законодательства. Для

лучшего понимания данной проблемы необходимо еще раз отметить главное отличие параллельного импорта от «серого» импорта – для ввоза продукции параллельным импортом и ее свободной реализации на внутреннем рынке заинтересованное лицо должно предоставить в таможенный орган документы, подтверждающие качество и безопасность, оригинальность товаров (документы, подтверждающие цепочки договоров поставок), а также подтверждение официального введения их в оборот за пределами России. Соответственно, отсутствие какого-либо из ранее обозначенных документов, как и предоставление заведомо недостоверных или неполных сведений о товаре (его качественных и количественных характеристиках, таможенной стоимости и т.д.) будет являться основанием для признания ввозимой партии товаров контрафактом.

Так, параллельный импорт открывает дополнительные возможности не только для добросовестных участников ВЭД, но и для участников ВЭД, которые намерены в максимальной степени сократить свои материальные издержки для получения большей прибыли. Сущность данной проблемы заключается в том, что вместе с оригинальными товарами параллельным импортом на рынок России может ввозиться и контрафактная продукция.

Важно отметить, что дальнейшее увеличение случаев попадания на внутренний рынок контрафактных товаров влечет за собой множество рисков. Начать следует с того, что в случае предоставления недостоверных сведений о качестве и безопасности продукции, ровно, как и нелегальный провоз на территорию государства тех или иных категорий товаров (контрабанда), существенно повышаются риски причинения вреда жизни и здоровью населения страны, их имуществу и окружающей среде.

Импорт на территорию России контрафактной продукции может также повлечь увеличение рисков дестабилизации национальной экономики. Сущность данной проблемы заключается в том, что контрафактная продукция реализуется на

внутреннем рынке по более низким ценам, чем аналогичные марки (бренды), что делает ее привлекательнее для потребителей. В таком случае финансовые потери несут как отечественные предприниматели и производители, так и официальные поставщики товаров, следующих параллельным импортом, ввиду падения спроса на их продукцию из-за непривлекательной цены. Наряду с финансовыми потерями официальных дистрибьютеров и сторонних поставщиков следует также выделить репутационные риски. Зачастую контрафактная продукция представляет собой товар более низкого качества, чем оригинальный образец, что влечет снижение уровня удовлетворенности потребителей и, как следствие, их доверия как к компании-производителю, так и к его официальному представителю на внутреннем рынке.

В рамках такой проблемы как увеличение рисков попадания на внутренний рынок контрафактной продукции необходимо выделить такую проблемную область как низкий уровень эффективности ТРОИС в условиях легализации параллельного импорта. Сущность данной проблемы заключается в том, что до легализации параллельного импорта таможенные органы на регулярной основе направляли уведомления правообладателям и их представителям о приостановлении выпуска тех или иных товаров по факту проведения проверки законности их ввоза на территорию государства для получения обратной связи – правообладатель либо подтверждает право участника ВЭД на ввоз и реализацию товара определенного бренда на российском рынке, либо урегулирует этот «конфликт» с точки зрения гражданско-правовых взаимоотношений, тогда как на сегодняшний день такие уведомления от таможенных органов поступают все реже. Иными словами, в условиях параллельного импорта эффективность ТРОИС снижается, что влечет повышение рисков несоблюдения исключительных прав официальных представителей иностранных компаний.

Еще одной проблемной областью параллельного импорта можно считать

сложность контроля законности реализуемых внешнеторговых операций. Сложность проведения таможенного контроля на предмет выявления контрафакта обусловлена низкой эффективностью работы ТРОИС наряду с большим количеством схем, реализуемых в рамках недостоверного декларирования с целью получения наибольшей экономической выгоды. Наиболее значимыми в условиях параллельного импорта схемами недостоверного декларирования следует считать следующие:

- регистрация таможенных деклараций на основе подложных (фальсифицированных) договоров с производителями товаров;

- заявление неполных или недостоверных сведений о классификационном коде товара.

Говоря о первой проблеме, следует отметить, что регистрация декларации на основе подложных договоров с производителями товаров заведомо является нарушением закона и влечет за собой финансовые, репутационные и иные, рассмотренные ранее, риски для официальных дистрибьютеров и сторонних поставщиков.

Вторую проблему необходимо рассматривать не только в рамках контроля законности параллельного импорта, но и импортных поставок в целом. Во-первых, от классификационного кода товара зависит совокупность применяемых в отношении него мер государственного регулирования, включая инструменты таможенно-тарифного регулирования (например, повышенные ввозные таможенные пошлины, право на использование тарифных преференций и т.д.) и нетарифного регулирования (например, количественные ограничения ввоза той или иной категории товаров, обязанность предоставления подтверждения прохождения дополнительного вида государственного контроля). Во-вторых, как было отмечено ранее, утвержденный Минпромторгом России перечень разрешенных для параллельного импорта товаров, представляет собой ряд классификационных группировок,

сформированных в соответствии с классификационными кодами ТН ВЭД ЕАЭС. Так, при заявлении неверного классификационного кода поставляемого товара ровно, как и предоставление неполных или недостоверных сведений о его характеристиках, влияющих на определение кода в соответствии с ТН ВЭД ЕАЭС, может стать причиной несоблюдения норм действующего законодательства, а именно незаконного ввоза на территорию страны запрещенных к параллельному импорту товаров.

Также в рамках исследования проблемных областей осуществления параллельного импорта необходимо выделить проблемы, связанные с логистикой, а также высокие валютно-финансовые риски. Как отмечалось ранее, введенные в рамках санкционной политики запреты и ограничения стали причиной изменения «привычных» логистических цепочек. В связи с этим логистика существенно усложнилась, что повлекло увеличение как временных, так и материальных издержек. Если ранее поставки товаров занимали около 2-3 недель, то сейчас этот срок увеличился в среднем до 3-4 месяцев. Более сложные логистические цепочки требуют от поставщиков больших материальных затрат на вознаграждение посредникам, покрытие транспортных расходов, страхование и т.д., что отражается на конечной стоимости товара. При этом значительно увеличились риски финансовых потерь вследствие безвозвратной утраты или порчи товара в процессе длительной транспортировки. Для решения этой проблемы поставщики увеличили размер предоплаты с 10-20% от стоимости товара до обязательного внесения на счет полной суммы, что фактически отсекает сегмент малого бизнеса от схемы параллельного импорта.

Особое значение для развития параллельного импорта играет минимизация валютно-финансовых рисков. Сущность данной проблемы заключается в том, что, как было отмечено ранее, после отключения российских банков от международных платежных систем значительно усложнились процессы исполнения участниками ВЭД долговых

обязательств по внешнеторговым договорам. В рамках изучения основных торговых партнеров России, с участием которых осуществляются поставки параллельным импортом, проблема осуществления транзакций была зафиксирована в таких странах как ОАЭ, Турция и Китай. Говоря о параллельном импорте, осуществляемом с участием ОАЭ, необходимо отметить, что на сегодняшний день существует риск снижения поставок товаров по такой схеме, что обусловлено участвовавшими с августа 2024 г. отказами эмиратских банков в проведении оплаты от российских компаний. Так, сейчас банки ОАЭ не принимают денежные средства из России ровно, как и не проводят платежи в обратную сторону. Также банки ОАЭ стали массово закрывать российские счета как юридических, так и физических лиц. Такая тенденция вызвана тем, что основная категория товаров, поставляемая в рамках параллельного импорта из ОАЭ в России, импортируется из Китая, банки которого стали запрашивать у дубайских партнеров данные о происхождении средств и таможенные декларации.

Значимость решения проблем с осуществлением транзакций в банках ОАЭ обусловлена тем, что в случае снижения объемов поставок электроники из этой страны, возможен резкий рост цен на данную категорию товаров – по прогнозам аналитиков цены на отдельные виды электроники могут увеличиться в среднем на 10%.

Главной причиной таких ограничений является ужесточение политики китайских банков, связанное с высокими рисками введения вторичных санкций со стороны западных партнеров. По этой же причине в 2024 г. Китай вышел из числа основных стран-хабов для параллельного импорта в Россию. Основными сложностями, с которыми сталкивались и продолжают сталкиваться сегодня российские предприниматели при осуществлении денежных переводов через китайские банки, являются следующие:

- длительная процедура проверки поступающих от российских предпринимателей, а также других участников ВЭД, которые могут быть

связаны с Россией, платежей (в среднем около месяца);

- высокие риски отказа в приеме платежей, т.е. поступающие в китайские банки платежи возвращаются без исполнения, в том числе по «непрозрачным» причинам.

для обеспечения должного уровня защиты экономических интересов государства, здоровья и жизни населения, а также повышения эффективности механизма параллельного импорта необходимо разработать комплексное решения, затрагивающее как правовые, так и технические аспекты.

Начать следует с разработки комплекса мер для решения проблем, отнесенных к группе таможенных, а именно сложности проведения таможенного контроля в условиях легализации параллельного импорта. Значимость поиска решений данной проблемы обусловлена влиянием уровня эффективности и результативности таможенного контроля на внешнеторговую деятельности и экономическую безопасность страны в целом. Иными словами, низкая эффективность таможенного контроля может повлечь как увеличение рисков попадания на внутренний рынок России контрафактной продукции, так и рисков материальных потерь для всех субъектов процесса (таможенных органов, официальных дистрибьютеров, сторонних поставщиков).

Одним из возможных путей решения проблемы является укрепление и развитие международного сотрудничества в рамках ЕАЭС. Ранее отмечалось, что по итогам 2024 г. в число основных хабов для параллельного импорта вошли Казахстан и Киргизия, которые, как и Россия, являются государствами-членами ЕАЭС. Соответственно, развитие сотрудничества таможенных органов в рамках интеграционного объединения позволит существенно минимизировать риски попадания на внутренний рынок контрафакта. Достичь поставленной цели можно благодаря доработке и внедрению в работу таможенных органов государств-членов ЕАЭС ТРОИС ЕАЭС (Единый ТРОИС – ЕТРОИС), созданного еще в 2019 г. Для начала работы ЕТРОИС необходимо

решить проблему недостаточной технической готовности Комиссии и государств-членов ЕАЭС к взаимодействию, порядок которого закреплен Решением Коллегии ЕЭК от 06.03.2018 №35 «О ведении единого таможенного реестра объектов интеллектуальной собственности государств-членов ЕАЭС».

Внедрение в работу ТРОИС ЕАЭС имеет ряд преимуществ как для участников ВЭД, так и для таможенных органов. Основными преимуществами для декларантов и иных заинтересованных лиц является возможность сокращения временных и материальных издержек благодаря единоразовому сбору и подаче документов в Комиссию на включение в ТРОИС. Иными словами, при работе ЕТРОИС необходимость подачи пакета документов в уполномоченный орган каждого государства-члена ЕАЭС отсутствует. В условиях легализации параллельного импорта введение в работу ТРОИС ЕАЭС позволит повысить объективность принимаемых таможенными органами решений ввиду упрощения и ускорения процедуры подтверждения представленных в рамках таможенного декларирования товаров сведений. Таким образом, ТРОИС ЕАЭС – должна стать единой платформой, на которой будут содержаться сведения об импортерах, которые имеют право осуществлять операции по ввозу товаров на внутренний рынок Союза, а также перечне товаров, с их наименованием и подробным описанием.

При этом эффективность работы системы напрямую будет зависеть от полноты и актуальности содержащихся в ней сведений о товарах. Так, важной составляющей работы ТРОИС ЕАЭС является постоянная актуализация информации о признаках оригинальной и контрафактной продукции, а также о выявленных ранее в отношении данной категории товаров нарушениях. Наличие наиболее полной и актуальной информации позволит, во-первых, минимизировать риски принятия таможенными органами необоснованного решения о невозможности ввоза товаров на рынок Союза, во-вторых, повысить объективность принимаемого

решения на основе имеющейся информации о признаках контрафакта той или иной категории продукции.

Помимо внедрения в работу таможенных органов ТРОИС ЕАЭС в качестве инструмента повышения эффективности таможенного контроля, действие которого будет направлено на минимизацию рисков принятия таможенными органами ошибочного решения о возможности реализации товаров на внутреннем рынке России ввиду предоставления импортером подложных (фальсифицированных) документов, а именно документов подтверждающих оригинальность, качество и безопасность продукции, а также факт ее официального введения в оборот за пределами государств-членов ЕАЭС, следует рассматривать еще одно цифровое решение – создание единой цифровой системы, которая будет включать в себя все необходимые для контроля законности параллельного импорта документы.

При этом важно отметить, что доступ к единой цифровой платформе должен быть у таможенных органов всех стран, с участием которых осуществляется параллельный импорт. Обусловлена такая необходимость открывающимися для таможенного контроля возможностями, основной из которых является своевременное выявление нарушений в оформлении того или иного документа, а также их подлинности. Иными словами, создание единой цифровой платформы позволит уйти от сложной процедуры направления запросов на подтверждение подлинности тех или иных документов, что особенно важно в условиях снижения эффективности международного сотрудничества ввиду реализуемой санкционной политики. Помимо этого, данный инструмент совершенствования таможенного контроля в условиях легализации параллельного импорта позволяет проводить так называемый предварительный контроль, повышая тем самым эффективность проверочных мероприятий и содействуя оптимизации работы таможенных органов, а также упростить процедуру таможенного оформления при прибытии товаров в пункт пропуска и, соответственно, снизить риск

увеличения материальных и временных издержек.

Таким образом, процедура подтверждения законности параллельного импорта будет включать в себя следующие этапы:

- после приобретения официальным дистрибьютером или сторонним поставщиком товара, включенного в разрешенный для параллельного импорта перечень, ему необходимо внести все документы в единую цифровую систему;

- далее осуществляется проверка уполномоченными органами загруженных участником ВЭД в систему документов на предмет правильности их заполнения в соответствии с установленными национальным законодательством требованиям, а также их подлинности;

- последним этапом таможенным органом принимается решение о возможности ввоза на основе проведенного контроля (в случае положительного решения таможенного органа, официальный дистрибьютер или сторонний поставщик готовит товар к транспортировке, в случае отрицательного решения – участник ВЭД собирает недостающие документы или документы, необходимые для подтверждения заявленные сведения, а также проходит дополнительные виды контроля для подтверждения качественных и количественных характеристик).

Говоря о сложности таможенного контроля товаров, ввозимых на территорию государства параллельным импортом, следует отметить, что в качестве еще одного барьера следует считать ежегодное повышение нагрузки на таможенные органы, вызванное неосведомленностью участников ВЭД об изменениях действующего законодательства. Иными словами, неосведомленность официального дистрибьютера или стороннего поставщика об изменениях перечня разрешенных к параллельному импорту товаров может повлечь как повышение нагрузки на таможенные органы, вследствие проведения дополнительных проверочных мероприятий, так и материальные издержки для самих участников ВЭД. Соответственно, для решения данной проблемы необходимо повысить уровень

осведомленности участников ВЭД об изменениях действующего таможенного законодательства. Ранее отмечалось, что перечень разрешенных к параллельному импорту товаров постоянно актуализируется, что влечет повышение вероятности «случайного» нарушения норм законодательства в результате незнания факта исключения той или иной категории товаров (конкретного бренда) из данного перечня.

Одним из наиболее эффективных инструментов решения данной проблемы следует считать совершенствование используемого на сегодняшний день личного кабинета участника ВЭД, созданного для осуществления их взаимодействия с таможенными органами. Личный кабинет участника ВЭД работает по принципу «одного окна», т.е. предоставляет возможность получения заинтересованным лицом различного рода услуг на одном ресурсе. Исходя из этого, можно сделать вывод, что личный кабинет – это инструмент, обеспечивающий доступ участников ВЭД к необходимой для осуществления внешнеторговой деятельности информации. Так, в условиях легализации параллельного импорта целесообразно немного видоизменить данный ресурс, добавив в него вкладку с актуальной информацией о перечне разрешенных для поставок по такой схеме товаров, а также документах, без которых осуществления внешнеторговой операции будет невозможно. Важно отметить, что для получения положительных результатов необходимым условием является своевременная актуализация сотрудниками таможенных органов представленной в личном кабинете участника ВЭД информации. Таким образом, данная мера позволит снизить риски материальных потерь участников ВЭД и повышения нагрузки таможенных органов посредством своевременного информирования официальных дистрибьютеров и сторонних поставщиков о внесенных в нормативно-правовые акты изменениях.

Возможности современных цифровых технологий позволяют также использовать функцию «оповещения». Сущность данной функции заключается в том, что

заинтересованные лица могут получать информацию об изменениях законодательства в области параллельного импорта автоматически, что также повысит уровень их информированности и снизит риски материальных потерь.

Рассмотрев несколько цифровых решений, которые позволят повысить эффективность таможенного контроля и минимизировать риски «случайных» ошибок, следует перейти к решению проблемных областей правового характера. Как было отмечено ранее, действующая нормативно-правовая база, закрепляющая особенности реализации параллельного импорта и контроля его законности, имеет несколько «пробелов». Начать следует с того, что на сегодняшний день отсутствуют закрепленные на законодательном уровне критерии, согласно которым товары того или иного бренда включаются в разрешенный для параллельного импорта перечень или исключаются из него, что существенно повышает риски материальных потерь для импортеров, делая торговлю на территории России менее привлекательной. Решением этой проблемы является проведение уполномоченными органами работы по формированию ряда критериев, на основании которых будет осуществляться актуализация перечня товаров, допущенных для ввоза по схеме параллельного импорта. При формировании данных критериев необходимо учитывать как тенденции и возможности развития внутреннего производства той или иной категории товаров, т.е. наличие у отечественных производителей ресурсов для замещения импортных товаров отечественными, так и внешние угрозы, в том числе меняющуюся политическую и экономическую обстановку.

Говоря о валютно-финансовых рисках, следует отметить, что после отключения российских банков от международной платежной системы SWIFT появилось множество схем «обхода» финансовых санкций, например, привлечение внешних финансовых агентов, взаимозачеты, криптовалюты и т.д. Наиболее безопасным инструментом является именно привлечение внешних финансовых агентов

(платежных агентов). В данном случае заключаются трехсторонние контракты, где третья сторона осуществляет взаиморасчеты и обеспечивает финансовую логистику. В основном в качестве платежных агентов выступают страны, в которых действует более лояльная банковская политики, а также страны, которые не поддерживают санкции против России. Соответственно, банки стран-посредников готовы обслуживать операции, предметом которых выступают платежи в долларах и евро. Иными словами, поступающие от российских предпринимателей платежи в данных валютах проходят без риска заморозки.

Главными преимуществами использования такой схемы проведения расчетов по внешнеторговым договорам является простота и подконтрольность действий всех сторон, быстрота переводов и их невысокая стоимость. Также следует отметить, что риски финансовых потерь, а именно блокировки операций, минимальны, что делает эту схему расчета наиболее привлекательной для официальных дистрибьютеров и сторонних поставщиков.

Решение выявленных в ходе исследования проблемных областей и рисков параллельного импорта требует комплексного подхода, затрагивающего как технические, так и правовые аспекты.

Заключение

Введенные странами Запада и США в рамках санкционной политики запреты и ограничения оказали существенное влияние на внутренний рынок России в целом. Самыми уязвимыми оказались те отрасли национальной экономики, которые наиболее зависимы от импортных поставок, в том числе такие сектора как автомобилестроение и электроника. Говоря о стабилизации данных секторов экономики России, следует отметить, что использование параллельного импорта в качестве инструмента современной таможенной политики позволило, во-первых, сохранить необходимый для потребителей ассортимент товаров, не допустив дефицит той или иной категории продукции на внутреннем рынке, во-

вторых, сдержать рост цен, сделав иностранные товары более доступными для населения. При этом необходимо отметить, что в некоторых сферах экономики значимость параллельного импорта постепенно снижается, что обусловлено развитием внутреннего производства, а именно увеличением объемов производства отечественными компаниями (предприятиями) аналогичных импортной продукции товаров до того уровня, который необходим для замещения ее поставок из недружественных стран. На сегодняшний день основными хабами для параллельного импорта признаны ОАЭ, Индия, Грузия, а также страны ЕАЭС (преимущественно Казахстан и Киргизия). Главным преимуществами участия этих стран в осуществлении параллельного импорта следует считать наличие на территории государств, а именно ОАЭ и Индии, множества европейских и иных иностранных компаний, что дает доступ России к их продукции. Также значимым преимуществом является возможность осуществления «прямых» транзакций, за исключением ОАЭ, несмотря на отключение России от международных платежных систем. Способствует упрощению механизма и снижению рисков финансовых потерь и развитая инфраструктура этих стран. Отдельно следует отметить, что самым экономически выгодным вариантом является осуществление поставок параллельным импортом через страны ЕАЭС, что обусловлено отсутствием в рамках Союза обязанности уплаты ввозных таможенных пошлин и налогов, а также действием упрощенной системы таможенного оформления и таможенного контроля импортируемых товаров.

Несмотря на очевидные преимущества параллельного импорта, необходимо выделить несколько его проблемных областей и рисков. Так, основными из них следует считать высокие риски попадания на внутренний рынок контрафактной продукции, сложность таможенного контроля поступающих по схеме параллельного импорта на внутренний рынок товаров, ввиду замедления развития международного сотрудничества и

недостаточной эффективности работы ТРОИС. Не менее значимой проблемой является несовершенство нормативно-правовой базы в области регулирования параллельного импорта, в том числе отсутствие закрепленных критериев, на основе которых та или иная продукция может быть включена в разрешенный перечень или исключена из него.

Решение вышеизложенных проблем требует комплексного решения. Так, в качестве главных инструментов решения существующих проблемных областей и рисков выступает внедрение в работу ТРОИС ЕАЭС и создание единой цифровой системы, на базе которой будут содержаться все необходимые для эффективного таможенного контроля документы и сведения. Еще одной мерой повышения привлекательности торговли на территории России путем предоставления возможности прогнозирования тенденций на рынке является совершенствование действующего законодательства, а именно формирование и закрепление четких критериев, на основе которых будет изменяться разрешенный для параллельного импорта перечень товаров. Для удобства также следует рассмотреть возможность добавления в личный кабинет участника ВЭД вкладки, на которой будет содержаться актуальная информация об изменениях норм российского законодательства.

Список литературы

1. *Липин Е.А., Набоков А.Р., Цой А.В., Ворона А.А.* Параллельный импорт. Легализация параллельного импорта в России // Сборник материалов Всероссийской научно-практической конференции «Внеэкономическая деятельность: таможенный аспект». – 2023. – С. 45-54.
2. *Филимонова А.И.* Причины легализации параллельного импорта в РФ и анализ товарной структуры легализованного параллельного импорта // Таможенное дело. – 2023. - №3. – С. 32-34.
3. *Зингер О.А., Ильясова А.В.* Параллельный импорт: сущность и перспективы развития // Вестник Алтайской академии экономики и права. – 2023. - №11 (2). – С. 208-214.
4. *Бабанов А.Б., Бохан П.А., Шетов А.А.* Перспективы использования параллельного импорта в российской Федерации //

- Государственное и муниципальное управление. Ученые записки. – 2023. – № 1. – С. 54-60.
5. *Фальченко О.Д., Стремоусова Е.Г.* Особенности трансформации параллельного импорта в России в условиях внешних вызовов и экономических санкций // Вестник Алтайской академии экономики и права. – 2022. - №10 (3). – С. 476-483.
 6. *Игнатьева Г.В.* Основные проблемы таможенного сопровождения параллельного импорта // Сборник материалов Всероссийской научно-практической конференции «Актуальные проблемы и перспективы развития государственной статистики в современных условиях». – 2024. – С. 222-225.
 7. *Ивгеш О.А.* Легализация параллельного импорта в Российской Федерации // Труды по интеллектуальной собственности. – 2023. – Том 45, № 2. – С. 53-62.
 8. *Мартемьянова К.Ю.* Применение механизма параллельного импорта в ЕАЭС: проблемы и их решения // Монография «Правовое сотрудничество государств в контексте идеи Большого Евразийского партнерства». – Екатеринбург: УГЮУ. – 2024. – С. 680-688.
 9. Центр стратегических разработок. URL: <https://www.csr.ru/ru/?s> (дата обращения 24.08.2025).
 10. Министерство промышленности и торговли России [Электронный ресурс]. URL: <https://minpromtorg.gov.ru/?ysclid=mek0sez9zu960957690> (дата обращения 25.08.2025).
 11. Федеральная таможенная служба [Электронный ресурс]. URL: <https://customs.gov.ru/> (дата обращения 27.08.2025).
 12. Приказ Минпромторга России от 01.04.2025 №1572 «О внесении изменений в перечень товаров (групп товаров), в отношении которых не применяются положения статей 1252, 1254, пункта 5 статьи 1286.1, статей 1301, 1311, 1406.1, подпункта 1 статьи 1446, статей 1472, 1515 и 1537 Гражданского кодекса Российской Федерации при условии введения указанных товаров (групп товаров) в оборот за пределами территории Российской Федерации правообладателями (патентообладателями), а также с их согласия, утвержденный приказом Министерства промышленности и торговли Российской Федерации от 21 июля 2023 г. №2701» [Электронный ресурс]. URL: <https://www.alta.ru/tamdoc/25a01572/> (дата обращения: 03.09.2025).
 13. Mobile-review [Электронный ресурс]. URL: <https://mobile-review.com/all/> (дата обращения 03.09.2025).
 14. АВТОСТАТ-Аналитическое агентство [Электронный ресурс]. URL: <https://www.autostat.ru/> (дата обращения 03.09.2025).

References

1. Lipin E.A., Nabok A.R., Tsoi A.V., Vorona A.A. (2023) Parallel Import. Legalization of Parallel Import in Russia. *Collection of materials on the results of the All-Russian scientific and practical conference «Foreign Economic Activity: Customs Aspect»*, 45-54.
2. Filimonova A.I. (2023). Reasons for the Legalization of Parallel Import in the Russian Federation and Analysis of the Product Structure of Legalized Parallel Import. *Customs Affairs*, 3, 32-34.
3. Singer O.A., Ilyasova A.V. (2023) Parallel Import: Essence and Development Prospects. *Bulletin of the Altai Academy of Economics and Law*, 11 (2), 208-214.
4. Babanov A.B., Bokhan P.A., Shetov A.A. (2023). Prospects for the Use of Parallel Import in the Russian Federation. *State and Municipal Administration. Scientific Notes*, 1, 54-60.
5. Falchenko O.D., Stremousova E.G. (2022). Features of the transformation of parallel imports in Russia in the context of external challenges and economic sanctions. *Bulletin of the Altai Academy of Economics and Law*, 10 (3), 476-483.
6. Ignatieva G.V. (2024). The Main Problems of Customs Support for Parallel Import. *Collection of materials on the results of the All-Russian scientific and practical conference «Actual Problems and Prospects of State Statistics Development in Modern Conditions»*, 222-225.
7. Ivegesh O.A. (2023). Legalization of Parallel Import in the Russian Federation. *Works on Intellectual Property*, 45 (2), 53-62.
8. Martemyanova K. Yu. (2024). Application of the Parallel Import Mechanism in the EAEU: Problems and Solutions // *Legal Cooperation of States in the Context of the Idea of the Greater Eurasian Partnership: the monograph*, 680-688.
9. Center for Strategic Research [Electronic source]. URL: <https://www.csr.ru/ru/?s> (Date of access: 24.08.2025).
10. Ministry of Industry and Trade of Russia [Electronic source]. URL: <https://minpromtorg.gov.ru/?ysclid=mek0sez9zu960957690> (Date of access: 25.08.2025).
11. Federal Customs Service [Electronic source]. URL: <https://customs.gov.ru/> (Date of access: 27.08.2025).
12. Order of the Ministry of Industry and Trade of the Russian Federation dated April 4, 2025 № 1572 «On Amendments to the List of Goods (Groups of Goods) for which the Provisions of Articles 1252, 1254, Paragraph 5 of Article 1286.1, Articles 1301, 1311, 1406.1, subparagraph 1 of Article 1446, Articles 1472, 1515 and 1537 of the Civil Code of the Russian Federation do not apply. subject to the introduction of these goods (groups of goods) into circulation outside the territory of the Russian Federation by copyright holders (patent holders), as well as with their consent, approved by Order No. 2701 of the Ministry of Industry and Trade of the Russian Federation dated July 21, 2023» [Electronic source]. URL: <https://www.alta.ru/tamdoc/25a01572/> (Date of access: 03.09.2025).
13. Mobile-review [Electronic source]. URL: <https://mobile-review.com/all/> (Date of access: 03.09.2025).
14. AUTOSTAT Analytical Agency [Electronic source]. URL: <https://www.autostat.ru/> (Date of access: 03.09.2025).

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Бикбов Евгений Анатольевич - аспирант кафедры региональной, муниципальной экономики и управления, Уральский государственный экономический университет; e-mail: bikbovea@mail.ru (ул. 8 Марта/Народной Воли, 62/45, г. Екатеринбург, 620144).

Богачкова Людмила Юрьевна – доктор экономических наук, профессор, профессор кафедры прикладной информатики и математических методов в экономике, Институт экономики и управления; ФГАОУ ВО «Волгоградский государственный университет»; e-mail: bogachkova@volsu.ru. (Университетский проспект, 100, г. Волгоград, Российская Федерация, 400062).

Ветрова Наталья Моисеевна – доктор технических наук, кандидат экономических наук, профессор, кафедра «Инженерное обустройство территорий», Институт «Академия строительства и архитектуры» ФГАОУ ВО «КФУ им. В.И. Вернадского»; ВУЗ; e-mail: хаос.vetrova.03@mail.ru (295007, Республика Крым, г. Симферополь, проспект Академика Вернадского, 4).

Гайсарова Анастасия Андреевна – кандидат экономических наук, доцент, доцент, кафедра «Экономики предприятия», Институт экономики и управления ФГАОУ ВО «КФУ им. В.И. Вернадского»; ВУЗ; e-mail: vip.gaysarova@mail.ru (295007, Республика Крым, г. Симферополь, проспект Академика Вернадского, 4).

Гармашова Елена Петровна – кандидат экономических наук, доцент, кафедра «Экономика предприятия», Институт финансов, экономики и управления; ФГАОУ ВО «Севастопольский государственный университет»; e-mail: ergarmashova@mail.sevsu.ru (ул. Университетская, 33, г. Севастополь, Российская Федерация, 299053).

Глезман Людмила Васильевна – кандидат экономических наук, доцент, старший

научный сотрудник Пермского филиала Института экономики Уральского отделения Российской академии наук; e-mail: glezman.lv@uies.ru (ул. Ленина, 50, г. Пермь, Российская Федерация, 614000).

Гундорова Марина Александровна – кандидат экономических наук, доцент, заведующий кафедрой «Экономика инноваций и финансы», ФГБОУ ВО «Владимирский государственный университет имени Александра Григорьевича и Николая Григорьевича Столетовых»; РФ, 600005, г. Владимир, ул. Горького 79; e-mail: mg82.82@mail.ru, ORCID: 0000-0001-6855-9749, SPIN -код: 4507-3134.

Ильина Алёна Алексеевна – аналитик кафедры «Экономика инноваций и финансы», ФГБОУ ВО «Владимирский государственный университет имени Александра Григорьевича и Николая Григорьевича Столетовых»; РФ, 600005, г. Владимир, ул. Горького 79; e-mail: alionaai.18@yandex.ru, Orcid: 0009-0007-0804-5480, Spin-код: 8411-7217.

Исаев Сергей Юрьевич – кандидат экономических наук, доцент кафедры государственного и муниципального управления, Пермский государственный национальный исследовательский университет; e-mail: isaev.zsperm@gmail.com (ул. Букирева, 15, г. Пермь, Российская Федерация, 614000).

Кирильчук Светлана Петровна – доктор экономических наук, профессор, заведующий кафедрой экономики предприятия Крымского федерального университета им. В.И. Вернадского; e-mail: skir12@yandex.ru (ул. Научная, 1А, п. Аграрное, г. Симферополь, 295000).

Мухин Михаил Александрович – кандидат экономических наук, младший научный сотрудник Пермского филиала Института экономики Уральского отделения Российской академии наук; e-mail:

cssed@mail.ru (ул. Ленина, 50, г. Пермь, Российская Федерация, 614000).

Пунга Дарья Владимировна – ассистент, кафедра «Экономика предприятия», Институт финансов, экономики и управления; ФГАОУ ВО «Севастопольский государственный университет»; e-mail: dvpunga@mail.sevsu.ru (ул. Университетская, 33, г. Севастополь, Российская Федерация, 299053).

Пьянкова Светлана Григорьевна – доктор экономических наук, доцент, профессор кафедры региональной, муниципальной экономики и управления; Уральский государственный экономический университет; e-mail: silen_06@list.ru (ул. 8 Марта/Народной Воли, 62/45, г. Екатеринбург, 620144).

Сысоев Илья Александрович – студент по направлению 01.03.05 – Статистика, кафедра прикладной информатики и математических методов в экономике, Институт экономики и управления; ФГАОУ ВО «Волгоградский государственный университет»; e-mail: ilya.sysoev.1303@mail.ru, (Университетский проспект, 100, г. Волгоград, Российская Федерация, 400062).

Урасова Анна Александровна – доктор экономических наук, доцент, ведущий научный сотрудник, директор Пермского филиала Института экономики Уральского отделения Российской академии наук; e-mail: annaalexandrovna@mail.ru (ул. Ленина, 50, г. Пермь, Российская Федерация, 614000).

Федосеева Светлана Сергеевна – кандидат экономических наук, младший научный сотрудник Пермского филиала Института экономики Уральского отделения Российской академии наук; e-mail: fedoseeva.ss@uies.ru (ул. Ленина, 50, г. Пермь, Российская Федерация, 614000).

Фраймович Ангелина Денисовна – аналитик кафедры «Экономика инноваций и финансы», ФГБОУ ВО «Владимирский

государственный университет имени Александра Григорьевича и Николая Григорьевича Столетовых»; РФ, г. Владимир, 600005, г. Владимир, ул. Горького, 79; e-mail: angelinafrai56@gmail.com

Фраймович Денис Юрьевич – доктор экономических наук, доцент, профессор кафедры «Экономика инноваций и финансы», ФГБОУ ВО «Владимирский государственный университет им. А.Г. и Н.Г. Столетовых»; РФ, г. Владимир, 600005, г. Владимир, ул. Горького 79; e-mail: fdu78@rambler.ru, ORCID: 0000-0001-9702-9093, SPIN -код: 8083-912

Швец Екатерина Анатольевна – аспирант ФГАОУ ВО «Балтийский федеральный университет имени Иммануила Канта»; e-mail: shvets.ekaterina1209@mail.ru. (Александра Невского, 14, г. Калининград, Российская Федерация, 236041).

Щекин Александр Сергеевич – заведующий филиала, Центр психолого-педагогической, медицинской и социальной помощи; e-mail: asshchekin@срmpk.permkrai.ru (Комсомольский пр-кт, 84а, г. Пермь, Российская Федерация, 614010)

Щербакова Светлана Александровна – кандидат географических наук, доцент, доцент кафедры географии; Смоленский государственный университет; e-mail: sollos@mail.ru. (Пржевальского, 4, г. Смоленск, Российская Федерация, 214000); доцент кафедры «Туризм, сервис и гостиничный бизнес», Институт развития города; Севастопольский государственный университет; e-mail: sollos@mail.ru. (Университетская, 33, г. Севастополь, Российская Федерация, 29905).

Ярош Иван Валерьевич – аспирант кафедры экономики предприятия Крымского федерального университета им. В.И. Вернадского; e-mail: ivan.yarosh.00@bk.ru (ул. Научная, 1А, п. Аграрное, г. Симферополь, 295000).

Information about authors

Bikbov Evgeny Anatolyevich – Postgraduate Student in the Department of Regional and Municipal Economics and Management, Ural State University of Economics; e-mail: bikbovea@mail.ru (62/45 8 Marta/Narodnoy Voli St., Yekaterinburg, 620144).

Bogachkova Lyudmila Yuryevna – Doctor of Economics, Professor, Professor of the Department of Applied Informatics and Mathematical Methods in Economics, Institute of Economics and Management; Volgograd State University; e-mail: bogachkova@volsu.ru. (Universitetsky Prospekt, 100, Volgograd, Russian Federation, 400062).

Fedoseeva Svetlana Sergeevna – Candidate of Economics, Researcher Assistant at the Institute of Economics of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences, Perm branch, e-mail: fedoseeva.ss@uiec.ru (50, Lenina st., Perm, Russian Federation, 614000).

Fraymovich Angelina Denisovna – analyst of the Department «Economics of Innovation and Finance», Vladimir State University named after Alexander and Nikolay Stoletovs; 79 Gorky Street, Vladimir, 600005, Russian Federation; E-mail: angelinafrai56@gmail.com

Fraymovich Denis Yuryevich – Doctor of Sciences (Economics), senior lecturer, Professor of the Department «Economics of Innovation and Finance», Vladimir State University named after Alexander and Nikolay Stoletovs; 79 Gorky Street, Vladimir, 600005, Russian Federation; E-mail: fdu78@rambler.ru, ORCID: 0000-0001-9702-9093, SPIN - code: 8083-9121.

Garmashova Elena Petrovna – *Candidate of Economic Sciences, Associate* Professor, Department of Enterprise Economics, Institute of Finance, Economics and Management; Federal State Autonomous Educational Institution of Higher Education «Sevastopol State University»; e-mail: epgarmashova@mail.sevsu.ru (st. Universitetskaya, 33, Sevastopol, Russian Federation, 299053).

Gaysarova Anastasia Andreevna - Candidate of Economic Sciences, Associate Professor, Associate Professor, Enterprise Economics Department, Institute of Economics and Management V. I. Vernadsky Crimean Federal University; University; e-mail: vip.gaysarova@mail.ru (295007, Republic of Crimea, Simferopol Akademika Vernadskogo Prospekt, 4).

Glezman Lyudmila Vasilyevna – Candidate of Economics, Associate Professor, senior Researcher at the Institute of Economics of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences, Perm branch, e-mail: glezman.lv@uiec.ru (50, Lenina st., Perm, Russian Federation, 614000).

Gundorova Marina Alexandrovna, Candidate of Economic Sciences, senior lecturer, Head of the Department «Economics of Innovation and Finance», Vladimir state university named after Alexander and Nikolay Stoletovs; 79, Gorky st., Vladimir, 600005, Russian Federation; Email address: mg82.82@mail.ru; ORCID: 0000-0001-6855-9749, SPIN -code: 4507-3134.

Ilina Alena Alekseevna – analyst of the Department «Economics of Innovation and Finance», Vladimir state university named after Alexander and Nikolay Stoletovs; 79, Gorky st., Vladimir, 600005, Russian Federation; Email address: alionaai.18@yandex.ru; Orcid: 0009-0007-0804-5480, Spin-code: 8411-7217.

Isaev Sergey Yuryevich – Candidate of Economics, Associate Professor, Department of Public and Municipal Administration, Perm State National Research University; e-mail: isaev.zsperm@gmail.com (15, Bukireva St., Perm, Russian Federation, 614000).

Kirilchuk Svetlana Petrovna – Doctor of Economics, Professor, Head of the Department of Enterprise Economics V.I. Vernadsky Crimean Federal University; e-mail: skir12@yandex.ru (1A Nauchnaya str., Agrarnoye settlement, Simferopol, 295000).

Mukhin Mikhail Aleksandrovich – Candidate of Economics, Researcher Assistant at the Institute of Economics of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences, Perm branch, e-mail: cessed@mail.ru (50, Lenina St., Perm, Russian Federation, 614000).

Punga Darya Vladimirovna – assistant, Department of Enterprise Economics, Institute of Finance, Economics and Management; Federal State Autonomous Educational Institution of Higher Education «Sevastopol State University»; e-mail: dvpunga@mail.sevsu.ru (st. Universitetskaya, 33, Sevastopol, Russian Federation, 299053).

Pyankova Svetlana Grigoryevna – Doctor of Economics, Associate Professor, Professor in the Department of Regional and Municipal Economics and Management, Ural State University of Economics; e-mail: silen_06@list.ru (62/45 8 Marta/Narodnoy Voli St., Yekaterinburg, 620144).

Shchekin Aleksandr Sergeevich – Head of the Branch, Center for Psychological, Pedagogical, Medical, and Social Assistance; e-mail: asshchekin@cpmk.permkrai.ru (Komsomolsky Prospekt, 84a, Perm, Russian Federation, 614010)

Shcherbakova Svetlana Aleksandrovna – Candidate of Geographical Sciences, Associate Professor, Associate Professor of the Department of Geography; Smolensk State University; e-mail: sollos@mail.ru. (Przhevalskogo, 4, Smolensk, Russian Federation, 214000); Associate Professor of the Department of Tourism, Service and Hotel Business, Institute for Urban Development; Sevastopol State University; e-mail:

sollos@mail.ru. (Universitetskaya, 33, Sevastopol, Russian Federation, 29905).

Shvets Ekaterina Anatolyevna – Postgraduate student of the Immanuel Kant Baltic Federal University; e-mail: shvets.ekaterina1209@mail.ru. (Alexander Nevsky, 14, Kaliningrad, Russian Federation, 236041)

Sysoev Ilya Aleksandrovich – student in the direction 01.03.05 – Statistics, Department of Applied Informatics and Mathematical Methods in Economics, Institute of Economics and Management; Volgograd State University; e-mail: ilya.sysoev.1303@mail.ru, (Universitetsky Prospekt, 100, Volgograd, Russian Federation, 400062).

Urasova Anna Aleksandrovna – Doctor of Economics, Associate Professor, Leading Research Fellow, and Director of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences, Perm branch, e-mail: annaalexandrovna@mail.ru (50, Lenina St., Perm, Russian Federation, 614000).

Vetrova Natalia Moiseevna – Doctor of Technical Sciences, Candidate of Economic Sciences, Professor, Department of Territorial Engineering, Institute of the Academy of Civil Engineering and Architecture V. I. Vernadsky Crimean Federal University; University; e-mail: xaoc.vetrova.03@mail.ru (295007, Republic of Crimea, Simferopol Akademika Vernadskogo Prospekt, 4).

Yarosh Ivan Valerievich – Postgraduate Student, Department of Enterprise Economics, V.I. Vernadsky Crimean Federal University; e-mail: ivan.yarosh.00@bk.ru (Nauchnaya, 1A, v. of Agrarnoye, Simferopol, 295000).

Научное издание

ЭКОНОМИКА И УПРАВЛЕНИЕ:

ТЕОРИЯ И ПРАКТИКА

СБОРНИК НАУЧНЫХ ТРУДОВ

2025 • Том 11 • №3

ECONOMY AND MANAGEMENT:

THEORY AND PRACTICE

COLLECTION OF SCIENTIFIC PAPERS

Vol. 11 • No3 • 2025

Учредитель и издатель:

ФГАОУ ВО «Севастопольский государственный университет»
ул. Университетская, 33, Севастополь, 299053, Российская Федерация

Адрес редакции:

ул. Университетская, 33, Севастополь, 299053, Российская Федерация
E-mail: snteutp@mail.ru

Сборник включен в Российский индекс научного цитирования: http://elibrary.ru/title_about.asp?id=56628

Сборник зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере связи,
информационных технологий и массовых коммуникаций.

Свидетельство ПИ № ФС 77 – 64119 от 25.12.2015 г.

Редакция не несет ответственности за нарушение авторами исключительных прав на результаты интеллектуальной деятельности третьих лиц. Мнения, высказываемые авторами в публикуемых статьях, не всегда совпадают с мнением редакции. При перепечатке материалов ссылка на сборник научных трудов «Экономика и управление: теория и практика» обязательна.

Все поступившие в редакцию статьи подлежат рецензированию.

Подписано в печать 30.11.2025 г.

Выход в свет 23.12.2025 г.

Формат 60×84/8. Усл. печат. Листов 14,2.

Тираж 500 экз. Издательский № 3/2025. Заказ № 4/2025.

Отпечатано с готового оригинал-макета на полиграфической базе редакционно-информационного издательского центра – медиацентра ФГАОУ ВО «Севастопольский государственный университет», ул. Университетская, 33, Севастополь, 299053.